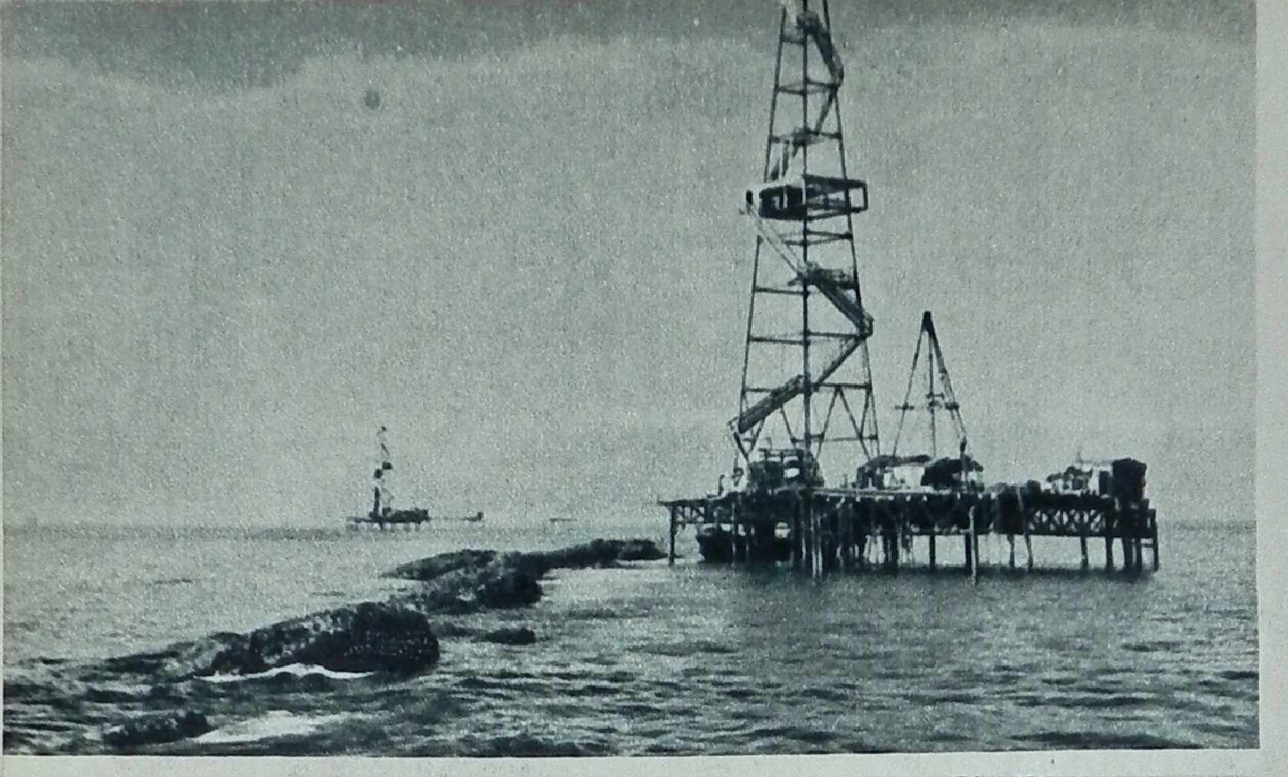
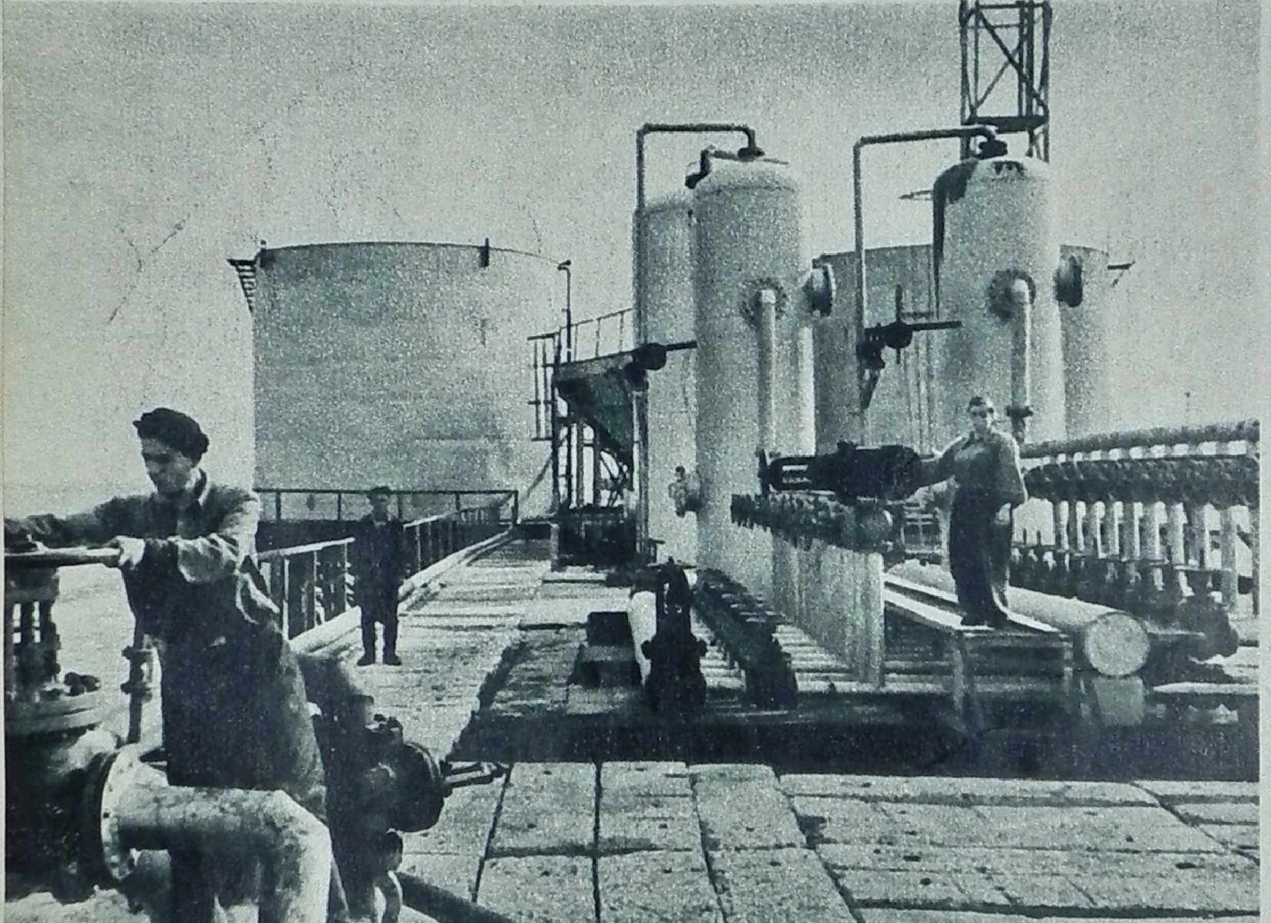

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДОБЫЧА НЕФТИ НА КАСПИИ. Второй промысел треста «Гюргяннефть». **Сверху вниз:** вышки на Нефтяных камнях; нефтесборный пункт; налив нефти в открытом море.

(См. в номере репортаж «Вышки в море».)

Фото С. Кулишова

На первой странице обложки:

Могучей техникой оснащена наша колхозная деревня. В сельское хозяйство внедрена передовая наука, которая помогает взять от земли все, что она в силах дать. Встречным потоком подымается творческая инициатива рядовых колхозников, обогащающая науку и технику.

В этих условиях высокий пост председателя колхоза особенно ответственен. Руководитель большого, сложного хозяйства должен обладать немалым запасом знаний, быть широко образованным человеком.

В Тимирязевскую академию съехались сейчас со всей страны практики социалистического сельского хозяйства. На специальных курсах при Академии они прослушают лекции по основам марксизма-ленинизма, математике, физике, химии, русскому языку; с ними проведут занятия по земледелию, животноводству, растениеводству, луговодству, лесоводству. Слушатели курсов ознакомятся с вопросами экономики и организации колхозного производства, селекции и семеноводства, изучат сельскохозяйственные машины. Такие же курсы организуются в Белоруссии, на Украине, в Грузии, Казахстане, Узбекистане и в ряде областных центров. Всеми курсами будет охвачено четыреста председателей колхозов.

На снимке: на курсах при Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Справа налево: профессор Н. П. Листов; лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Красный коллективист» (Некрасовский район, Ярославской области) Л. Н. Гунина; Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Победа» (Дмитровский район, Московской области) Н. С. Егоров; Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, председатель колхоза «Заветы Ильича» (Канский район, Красноярского края) Н. Н. Горбач и депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза имени И. В. Сталина (Олонецкий район, Карело-Финской ССР) П. Т. Антипов (сидит).

Фото Н. Туннеля

На четвертой странице обложки: Зимой в горах.

Фото Е. Умнова

ОГОНЁК № 7 (1340) 15 ФЕВРАЛЯ 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕРНЫЕ СЫНЫ И ДОЧЕРИ РОДИНЫ

В Российской Федерации, в Украинской, Белорусской, Грузинской, Литовской, Молдавской и Эстонской советских республиках в будущее воскресенье состоятся выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

Изо дня в день многочисленная армия агитаторов ведет большую, плодотворную работу. Сейчас агитаторы знакомят население с биографиями кандидатов в депутаты.

Биографии кандидатов — яркое свидетельство того, как вместе со всей страной растут наши люди, как из народной массы выдвигаются все новые и новые кадры, чья творческая инициатива находит широкое применение и на производстве и в общественной деятельности.

— Это нам помогла агроном Елена Вонифатьевна Новоселова, без нее мы не добились бы такого урожая,— так говорили колхозники артели «Заветы Ильича», Ворошиловского района, Приморского края, выдвигая Новоселову кандидатом в депутаты Приморского краевого Совета.

— Он восстанавливал Днепрогэс, а теперь строит Каховскую ГЭС. Это настоящий советский инженер-созидатель.— Такую характеристику дают избиратели гидротехнику Георгию Дмитриевичу Кадомскому.

Комсомолка-формовщица Мелитопольского станкостроительного завода Ираида Морозова второй раз выдвигается в депутаты Запорожского областного Совета. Передовая производственница, она всегда помнит о своих депутатских обязанностях, тесно связана со своими избирателями.

Труженики города и деревни, передовые представители всех слоев населения, достойные сыны и дочери Родины, люди, воспитанные партией Ленина — Сталина,— кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных. Выдвинутые народом, они будут честно служить интересам народа.

Колхозники сельхозартели «Борец», Дмитровского района, Московской области, выдвинули кандидатом в депутаты Московского областного Совета звеньевую колхоза Героя Социалистического Труда Антонину Никитичну Гудкову. Рабочие и служащие Яхромской прядильно-ткацкой фабрики Дмитровского района поддержали ее кандидатуру.

На снимке: А. Н. Гудкова беседует с молодыми работницами Яхромской фабрики.

Фото В. Кузьмина

Во дворе МТС. На первом плане — Сергей Ильич Тараскин.
Фото Б. Дмитриева

15 февраля 1933 года открылся Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников.

Историческая речь товарища Сталина на этом съезде раскрыла перед советским крестьянством широкую и ясную дорогу, ведущую к укреплению и расцвету колхозного строя. Прошло двадцать лет. Коммунистическая партия и советское правительство обеспечили за эти годы неуклонный рост колхозного сельского хозяйства, дав ему могучую технику.

Товарищ Сталин в гениальном своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» развертывает ясную перспективу дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства по пути к коммунизму.

Большие планы на будущее, большие замыслы рождаются в колхозах.

Мы из тех краев

На Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников бригадир молодой сельскохозяйственной артели Н. В. Блохин рассказал, как у них, в Ново-Деревенском районе, на бывших помещичьих землях зарождается новая, колхозная жизнь.

— Многие из вас наверное слышали,— сказал он,— о нищенской жизни бедняков Рязанской губернии, так вот мы из тех краев. В нашей местности целые деревни побирались с сумой.

— Сколько у нас на селе было раньше сапог? — спросил бригадир и ответил: — Сколько кулаков — столько и сапог.

С гордостью перечислил он машины, приобретенные колхозом: сложная молотилка, пять жаток, конные грабли. Тракторами Ново-Деревенский район только начинал в те годы обзаводиться.

И вот спустя двадцать лет после Первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников мы оказались в этом районе.

За окном курится поземка. Над холодной, пустынной степью повисло свинцово-серое небо. Ветер не перестает сдувать сухой снег, обнажая замерзшие колеи, накатанные еще с осени машинами и повозками, перевозившими хлеб нового урожая, тракторами и комбайнами, возвращавшимися с колхозных полей к себе, на Ново-Деревенскую машинно-тракторную станцию.

Теперь мы эти комбайны увидели на просторном дворе МТС. Они выстроились в длинный ряд, образовав, если можно так выразиться, индустриальную улицу. Выхлопные трубы напоминают трубы заводов и фабрик. Вот взовьются над ними дымки, раздастся свисток — и вся «улица» ринется в степь...

В районе сейчас не одна, а три машинно-тракторные станции. Комбайнов без малого сто. Тракторов в переводе на 15-сильные триста пять. Есть и такие мощные машины, как «С-80», «С-60», «ДТ-54».

Мы познакомились с теми, кто управляет этой богатой техникой.

«Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи,— сказал на Первом съезде колхозников-ударников товарищ Сталин.— Молодежь должна сменить нас, стариков. Она должна донести наше знамя до победного конца».

За столом сидели те, кому два десятилетия тому назад были адресованы сталинские слова. Многие из них побывали на войне и вновь вернулись в родные места. Тут сидел бригадир тракторной бригады Сергей Ильич Тараскин, член обкома партии, депутат областного Совета депутатов трудящихся. Рядом с ним мы увидели его помощника Николая Дмитриевича Райкова и тракториста той же бригады Михаила Ивановича Аксенкина.

Почти в одно время сели они на трактор и хорошо помнят появление первого «фордзона» у себя на полях. Тогда это казалось чудом — пахать без лошади.

— «Фордзон» шел, шел и вдруг остановился,— усмехается Тараскин.— Я подбежал к нему и схватился за карбюратор, обжег руку. Было больно, но именно в тот раз я и поклялся, что стану трактористом.

Все трое росли вместе с отечественной тракторной промышленностью. Из года в год выпускались все более мощные машины. Нужно было их знать. Изучали одну марку за другой. Теперь никому и в голову не придет сравнивать жалкий «фордзон» с «С-80».

Иначе складывается жизнь нынешних молодых трактористов. Они сразу же попадают на мощные машины. Сын Тараскина, например, управляет трактором.

Нет ничего удивительного в том, что дети, привыкшие с малых лет к технике, пошли по стопам отцов. Но во время беседы раскрылась другая, пожалуй, более любопытная подробность. Дело в том, что село Студенки, где родился Сергей Ильич Тараскин, считается в Ново-Деревенском районе главным поставщиком кадров машинно-тракторной станции.

Из пятнадцати трактористов, собравшихся сейчас в контору МТС, только трое, о которых мы здесь рассказали, принадлежали к «старому» поколению, остальным же в дни Первого съезда колхозников-ударников было по два — три года, не более. А Александр Першин, один из лучших водителей «С-80»,— так тот просто ровесник съезда: ему в этом году исполняется двадцать лет. Но даже у этого юноши уже есть преемники. И откуда же? Из тех же Студенок. Один из них — младший брат его, Николай.

Мы познакомились с родителями этих двух молодых трактористов. Нам хотелось узнать, почему именно Студенки стали главным поставщиком кадров МТС. Оказалось, что у Першина в семье прежде никто не увлекался техникой. Отец, старый колхозник Павел Першин, инвалид первой мировой войны, открыл нам «секрет».

— Тут во всем замешан Сергей Ильич Тараскин,— сказал он.— У нас в Студенках всякий вам скажет: без Тараскина и его трактористов ни одно дело не начинается. Что в посевную, что в уборочную, они без работы не тоскуют. Взять моего Александра. Бывало, с утра до вечера совсем еще мальчонкой все возле Тараскина топчется, а чуть подрос, стал зудить: «Отец, не я буду, если не стану таким же, как Тараскин!» Зудил, зудил, пока не пришлось мне пойти в правление да попросить, чтобы послали моего Александра на тракториста учиться. Выучился он. Встречаю Сергея Ильича. «Как,— спрашиваю,— там у вас мой Александр?» «Хорошо,— отвечает он мне,— очень хорошо, дядя Павел, ваш Александр старается». Видели вы, сколько в моих закромах мешков зерна? Так это еще не все. А ведь почти все — доходы Александра. Подрос Николай, туда же метит. Вот и пошли наши Студенки в трактористы. А край наш такой, что машин хватит на всех.

— Край наш такой,— повторяем мы за Павлом Першиным, и вспоминаются слова ново-деревенского бригадира на Первом съезде колхозников-ударников. Слова-то почти те же, а прозвучали в устах отца двух молодых трактористов совсем по-иному, да и смысл приобрели слова иной.

Сегодня на Рязанщине говорят:

— Мы из тех краев...

И это значит, что именно на полях Рязанской области появились первые электротракторы, что именно на реке Красивой Мече под новый, 1953 год вступила в строй еще одна межколхозная электростанция, что именно рязанские трактористы, и в частности бригада Сергея Ильича Тараскина, смело применяют опыт комплексной механизации.

З. ХИРЕН

Комбайны выстроились в длинный ряд

О чем говорили на колхозном собрании

П. КРАВЧЕНКО. Фото И. ТУНКЕЛЯ *Специальные корреспонденты «Огонька»*

Рано утром радист с хутора Куликовского Степан Федотович Танага еще раз напомнил колхозникам, что отчетно-выборное собрание колхоза имени Буденного начнется ровно в 10 часов.

Еще задолго до начала собрания люди потянулись к зданию клуба. Из самых дальних мест подъезжали на машинах. Гармонисты изощрялись в замысловатых переборах гармоник, девушки перешучивались с трактористами. Важно и неторопливо подходили старые казаки, обменивались приветствиями, закуривали у дверей клуба самокрутки, снимали шапки и, разгладив усы, проходили в зал.

...У колхозной газеты собралась толпа. Сегодня газета особенно нарядная, интересная. Здесь многих похвалили, но многим и досталось по заслугам.

— Дивитесь, как нашего Семена Зуба намалевали!

Кое-кто из попавших на карандаш смущенно крякал и, пробормотав нечто вроде: «Мало ли на кого прорухи не бывает!», — поспешно отходил в сторону и старался усесться за печкой, чтобы не так было видно.

А люди все входили и входили в зал, оживленные и веселые.

Когда все собрались и выбрали президиум, слово для доклада предоставили председателю колхоза Петру Петровичу Грибачеву.

В зале было тихо, потому что председатель рассказывал об очень интересных делах. Он говорил:

— Наш доход, товарищи колхозники, увеличился по сравнению с 1951 годом на 43 процента. Даже если не считать подсолнуха и кукурузы, то зерна мы собрали на 222 тонны больше, чем в прошлом году. Это значит, что с каждого гектара мы сняли на центнер больше против прошлого года. От каждой коровы получили молока на 176 килограммов больше, чем в прошлом году, и на 511 килограммов больше, чем в 1950 году, от каждой овцы настригли шерсти на 200 граммов больше. Поэтому дохода мы тоже получили на 389 тысяч рублей больше, чем даже планировали в своей смете. Сколько новых производственных зданий мы построили за год, вы сами знаете. Коровы и свиньи не будут страдать от недостатка хороших помещений.

Сегодня газета особенно нарядная, интересная.

Председатель отчитывался долго. Он говорил о недостатках в работе и о лучших людях колхоза. Подруги Валентина Никитична Удовик и Ольга Ивановна Езус застенчиво прижались друг к другу, когда председатель начал рассказывать об их отличном труде.

Картина работы колхоза за год выявилась достаточно четко. Председатель сказал, что таких успехов колхоз не сумел бы добиться, если бы не огромная помощь государства.

На полях колхоза в этом году работали 18 тракторов, 7 комбайнов и много других машин. Государство помогло артели установить в коровниках автопоилки, наладить электродойку. Пущена колхозная электростанция, началось рытье артезианского колодца.

— Несмотря на то, что мы досрочно рассчитались по всем видам поставок, все же остаемся перед государством в неоплатном долгу. Наш колхоз в крае считается средним. А неиспользованных резервов у нас столько, что если мы пустим их в ход, то вполне можем подтянуться до уровня самых передовых. Сделать это в 1953 году — наша главная задача.

Когда отчеты правления колхоза и ревизионной комиссии были закончены, посыпались вопросы:

— Скажите, Петр Петрович, когда у нас будет своя электросварка?

— Товарищ бухгалтер, к вам вопрос. Как вы считаете: та экономия, что у вас на покупке минеральных удобрений получилась, она как, на пользу колхозу или, может, во вред?

— За счет какой отрасли недорасходованы трудодни?

— Почему это у нас так мало меду собрали с пасеки?

— Пускай заведующий фермой ответит: электродойка регулярно будет работать или как в прошлом году — от случая к случаю?

Что тут скрывать! На некоторые вопросы отвечать было трудновато. Председатель, бухгалтер и другие члены правления вынимали платки, чтобы вытереть себе лоб. Сам не усмотришь за всем, а придирчивая критика — она помогает в работе.

Когда окончились вопросы правлению, наступила очередь представителя МТС отвечать на вопросы колхозников.

— Товарищи механизаторы, а что же вы не сделали такого приспособления к комбайнам, чтобы полегший хлеб тоже легко было убирать?

— По какой причине, товарищи механизаторы, в прошлом году ваши трактористы коегде пахали на 22 сантиметра, а не на 27? Теперь они опять так пахать будут? Нет? Ну, спасибо, значит, поняли...

Острые вопросы еще больше оживили собравшихся. Уже то один, то другой колхозник

Подруги Валентина Удовик и Ольга Езус застенчиво прижались друг к другу...

На собрании выступил Герой Социалистического Труда Григорий Максименко.

разглаживал прическу и поднимал руку: дайте слово сказать!

Слово получила Антонина Потаповна Чмиль из второй полеводческой бригады. Она заметно волновалась и все проводила рукой по трибуне, хотя трибуна была чистая и вытирать ее было не к чему.

— Вы извините меня, товарищи дорогие, за то, что я, может быть, не умею так складно сказать, как оно теперь требовалось бы,— проговорила она и вовсе отошла в сторону от трибуны.— Хочу сказать про партию и про то, куда она нас ведет. Посмотрите, сколько машин! Все то, что было у нас в работе самое тяжелое,— все делают зараз машины. Так нам мало того! Люди, сами люди смотрят уже другими глазами на наш хлеборобский труд.

С этой трибуны я хочу поклониться нашему колхозному кузнецу Ивану Ивановичу Балябе. Все вы помните, как мы работали на токах. То время так и называлось — страда. Нас 60 женщин стояло на 10 веялках, чтобы пересортировать столько зерна, сколько нам теперь дают комбайны. Мы не боимся работы, но и работа эта была очень тяжелая! К 60 женщинам надо было добавить еще 16 казаков, чтобы погрузить на машины и подводы зерно, что мы за день провеяли. Так что же тогда сделал Баляба? Он взял и придумал механизированный ток. Изготовил крупные сортировки с транспортерами, возвел над ними навес, вырыл ямы, забетонировал их, на другой стороне от сортировки поставил на столбах бункер на 25 тонн. И теперь вместо 76 колхозников там работают только шесть. Да и тем почти нечего делать: все делают машины, какие придумал Баляба. И грузить не надо: подъезжает машина под бункер, шофер остановится, только начнет цыгарку закручивать, а машина уже и полная,— шофер тогда и ругается, что ему покурить не дают.

Так и того же Балябе мало! Вызвали его в Краснодар на выставку колхозных рационализаторов и сказали, чтобы вагоном привез свою машину: пусть другие колхозы смотрят да учатся. А куда же ее повезешь, такую махину — с бетонированными ямами, навесом и бункером? Целый завод. Тогда Баляба сделал работающую модель и отправился с нею в Краснодар.

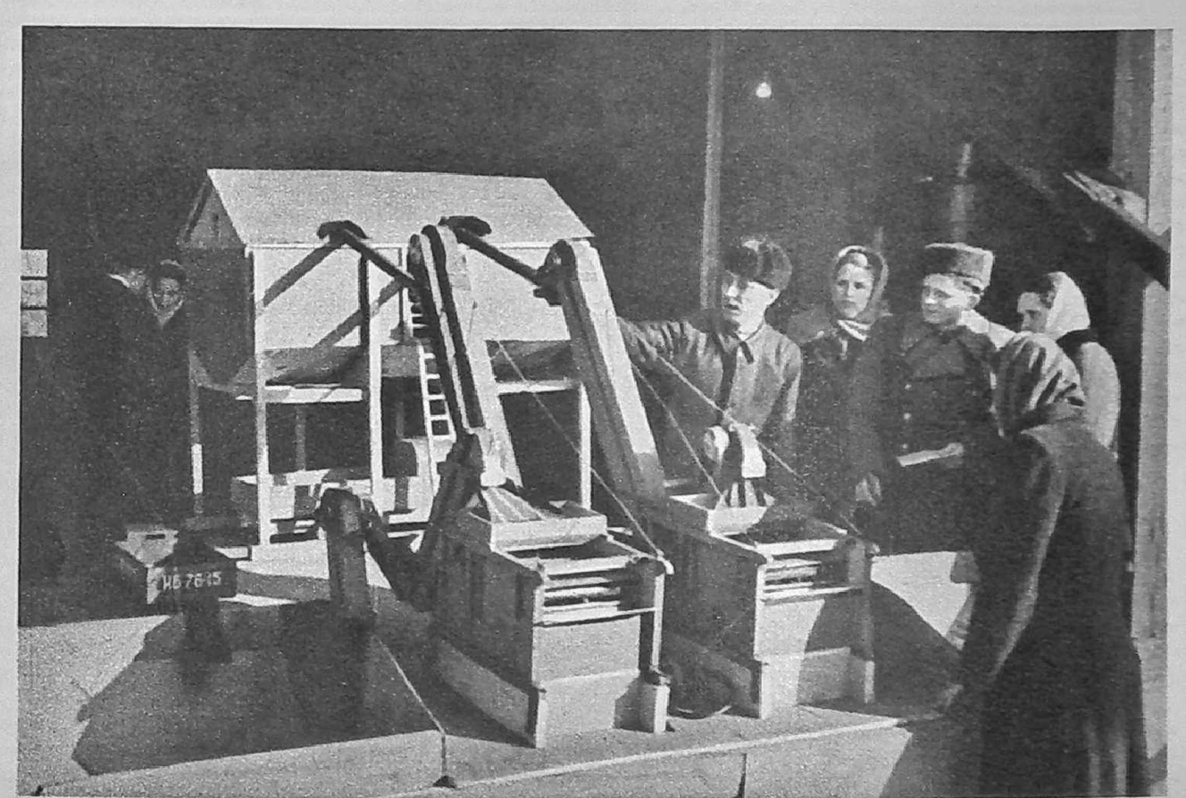
Нам теперь мало, чтобы у нас было хорошо. Пусть и везде будет так хорошо. Вот за то, что партия наша воспитывает таких людей, я хочу с этой трибуны низко поклониться всей партии и особенно товарищу Сталину!

Когда отшумели аплодисменты, вызванные речью Антонины Потаповны, один за другим на трибуну стали подниматься колхозники. Они говорили о многих важных колхозных делах. Похвалили Героя Социалистического Труда Григория Даниловича Максименко: он один убрал колосовых и подсолнечника с 986 гектаров; это больше трети всего убранного колхозом зерна.

Но как же это оно выходит? Значит, Григорий Данилович убрал больше трети, а остальные две трети достались на долю шести комбайнеров? До каких же пор Максименко будет работать за троих, а остальные комбайнеры прятаться за его спину? Ну, положим, Павел Маркович Богун тоже хорошо работает. А как же вышло, что товарищи Скрипка и Сосновый начали убирать хлеб на целых четыре дня позже, чем полагалось? Дирекции МТС надо позаботиться, чтобы в нынешнем году и остальные комбайнеры работали отлично, а не кое-как!

На собрании выступил и Герой Социалистического Труда комбайнер Григорий Максименко.

— Вы, товарищи, здесь правильно критиковали МТС,— сказал Максименко.— У нас еще много недостатков, и мы их постараемся в этом году исправить. Новому составу правления колхоза тоже надо будет заранее и получше рассчитать свои тактические задачи

Кузнец колхоза имени Буденного Иван Иванович Баляба на краснодарской выставке рассказывает, как работает модель построенного им механизированного тока.

На восьми санях привезли зерно Григорию Ивановичу Дубине.

Вечером колхозники слушают агрономов и зоотехников.

на севе и на уборке. Уже нельзя в этом году больше делать так, как в прошлом, когда комбайнера Красюка Григория Васильевича на самоходном комбайне заставили без конца метаться с одного участка на другой, да еще не всегда обеспечивали тарой, а иногда ему приходилось по полдня ожидать подвод. И еще попрошу: наладьте получше взвешивание. Вторая полеводческая бригада хорошо обслуживала мой агрегат, а из-за взвешивания были простои. В нынешнем году мы вместе с вами обязательно должны устранить эти недостатки — и тогда полевые работы, конечно, проведем образцово. Будем работать так, как работают наши лучшие заводы: четко, умно и ритмично!

* * *

Собрание затянулось до ночи. Очень поучительно бывает оглянуться назад, обобщить все сделанное за год и наметить такие пути, чтобы в следующем году работать лучше, чем в прошлом. Эти пути собрание и указало вновь избранному правлению.

Работа правления и ревизионной комиссии и работа МТС за год была признана удовлетворительной. А в 1953 году нужно подняться на гораздо более высокий уровень.

Еще играл в клубе оркестр, когда колхозники выходили с собрания. Молодежь осталась на танцы. А напротив клуба из окон небольшого, но аккуратного здания новой электростанции лился яркий электросвет — узаконенный признак новой колхозной деревни.

И уже на следующий день после собрания к домам колхозников с веселым скрипом потянулись сани с зерном, полученным на трудодни. Ко двору колхозника Григория Ивановича Дубины подъехало 8 саней. На них привезли около 4 тонн зерна.

— Это в окончательный расчет, — сказал, улыбаясь, Григорий Иванович. — А летом ведь я уже авансом получил 2,5 тонны, так что всего 6,5 тонны. Завтра за деньгами пойду, что на трудодни положены. На сберкнижку тысяч восемь положу. Это еще маловато. У нас в колхозе многие и побольше получат.

Да, оживленно в этот день на хуторе! У нового здания свинарника заведующий фермой Харитон Григорьевич Омельченко помогает свинарке Евдокии Степановне Бескоровайной разместить в санях 6 поросят — дополнительную оплату за отличный труд. Добродушно подшучивая, подруги одна за другой подносят ей упитанных и яростно визжащих розовых поросят.

А вечером в разных уголках хутора колхозники и колхозницы сходятся учиться. Сев уже не за горами. Люди внимательно слушают своих учителей — агрономов и зоотехников.

Много новых и очень интересных вещей надо знать колхознику, чтобы вырастить 26 центнеров зерна с гектара! Наступил новый год — будут новые достижения.

Колхоз имени Буденного, Ленинградского района, Краснодарского края.

Евдокия Бескоровайная получила шесть поросят.

В степи

Александр МЕЖИРОВ

Мне снова почудилась песня далекая
(Не спи, мое сердце, не спи!),
Волжанка, слегка замирая и окая,
Ее распевала в степи.

Глядела она с высоты экскаватора
На тоненьких саженцев цепь,
Из домика гулкого и узковатого
Широкую видела степь.

И землю тяжелую, землю щербатую,
Как воду ударом весла,
Вздымала она многотонной лопатою,
И вглубь котловина росла.

Заря опоясала лентою алою
Степное безбрежье земли,
Когда поутру в колыбель небывалую
Цимлянские воды легли.

И праздничный ветер набросился ласково
Косынку ее теребя.
В огромное зеркало моря Цимлянского
Глядела она на себя.

А я проезжал на полуторке около
Дорогой широкой, степной
И слышал, как пела, и слышал, как окала,
И голос запомнил грудной.

И ввек не забыть мне равнину полынную
И женского голоса власть.
Орел застывал над морской котловиною,
Как будто боялся упасть.

Запевала

Константин ВАНШЕНКИН

Рота шла по городу устало,
Пыль походов на плечи легла,
Но завел веселый запевала
Песню про геройские дела.

И мгновенно рота подровнялась,
А случилось это потому,
Что она невольно подчинялась
Молодому голосу тому.

В нем гремели звонкие подковы,
Сталь сверкала в яростном бою.
Обладатель голоса такого
Шел и пел, затерянный в строю.

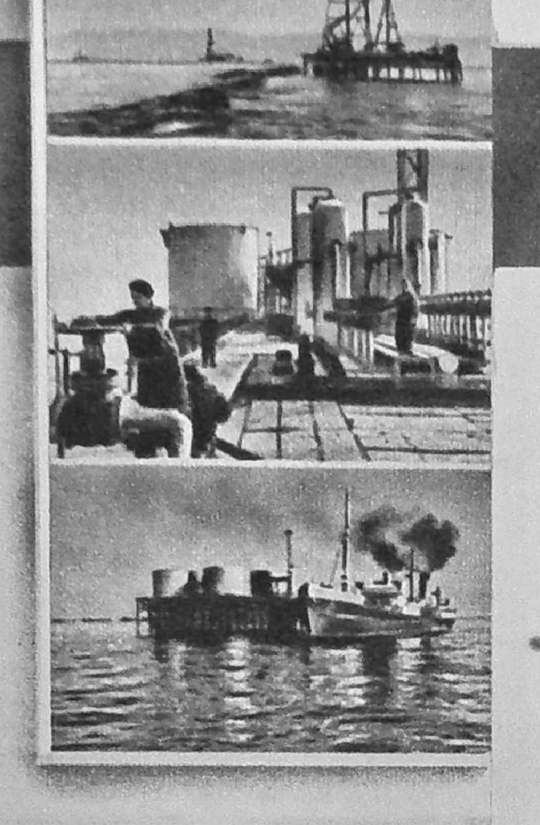
И девчонке смуглой, что уселась
На ступеньках старого крыльца,
Вдруг необъяснимо захотелось
Увидать поющего бойца.

И она с туманящимся взглядом
Поднялась, не видя ничего,
И пошла с пехотной ротой рядом
За звенящим голосом его.

И пошла за голосом куда-то
У знакомых встречных на виду,
И ее заметили солдаты
И глаза скосили на ходу.

И казалось, вот он, запевала,
Но солдаты грянули припев,
И девчонка медленно отстала,
Увидать героя не успев.

Но мотив солдатской песни славной
В памяти остался навсегда,
Да еще, — как улицею главной
Рота шла в те давние года.

ВЫШКИ В МОРЕ

К. ВАРЛАМОВ

Фото С. Кулишова

Самая восточная точка Апшеронского полуострова. Над морем стоит одинокая башня маяка. С высоты далеко виден однообразный пейзаж: на западе — ни кустика, ни деревца, к востоку — голубой Каспий.

Годы и годы отшумели над маячной башней. Ржавый флюгер, неказистые прибашенные строения да стертый камень ступеней — это, пожалуй, все, что сохранило здесь время в память о наших предшественниках, не разгадавших большого будущего сурового уголка полуострова, будущего, которое ныне стало настоящим.

Здесь, упорно отвоевывая у Каспия пядь за пядью, бакинцы возвели дамбу, соединившую Апшеронский полуостров с островом Артема.

Теперь, проезжая по широкому шоссе дамбы, забываешь, что эта удобная, надвое рассекающая пролив дорога создана руками человека. Она пролегла незыблемой границей между штормом и тишиной. В дни, когда с полуострова срывается пыльный и воющий северняк, когда дыбится и злобствует Каспий, дамба принимает на себя тяжкие удары моря. Разбиваясь о насыпь, закованную в бетон, валы с яростью мечут шумный дождь. А через дорогу, с подветренной стороны, властвует штиль. Небольшие деревянные пристаньки, прилепившиеся к южной обочине дамбы, объемистые корпуса барж, киржимов, вертлявые рыбацкие лодчонки отстаиваются здесь в самый нещадный шторм.

Южная сторона дамбы напоминает давно обжитую гавань. Не умолкая, рокочут моторы, тянутся к небу длинные стрелы подъемных кранов, приходят и уходят суда, автомобили. У транспортной пристани с утра толпятся пассажиры, спеша с первым же баркасом выйти на нефтяные разведки, попасть на дальние острова.

И тут же, поодаль от дамбы, берут начало морские нефтепромыслы. Первые буровые стоят на пологой отмели, у массивных свай эстакады, являющейся как бы продолжением земляной насыпи. Южный берег острова, одетый в бетон и сталь, кажется громадной стройкой, развернувшейся по единому, широко задуманному плану. Основы этого плана четко выражены в директивах XIX съезда Коммунистической партии: «Предусмотреть дальнейшее развитие добычи нефти на морских нефтяных месторождениях».

И если взглянуть сейчас на мощные потоки нефти, хлынувшие с дальних морских буровых, станет ясным: и дорога, соединившая остров с большой землей, и прочная стальная эстакада, врезавшаяся в голубую даль, и широкие свайные площадки среди волн, и богатая техника на плаву — все это звенья одной цепи наступления на недра, скрытые под водами Каспия.

На морских нефтепромыслах многое связано с дамбой. Отсюда уходят в рейс нефтяники, отгружают лес, металл, оборудование — все, что необходимо на дальних и ближних буровых. Дамба оживает с утра. Надрывная судовая сирена гулко прорезает морской воздух. Судно устремляется в открытое море. Там возникают буровые самого отдаленного морского нефтепромысла.

Второй промысел молодого треста «Гюргяннефть». Он лежит в районе «Нефтяных камней», обозначенных таким именем на листах судовых карт. Три зимы назад возвышались здесь одиночные скалы утесов. Ступая по их скользким замшелым выступам, сын бондаря Михаил Каверочкин, ветеран разведок на Каспии, недоверчиво поглядывал на обманчивую гладь воды. С дерзким вызовом пришли разведчики в этот новый для них мир.

По ночам, когда засыпал Каспий и ротор в буровой как бы воспроизводил шум прибоя, Михаил Каверочкин садился на краю утеса и вспоминал... Много лет назад так же вот, от одиночных разведок, началась добыча нефти на пустырях Лок-Батана, Кара-Чухура, Бузовнов, ныне крупнейших промышленных районов страны.

Проходя сейчас по высокому помосту эстакады, Михаил Каверочкин уже по-иному глядит на море. Опасное еще вчера, оно бессильно мечется сегодня в частом гребне свай. Его шум заглушается равномерным гулом в конце эстакады. Это строители днем и ночью вбивают в дно металлические столбы. Любо смотреть, как тяжелая стальная баба, низвергаясь с высоты, с огромной силой бьет по наковальне, нахлобученной на сваю. Звенит под ударами охваченный мелкой дрожью металл. Тяжелая труба сваи еще на какую-то незаметную для глаза долю углубляется в твердое морское дно. Грунт сопротивляется упорно, нехотя вбирает в себя длинный конец широкой трубы. При забивке каждой сваи строители делают от 8 до 25 тысяч ударов. Бывают случаи, когда количество ударов достигает 120 тысяч. Чтобы свая выстояла под напором волн, ее вколачивают на большую глубину.

Длинная цепь металлических ферм легко перекинулась над морем. Намертво схваченные швами электросварки, они образуют удобную дорогу над волнами, по которой, как по суше, снуют вагонетки, груженные строительными материалами, нефтяным оборудованием, быстро пробегают автомобили, автопогрузчики, с грохотом проползают тракторы.

На многие километры тянется «сухопутная» дорога в море. Местами она переходит в широкие площадки, на которых строятся жилые дома, служебные и промышленные здания. Не так давно нефтяники справили новоселье в пяти двухэтажных корпусах. Красный уголок, библиотека, здравпункт, магазин, столовая — все здесь напоминает большую землю. Этот густо застроенный голубой простор нефтяники называют сейчас городком нефти на сваях. Он уже имеет свою славную историю, живет своеобразной жизнью, растет с каждым днем.

Заведующий промыслом Бахтияр Мамедов не без гордости говорит:

— Много труда — много и нефти. Только в прошлом году добыча на нашем промысле выросла в несколько раз.

Из самой пучины подымаются к небу 40-метровые вышки. Многие годы должны выстоять они против необузданных сил стихии, выдержать натиск бурь. На островках-площадках, отрезанных десятками километров от суши, день и ночь трудятся бакинские нефтяники. Спросите об опасности, и буровой мастер Юсиф Керимов и бурильщик Султан Аббасов ответят вам:

— Техника у нас надежная, с ней в море не страшно.

На одном из «Нефтяных камней», выпирающем на поверхность моря, стоит несколько вышек. Среди них знаменитая буровая № 1 — первооткрывательница золотого дна, пробуренная бригадой мастера Михаила Павловича Каверочкина. Она и по сей день дает нефть. Два — три года назад это был передний край наступления. Сейчас он оказался в глубоком тылу. Длинные шеренги вышек протянулись далеко на восток и запад. Целый день нужно потратить для того, чтобы объехать на быстроходном катере хозяйство одного лишь второго промысла.

Промысловая жизнь богата примерами героической борьбы нефтяников с бурным Каспием. Сколько человеческих сил и труда по-

Поселок на эстакаде.

глотил он, уступая людям каждый клочок подводной земли! Не менее опасно море и тогда, когда оно хранит грозное молчание.

Кто не помнит здесь случая с буровой № 17? Во время освоения, несмотря на все предосторожности, из скважины ударил фонтан. Темно-рыжая струя нефти, перемешанная с газом, рвалась под маковку вышки. Плотная грива нефтяной пыли стлалась над морем. Стоял штиль — ни волны, ни ветерка. Нефть, падая на воду, толстым слоем ложилась вокруг буровой. Это были опасные часы, когда малейшая искра, высеченная вырвавшимся из забоя камнем, могла погубить все вокруг. Но люди бесстрашно пошли на укрощение фонтана. На буровую доставили ручную лебедку и приступили к смене вышедшей из строя центральной задвижки. Около суток длился поединок с открытым фонтаном. Нефть слепила глаза, газ затруднял дыхание. Чтобы передохнуть, люди с трудом добирались до отдаленного края площадки, а затем снова возвращались к скважине. Вокруг буровой все было приведено в боевую готовность: дежурные катеры, пожарные команды. И только Каспий, придавленный душным безветрием, хранил глубокое молчание. Единственным средством спасения от жары и удушья служили нефтяникам беспрерывно направляемые на них перекрестные струи воды. Фонтан был укрощен. К утру буровая № 17, послушная воле людей, погнала нефть на сборный пункт.

Море с трудом уступает свои богатства и может легко вырвать их из рук человека. Спасти каждую тонну нефти, доставить ее на берег — дело столь же не легкое, как и процесс добычи. На помощь добытчикам приходят моряки-нефтеперевозчики.

...Танкер был вызван по тревоге. Расчетливый капитан судна Гусейн Бала Алиев едва ли рискнул бы «лезть» на 6—7-балльные волны, если бы разговор шел не о нефти. К сборному пункту второго промысла из-за шторма уже несколько суток отрезан доступ. Нефть, как сообщалось в радиограмме, скоро заполнит все резервуары и хлынет через края. Гусейн Бала знал цену этой нефти.

Моряки лишь с седьмого захода приняли перекачечный шланг и, наполнив трюмы, ушли к острову Жилому. Здесь нефть была перегружена в резервную баржу, и танкер снова направился к резервуарам сборного пункта. Четыре рейса совершили на этот раз отважные моряки во главе с капитаном Гусейном Бала Алиевым, спасая тысячи тонн нефти.

В эти дни, когда вся страна трудится над выполнением исторических решений XIX съезда Коммунистической партии, с «Нефтяных камней» продолжают поступать отрадные вести:

«Бригада мастера Алексея Ахмедова увеличила суточную добычу нефти на 100 тонн».

«Еще 120 тонн нефти в сутки добавила бригада мастера Шир Бала Мамедова».

«На участке Ризвана Гасанова добыча нефти возросла еще на 75 тонн в сутки».

...По вечерам на морских промыслах вспыхивают десятки тысяч огней, причудливо отражающихся на поверхности воды. Самый дальний из них отбился в сторону Красноводска. Он светится на буровой, где недавно бригада Михаила Каверочкина, ныне лауреата Сталинской премии, пробурила новую разведочную скважину № 55, открывшую богатейшие перспективы. Она стоит пока еще одиноко. Но недалеко время, когда вокруг нее дружным строем встанут многочисленные вышки — вехи успешного наступления на недра Каспия.

Буровой мастер Юсиф Керимов (справа) и бурильщик Султан Аббасов.

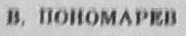
Партизанские дети

Раньше других мы познакомились с Раей. В комнату вошла девочка в синем платье и с алыми лентами в русых косах. Она — девятиклассница-отличница, о своих успехах в учебе рассказывает сдержанно и скромно. Затем вбежала шустрая Тома, младшая из сестер Дерюжиных. Она собиралась в оперный театр и потому была особенно возбуждена. В театр ее провожала старшая сестра, Лиля, студентка Минского педагогического училища.

Самая говорливая из сестер — Тамара. От нее мы узнаем, что минувшим летом она побывала в Артеке. Ее увлекает театр, и хотя она еще и не настоящая актриса, но уже участвует в постановке оперы «Пиковая дама». В разговор вступают Лиля и Рая. Слушаешь их рассказы об учебе, о любви к рукоделию, о том, что в Минске, пожалуй, нет такого замечательного уголка — музея, театра, выставки, — где бы сестры не побывали, и невольно вспоминается судьба этих детей.

Томе было всего три года, когда за связь с партизанами фашисты убили мать. Отец умер еще раньше. Партизаны забрали сестер Дерюжиных к себе в лес. «Партизанские дети» — так называли их в отряде. Девочки были окружены лаской и заботой людей, которые постарались избавить их от сиротской судьбы. Бородатые, суровые на вид подрывники откуда-то приносили игрушки, раздобывали конфеты. Девушки-партизанки учили их читать, шили им куклы.

Так было до прихода Советской Армии. А потом сестры стали членами большой и дружной семьи 8-го Минского детского дома.

В. ПОНОМАРЕВ

Сестры Дерюжины. Фото В. Лупейко

АРАБЫ—ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И МИР!

(Из бесед с шейхом Мухаммедом аль-Ашмар)

— Перед отъездом из Дамаска меня посетил в сопровождении чиновника английского посольства некий английский лорд, находившийся в то время в Сирии. Рисуя в самых мрачных красках то, что ожидает меня в Советском Союзе и Китае, он всячески старался отговорить меня от поездки. «Куда вы едете? — говорил лорд.— Зачем?»

И он в десятый раз принимался доказывать мне, что в Советском Союзе мусульманские мечети разрушены, религия вообще запрещена и тому подобное.

«Да вас просто не пустят в эти страны!» — воскликнул наконец англичанин, чувствуя, что красноречие его не достигает цели. Но и этот довод не помог. Я твердо решил ехать. Приглашение на Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана было уже получено. Путь в Пекин лежал через Москву, и это лишь увеличивало мое желание поскорее тронуться в путь...

Мой собеседник прерывает рассказ, неторопливо поглаживает седую бороду, обрамляющую смуглое от постоянного южного загара лицо.

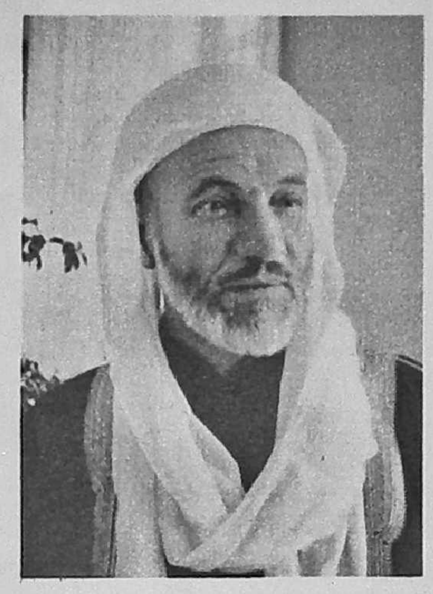
Шейх Мухаммед аль-Ашмар — видный религиозный и общественный деятель Сирии. Его имя известно на всем арабском Востоке. Он один из вождей народного восстания сирийцев против французских колонизаторов в 1925—1927 годах, участник антиимпериалистических выступлений народных масс Палестины в 1936 году.

Сейчас Мухаммеду аль-Ашмар шестьдесят три года. Прежде чем приехать в Великую столицу — так шейх называет Москву,— он проделал огромный путь, чтобы от имени арабов Сирии и других арабских стран присоединить свой голос к могучему движению сторонников мира во всем мире.

На вопрос о том, что побудило его пуститься в столь далекое путешествие, шейх ответил так:

— Пятьдесят миллионов арабов жаждут мира и стремятся к свободе. Слово «мир» не сходит сегодня с уст людей, и так оно повсюду: в скромной палатке бедуина[1] в пустыне, и в глинобитной хижине феллаха[2], и в семье ремесленника в городе. Дело мира требует жертв, и необходимо жертвовать всем, чтобы сделать мир реальностью. Я рад, что могу служить этой великой цели. Мусульмане,— заключает шейх,— по заветам своей религии отвергают войну и осуждают тех, кто хочет ее разжечь...

Мухаммед аль-Ашмар рассказывает о том, как древняя культура арабских стран была растоптана европейскими колонизаторами, а сами арабские страны отброшены в своем развитии на много лет назад. Такое положение арабских народов империалисты Англии и Франции всячески пытаются увековечить.

Мухаммед аль-Ашмар.

— Англичане,— говорит Мухаммед аль-Ашмар,— в совершенстве владеют искусством лжи и лицемерия. Сам Иблис[3] мог бы поучиться у англичан этому искусству.

Сегодня к гнету империалистов Англии и Франции прибавилось ярмо американских монополий. Они захватили и беззастенчиво грабят нефтяные ресурсы Саудовской Аравии, Бахрейнских островов. Они наложили лапу на месторождения нефти в Ираке и в аравийских княжествах Кувейт и Катар.

Баснословные прибыли от эксплуатации природных богатств и населения арабских стран текут в кассы английских и американских дельцов.

— Они, эти пришельцы, никогда не чувствовали себя спокойно на арабском Востоке. Не будет ошибкой, если я скажу, что за десятилетия не проходило дня, чтобы народ не поднимался против иноземных захватчиков.

В этих словах моего собеседника чувствуется та неугасимая ненависть, которую питают народы Сирии, Ливана, Ирака, Египта и других арабских стран к иностранным колонизаторам. И с каждым годом все сильнее разгорается на арабском Востоке битва народов за национальное освобождение. Земля, пропитанная нефтью и кровью арабских патриотов, горит под ногами колонизаторов.

— Ныне арабский Восток — кипящий котел, откуда все труднее становится иноземцам тащить жирные куски,— замечает шейх.

Английские и американские империалисты стараются изо всех сил убить в сердцах арабов чувство симпатии к народам Советского Союза, Китая, стран народной демократии. Они играют на религиозных чувствах мусульманского населения арабских стран и в своей пропаганде, перевирая факты, пытаются в извращенном виде представить положение мусульман в Советском Союзе. Однако это вызывает у арабов возмущение, даже у тех, кто далек от политики.

— В Советском Союзе и Китае,— говорит Мухаммед аль-Ашмар,— я решил увидеть все собственными глазами. Я действительно видел факты, которые не сможет оспаривать ни один лжец.

Пекин... На Конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана шейха Мухаммеда аль-Ашмар избрали в президиум.

— Это большая честь для меня и всех арабов,— говорит он.

По окончании работы Конгресса шейх осмотрел Пекин и его окрестности, совершил поездки по различным городам Китая, побывал во многих деревнях.

— Я полон глубоких и сильных впечатлений,— говорит шейх.— Трудно в немногих словах рассказать все то, что я видел и слышал...

Но вот шейх на мгновение задумывается, видимо, припоминая что-то. Его серые глаза светлеют, и он начинает рассказывать:

— Это была одна из многих встреч с мусульманами, живущими в Китае, но почему-то я помню ее особенно живо. Я приехал в деревню. Проходя по улице, я заметил старика, китайского мусульманина, одиноко сидящего у порога своего дома. Мне показалось, что лицо его выражает грусть. Я поздоровался с ним. Узнав о том, что я приехал издалека, чтобы посмотреть на новый Китай, он улыбнулся и сказал:

«Да, теперь у нас есть на что посмотреть».

Меня заинтересовала причина грусти, которая была написана на его лице.

«Задумался о прежней жизни,— ответил он.— Меня до сих пор преследуют кошмары прошлого. Вот здесь, в этой земле, похоронены два моих внука. Им обоим вместе не было еще двадцати лет. Они умерли от голода. Не один год доводилось нам есть листья с деревьев и рисовую шелуху...»

Да,— говорит Мухаммед аль-Ашмар,— при гоминдановской власти мусульман подвергали жестоким гонениям. Теперь мусульманский вопрос в Китае разрешен справедливо.

Старик поминутно благословлял Мао Цзэ-дуна: «Да пусть живет он долгие годы!» Потом он пригласил меня в дом. Я увидел чистое и красивое жилище. Указывая пальцем на каждую вещь, он говорил: «Ничего этого не было: не было кроватей, не было стола, стульев. Неделями в доме не было ни зерна риса. А вот теперь посмотрите!.. И земля та же, и воздух тот же, да люди теперь не те: они новые, это люди Мао Цзэ-дуна!..»

Уже было заполночь. Шейх все продолжал свой рассказ о Китае. Он был потрясен энтузиазмом, которым охвачен весь китайский народ, по призыву своего правительства строящий каналы, дороги, мосты, города.

— Мао Цзэ-дун с народом, и народ с ним! — убежденно говорит шейх.— Современный Китай — это великая нация и могущественное государство. В борьбе против иноземцев оно возродилось из пепла и руин.

Говоря о войне в Корее, шейх неодобрительно качает головой:

— Я видел в Пекине выставленные для общего обозрения бомбы, которые сбрасывали американцы в Китае. Среди них и бомбы, несущие смертельную заразу. Я видел письменные показания американских летчиков. И я убедился, что американцы применяют бактериологическое оружие в Китае и Корее. Ни один здравомыслящий человек не может одобрить подобные действия, оскорбляющие человеческую совесть...

* * *

...Мягко затормозив машину, шофер открывает дверцу, и мы выходим на асфальтированную дорогу. Нас ласкает прохладный ветерок — мы на Ленинских горах. Подходим к самой кромке пешеходной дорожки. Отсюда перед нашими взорами открывается огромная панорама Москвы.

Присмотревшись, наш сирийский гость обращает внимание на иссиня-белые огоньки, которые трепещут то тут, то там. И действительно, их сотни, а может быть, и тысячи.

Шейх спрашивает:

— Что это такое?

— Это работают электросварщики на новостройках Москвы,— отвечаю я.

— Вся Москва... — замечает шейх,— вся страна ваша строится. Это чувство не покидает меня в великом городе. Когда мне впервые рассказали, что у вас в пустыне начали строить канал длиною в 1 100 километров, я, признаться, не поверил, что это осуществимо. Теперь я верю в это. Верю потому, что только желающий мира может с такой любовью строить свой дом. А вы желаете мира, я это вижу ясно.

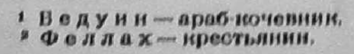
— А как насчет английского лорда и его россказней о положении мусульман в Советском Союзе?

— Лгут англичане, лгут и американцы,— ответил мой собеседник.— Мне не надо было даже выезжать из Москвы, чтобы убедиться в этом. В Москве я виделся и лично беседовал с деятелями мусульманской религии в СССР. У вас полная свобода религии, мусульман никто не преследует. Я сам молился в мечети, находящейся в столице Советского государства. Никто не препятствовал этому. Имам — настоятель московской мечети — познакомил меня со многими мусульманами, живущими в Москве. Они живут так же хорошо, как весь советский народ, и пользуются всеми правами. Когда они рассказывали мне об этом, они от всего сердца славили вождя советских народов Сталина.

Заметно стемнело. Лежащая перед нами Москва вспыхивает миллионами огней. Глаза шейха искрятся уже знакомой мне улыбкой: мысли его снова в родной Сирии.

— Арабам,— тихо, но вдохновенно говорит Мухаммед аль-Ашмар,— не из-за чего враждовать с Советским Союзом! Я верю, что узы нерушимой дружбы между нашими народами будут крепнуть с каждым днем. Этой цели я посвящу себя, вернувшись на родину.

Р. АРУТЮНОВ

[1] Бедуин — араб-кочевник.
[2] Феллах — крестьянин.

[3] Иблис — черт, нечистый.

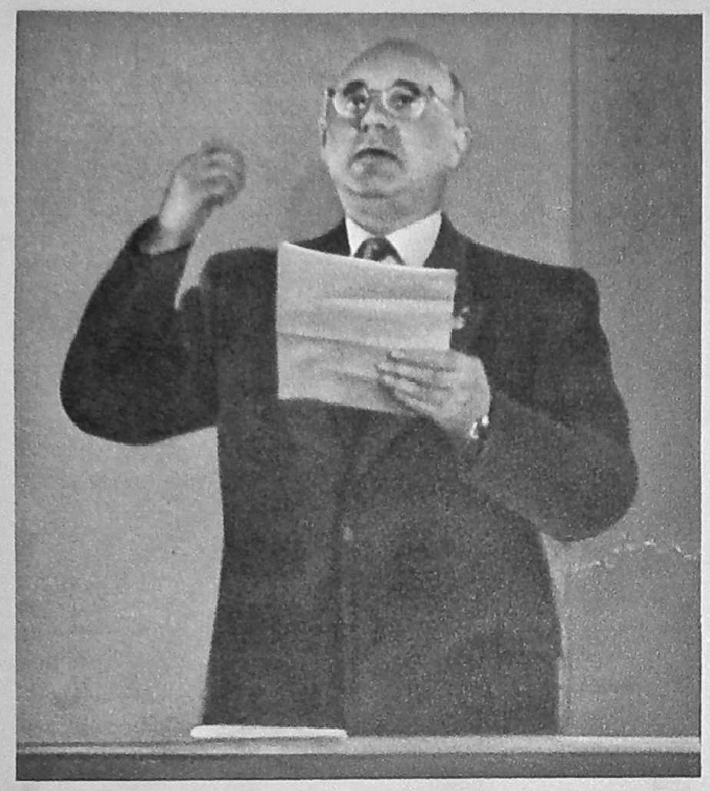

Знатный прокатчик страны, старший мастер стана «750» прокатного цеха завода «Серп и молот» (Москва) Иван Ильич Туртанов.
Фото Дм. Бальтерманца.

АГИТПОХОД В ПОДШЕФНЫЙ КОЛХОЗ. Учащиеся Федоскинской художественной школы миниатюрной живописи (Красно-Полянский район, Московской области) активно работают по подготовке к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Агитаторы - спортсмены организовали агитпоход в подшефный колхоз. На снимке: лыжники-агитаторы в пути.

Фото Б. Кузьмина.

Четвертого февраля в Свердловском зале Кремля в присутствии многочисленных представителей советской общественности состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» известному немецкому писателю Иоганнесу Бехеру.

Собравшиеся в зале советские писатели, деятели советского искусства, стахановцы московских предприятий тепло приветствовали выдающегося представителя немецкой демократической литературы, посвятившего свой талант делу борьбы за миролюбивую демократическую Германию.

На снимке: Иоганнес Бехер выступает с ответной речью после вручения ему международной Сталинской премии.

Фото А. Гостева.

БОРЕЦ ЗА СЧАСТЬЕ ГЕРМАНИИ

Конст. ФЕДИН

Славная семья лауреатов международной Сталинской премии пополнилась еще одним передовым представителем великого немецкого народа, писателем, художником слова.

Большой поэт Германии Иоганнес Бехер известен не только среди своих соотечественников. Его слово уже десятилетия раздается во всех странах Европы, оно звучит далеко за ее пределами, становясь от года к году сильнее и поэтичнее.

Высшим достоинством человека является его готовность отдать на службу людям самое дорогое, чем он обладает. Самое дорогое для Иоганнеса Бехера — его выдающийся поэтический талант. И он отдал его обществу безраздельно и навсегда.

Путь становления Бехера, народного поэта Германии, отмечен многими важными этапами борьбы за революционное искусство. Последние двадцать лет составили два важнейших этапа этой его борьбы и всего его творчества. Сказать о них сегодня — значит выразить глубокое признание всего лучшего, что уже сделано и делается теперь Бехером.

Двенадцать лет Иоганнес Бехер находился в эмиграции — двенадцать лет господства гитлеровской тирании над немецкой нацией, над Германией и подчиненными ей государствами. Все это время Бехер бился, дрался. Он воевал своими книгами, своим пером, своим вдохновением — воевал против Гитлера, как немец-антифашист. Когда он возвратился в освобожденный Советской Армией Берлин, он выступил с книгой, которой дан был отчет немецкому народу, отчет о том, как служил ему в эмиграции двенадцать лет его верный сын, немецкий солдат-антифашист Иоганнес Бехер.

Эта книга — «Избранная поэзия времен изгнания 1933—1945» — открывалась прологом «Возвращение на родину», где Бехер со страстью и вдохновенно призывал Германию освободиться от проклятия, которым запятнал ее Гитлер.

За этим прологом следовала его лучшая лирика поэта-гражданина, рассказывающая о любви к родине, о страданиях и стыде за позор нацизма, о надежде на избавление от этого позора, о внутренней гордости тою силой, которой обладает большой народ и которая поможет ему выпрямиться и открыто, честно, как равному, взглянуть в глаза всем народам.

Все это было пережито Иоганнесом Бехером, поэтом, признанным в среде прогрессивных немецких литераторов «самым крупным лирином антифашистской немецкой литературы». В эпилоге своего поэтического отчета немецкому народу, освобожденному от фашизма, Бехер выступил с призывом к миру и торжеству права: в этом видел он смысл своего возвращения на родину — возвращения ради строительства мира. И в этом заключался для него истинный смысл служения революционному искусству.

Наступил другой этап творчества Иоганнеса Бехера, наиболее замечательный в его жизни. Восемь лет назад среди руин поверженного нацизма он выпустил первые книги «Культурбунда».

Мы видим Иоганнеса Бехера на первых трудных этапах собирания немецких демократических сил. Каждый день и буквально каждый час после войны он посвящает тому, чтобы пробудить обманутую нацизмом интеллигенцию к новой дружной работе по созданию свободной культуры немецкого народа. Эта работа получила широкий размах с момента, охарактеризованного И. В. Сталиным как поворотный пункт в истории Европы,— с момента образования Германской Демократической Республики.

Необычайно развернулась и возросла с этого времени борьба за единство все еще разделенной на зоны Германии. Не только народные массы Германской Демократической Республики, но и миллионы немцев подневольного американцам германского Запада объединяются и борются под лозунгом единой, мирной, демократической Германии.

Поэзия Иоганнеса Бехера гармонически слилась с этим лозунгом, и потому она достигла подлинной народности. Потому его песни поет вся свободная немецкая молодежь. Потому именно он нашел слова, которые стали государственным гимном Германской Демократической Республики.

К нынешнему дню Иоганнес Бехер приходит с новой большой книгой, новым отчетом поэта своему народу. Защищая мир во всем мире и единство своей нации, он вправе был назвать новую книгу словами «Защита поэзии», ибо искусство поэта понято им как дело своего народа и народов всего мира.

Книга открывается замечательным словом о Ленине, утверждением поэта, что для человека, незнакомого с творениями Ленина, тайна нашей эпохи останется навсегда сокрытой.

Зерном книги являются призывы к молодой Германии, к надежде будущего — к юношеству.

Глубокой силой правды насыщен завет, содержащийся в речи Иоганнеса Бехера по поводу 200-летия со дня рождения Гете. Он справедливо ждет от немецкого юношества, что оно возьмет себе для настоящего и будущего все высшее и гуманное из культурного наследия народа. Он ждет, что молодежь Германии «вновь откроет Гете» — не того Гете, из которого немецкий бюргер вылепил гипсовый бюст олимпийца, обязательного идола всякого «приличного дома», но того великого Гете, который создал предпосылки освобождения немецкого человека от средневековья, нанеся удар по «абстрактной науке», по оторванным от живой действительности, схоластическим мудрствованиям мещанства.

Ценнейшие сокровища гуманистического наследия немецкой культуры были закопаны лопатами гестаповцев в кровавых рвах вместе с бесчисленными жертвами гитлеризма. Раскопать эти сокровища и поставить их на службу народно-демократической культуре должна свободная немецкая молодежь. Вот почему так важен поэтический призыв Иоганнеса Бехера к юным немцам.

Мне, советскому писателю, отрадно обратиться к Иоганнесу Бехеру, как к старому другу нашей литературы. Одним из первых он сделал доступной немецкому читателю советскую революционную, социалистическую поэзию Демьяна Бедного, Владимира Маяковского. В истории непрестанного творческого роста Бехера сказалось очень многое из того, что формировало биографии талантливейших советских писателей. Я помню и знаю писательскую деятельность Бехера со времен молодого задора и бурных поисков новой поэтической формы вплоть до нынешнего зрелого, плодоносного дня, когда со всею мощью художника он владеет единственно верным законом революционной эстетики — законом, утверждающим, что искусство не может быть прекрасным, если оно не служит счастью народа.

Советская литература и все советские люди рады были приветствовать Иоганнеса Бехера в самом сердце своей отчизны, в светлом зале Кремля. Под этот высокий и прекрасный свод его привел беззаветный труд во имя мира во всем мире, его неколебимая уверенность в том, что дело мира победит угрозу войны, ибо дело мира все крепче берут в свои руки народы, борьбою своей подтверждая прозорливость гения Сталина.

ЧУВСТВО ГЛУБОКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ

Я рад случаю обратиться к читателям журнала «Огонек», страницы которого я с интересом раскрываю каждую неделю у себя дома, в Германии.

Чувство глубокой благодарности переполняет меня в эти дни, когда я удостоен высшей награды в моей жизни — международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Я благодарен советским людям за то, что, защищая с оружием в руках свою Родину, они в то же время освободили и мою страну от невыносимого ига гитлеровского варварства. Я благодарен великому другу немецкого народа товарищу Сталину, чье изображение — символ мира во всем мире — я удостоен чести носить на своей груди.

С этим чувством благодарности сливается ощущение прилива новых сил, обретенных мной во время нынешнего пребывания в Советском Союзе.

Я убежден, что в предстоящие месяцы, которые будут иметь большое значение в борьбе за сохранение мира, немецкое движение за мир покажет себя достойным высокой награды. Ибо я рассматриваю награждение меня международной Сталинской премией как знак почетного признания заслуг всех людей Германии, которые от всего сердца хотят мира и полны решимости бороться за него до конца.

J. R. Becher.

М. М. БОТВИННИК — ЧЕМПИОН СССР ПО ШАХМАТАМ

Чемпион мира стал также и чемпионом страны. «Что же тут удивительного? — могут спросить многие. — Так и должно быть!» Это верно, если рассматривать итоги первенства с формальной точки зрения, если заниматься простой арифметикой. Но шахматы — борьба, а чемпионат Советского Союза настолько силен по своему составу, что занять в нем первое место — труднейшая задача даже для чемпиона мира.

Встреча М. Ботвинник — М. Тайманов обещала быть интересной. Действительно, борьба была напряженной и острой. Закончилась она победой более опытного М. Ботвинника, который завоевал, таким образом, золотую медаль чемпиона Советского Союза по шахматам.

М. М. Ботвинник.

Шахматная общественность приветствует этот новый успех М. Ботвинника. Чемпион мира снова показал свои великолепные качества шахматного бойца, показал, что нервы у него крепкие.

Тайманов проиграл со счетом $2\frac{1}{2} : 3\frac{1}{2}$ и ему нет оснований «расстраиваться». Краткий вывод из этого соревнования: в нашей стране растут все новые и новые молодые силы, с которыми чемпиону мира надо серьезно считаться.

Параллельно с соревнованием М. Ботвинник — М. Тайманов любители шахмат с интересом следили за международным турниром в Бухаресте.

На состязании в Москве говорили: какой еще молодой Тайманов! Но оказывается, что он не такой уж молодой. Вот в бухарестском турнире играет кандидат в мастера Борис Спасский — он действительно молодой! Перед тем как отметить свое шестнадцатилетие, этот способный юноша из Ленинграда, впервые в жизни играя с гроссмейстером, победил такого видного шахматиста, как В. Смыслов! Рядом со Спасским даже 24-летний гроссмейстер Т. Петросян кажется старым. С ним Б. Спасский сыграл вничью в день своего рождения — ему исполнилось 16 лет! Появление Бориса Спасского на международной шахматной арене еще раз показывает всему шахматному миру, какими неисчерпаемыми ресурсами обладает сильнейшая шахматная страна.

Сало ФЛОР

Дневник ОГОНЬКА

Накануне выборов в местные Советы

У КАРТЫ

ТАЛЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Нина ТОЛБАСТ

Перед нами несколько карт, помеченных разными годами: 1856, 1920, 1940, 1953-. Смотришь на них и видишь великие перемены, свершившиеся на этой земле.

...Карта Северной Эстонии прошлого века. В мыслях встает край туманов, ветров, непогоды, край неплодородных земель — болота, чередующиеся с суглинками. Суровый берег с редкой порослью ольхи и низкорослых кривых сосен, мелководное у берега море с торчащими над водой гигантскими валунами. На побережье — маленькие рыбачьи поселки. Ветер полощет развешанные на шестах, много раз чиненные сети. Далеко в свинцовом море белеет одинокий парус...

1918 год. Войска германских империалистов оккупировали Эстонию. Зверски расправившись с революционным народом, оккупанты отняли у него все, что можно было: только в Северной Эстонии в течение полугода было реквизировано около 170 тысяч пудов мяса, вывезено 3,6 миллиона пудов картофеля. Установилась власть реакционной эстонской буржуазии и прибалтийских немцев-помещиков. Не надеясь на одни только немецкие штыки, буржуазия продала свою родину империалистам Англии и Америки, которые ассигновали 10 миллионов фунтов стерлингов на подавление революции в Эстонии. На Таллинский рейд пришла эскадра английских кораблей.

Отторгнутая от Советской страны, Эстония превратилась в полуколонию крупных империалистических хищников.

И вот перед нами карта 1920 года. Внешне она ничем не отличается от карт, изданных в середине прошлого века. Все так же отмечались на карте мелкие поселки, границы крохотных волостей.

Но рядом с картой лежит газета «Ваба Маа» от 22 апреля 1926 года. Читаем эту реакционнейшую из реакционных эстонских газет. Она писала:

«Лет десяток назад на крупных заводах полуострова Копли трудилось много тысяч рабочих. А посмотрим сейчас на те же заводы — перед нами открывается грустная картина. От огромного предприятия — Русско-Балтийского завода — осталась одна лишь тень. Заводские здания гибнут от отсутствия ремонта. Ценнейшие части машин вывезены, оставшиеся ржавеют, разрушаются, деревянные сооружения гниют... Двери мастерских на замке, работа стоит, большинство рабочих уволено... Многие из них так и продолжают пребывать без определенных занятий...

Жилищные условия коплиских рабочих невыносимы. В бараках — чрезвычайная скученность, в них нельзя долго оставаться: столь душен и сперт здесь воздух...»

«Одна лишь тень» осталась не только от Русско-Балтийского завода.

В корпусах таллинского электромоторостроительного завода «Вольта» разместились мыловаренная и кондитерская фабрики, красильная, склад селедок и теннисный корт.

На Кренгольмской мануфактуре, где в 1913—1914 годах работало более 10 тысяч человек, в 1920—1940 годах количество рабочих колебалось от 500 до 2 тысяч человек.

В 1933 году в маленькой Эстонии было 28 тысяч безработных. Они хлынули в деревни, скитаясь от одного кулацкого хутора к другому, готовые продать свой труд только за пропитание.

Кому не удавалось устроиться батраком и некуда было деваться, уезжали на станцию Кохтла. В ее окрестностях в 1916 году русские геологи нашли залежи горючего сланца, и позже тут был заложен первый рудник. Когда Эстония стала буржуазной республикой, английские и шведские концессионеры построили близ Кохтлы два сланцеперерабатывающих заводика. Условия жизни и труда здесь были ужасны.

В деревне крупные кулацкие хозяйства пожирали бедняцкие и середняцкие. За один только 1939 год с аукциона было продано 3 тысячи хозяйств.

Все это не мешало правителям Эстонии называть ее «маленьким раем».

* * *

Карта 1953 года. Таллинская область на ней напоминает Северную Эстонию прошлого только извилистым очертанием берегов. Все остальное — новь.

И для того, чтобы обновилась карта, чтобы обновилась целая область, испытавшая многолетнее хозяйничание буржуазии, разоренная тремя годами немецко-фашистской оккупации, понадобилось не сто, а всего несколько лет.

Изменился и пейзаж. Там, где была болотистая равнина, выросли пирамиды терриконников и высокие заводские трубы, стальные эстакады и корпуса электростанций. Край болот и суглинка стал богатым промышленным краем. Там, где на карте 1940 года белело пятно с тремя маленькими черными точками — рабочими поселками,— в пору послевоенной сталинской пятилетки появились большие промышленные города.

Кохтла-Ярве. Четверть века назад здесь была маленькая деревушка Ярве. Соорудив четыре рабочих барака, полукустарный заводик и несколько кабаков, английские концессионеры назвали деревню «рабочим поселком» Кохтла-Ярве. Во время войны фашисты разрушили и то немногое, что было здесь.

В послевоенные годы советские люди построили в Кохтла-Ярве газосланцевый завод, оснащенный уникальной отечественной техникой. Отсюда идет газ в Ленинград и Таллин. Сланцеперерабатывающий комбинат вырабатывает из сланца десятки различных видов продукции.

Исчезли и заросли можжевельника, вереска. Тут высятся копры новых шахт, выдающих на-гора во много раз больше сланца, чем добывалось в годы буржуазной власти.

Представители английской компании «Голдфилдс» и шведские акционеры искусственно тормозили механизацию сланцевых шахт: зачем тратить деньги на машины, когда за воротами стоят сотни людей, готовых за бесценок продать свои руки!

Уже давно лампы дневного света озаряют забои и штреки советских сланцевых шахт, уже давно весь процесс добычи и отгрузки сланца механизирован.

Там, где лепились друг к другу хибарки горняков и домишки деревни Ярве, вырос новый город Кохтла-Ярве — центр газосланцевой промышленности. И не один город. На карте появились города Йыхви и Кивиыли. На месте осушенных болот выросли рабочие поселки Кукрусе, Ахтме, Сомпа, Кюттейыу, Вийвиконна.

Белые коттеджи, бульвары и парки, цветники и бассейны, кинотеатры и дома культуры — таков нынешний облик благоустроенных шахтерских городов и поселков Эстонского сланцевого бассейна.

Электромоторостроительный завод «Вольта». Монтажный цех больших моторов.

На карте 1953 года отчетливо видно, что север республики превратился в густо заселенную промышленную область. В центре ее Таллин, город, где красиво сочетаются средневековые башни Вышгорода и дома послевоенной пятилетки, город, где среди каштановых аллей и кленовых парков раскинулись заводские корпуса.

День этого приморского города начинается в порту гудками судов торгового флота, грохотом портальных кранов. Таллинский порт — один из крупных в Советском Союзе. Почти все грузы, проходящие через Таллинский порт, обрабатываются механизмами.

За полукруглым изгибом бухты раздвоенной косой выходит в море полуостров Копли. Никогда еще на коплиских заводах не спорилась так работа, как ныне. Вот корпуса ветерана эстонской промышленности — знаменитого завода «Вольта». Где только не встретишь машины с маркой этого завода!

Перенесемся на берега Нарвского водопада, в цехи Кренгольмской мануфактуры, где стоят лучшие в мире советские ткацкие станки. И как не вспомнить, что в 1940 году на Кренгольме стояли станки, изготовленные... в 1840 году!

Мы смотрим на карту 1953 года и не находим следов огромных заболоченных пространств. Исчезли они! Здесь раскинулись владения совхозов «Костивере» и имени Соммерлинга. Луга и пашни совхозов — это осушенные болота. Колхозники Таллинской области отвоевали у болот тысячи гектаров. По пятому пятилетнему плану мелиоративных работ в советской Эстонии ежегодно осушается почти столько же земли, сколько раньше осушалось за 100 лет.

Три мелиоративно-машинные станции и 21 МТС работают в Таллинской области. Вокруг них год от года расширяются плодородные поля, сады, огороды и культурные луга, год от года сужаются болота и «ныммед» — заросшие жесткими травами пустыри. Это — тоже новое на карте 1953 года. Но самое примечательное на ней — границы колхозов, колхозные центры.

Раньше тут были только хутора — одинокие, огороженные каменными заборами и обсаженные ельником. Обитатели хуторов росли молчаливыми, замкнутыми, и в жизни у них была только одна забота — как бы не разориться, как бы не пошло хозяйство с аукциона.

Распахав межи, эстонские крестьяне объединились в колхозы. К их услугам замечательные машины, новейшие достижения советской агротехники. Их детям открыта широкая дорога к знаниям: в высших учебных заведениях советской Эстонии учится студентов в 3 раза, а в техникумах — в 5 раз больше, чем до 1940 года. Эстонские студенты — это дети рабочих, служащих и колхозников.

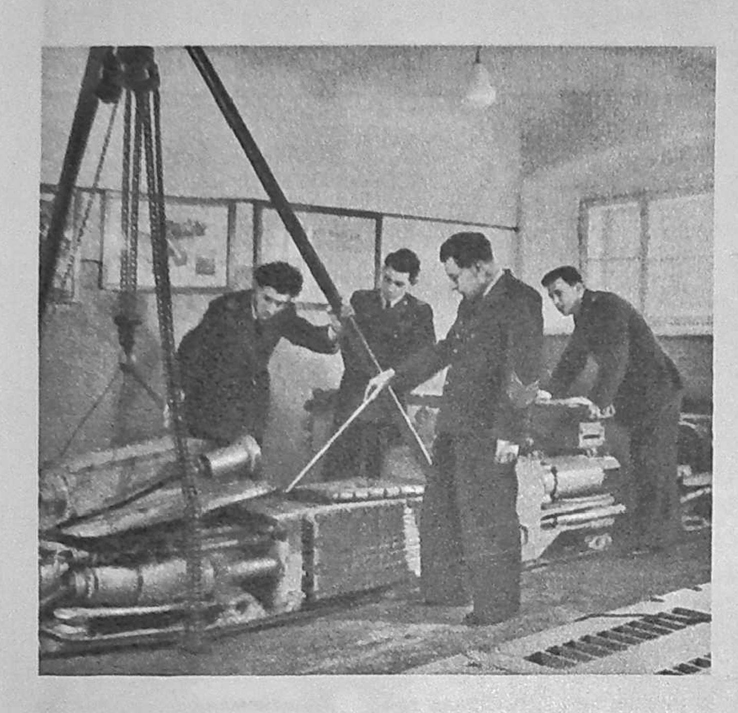
* * *

Большие перемены произошли на маленьком кусочке советской земли — в Таллинской области. Но это — только начало великих свершений. Народ выполнит пятую сталинскую пятилетку, и устареет карта 1953 года.

Кохтла-Ярве. Улица Победы. Фото П. Талвре.

ЛАБОРАТОРИЯ ГОРНЫХ МАШИН

Заведующий кафедрой горных машин Свердловского горного института И. Р. Ворошилин (второй справа) знакомит студентов с устройством горного комбайна «Донбасс».

Со словом «лаборатория» связано представление о пробирках, ретортах, о чем-то хрупком и стеклянном. Но вот вы в лаборатории горных машин Свердловского горного института имени В. В. Вахрушева, и ваше понятие о лаборатории резко меняется.

В отделении буровых машин вас окружат механизмы различных типов, марок и размеров. Они лежат на столах и на стеллажах. Здесь кругом железо, чугун, тяжеловесные, прочные предметы.

...Группа студентов пришла в лабораторию: кто разбирает буровую машину, кто занялся сборкой. Несколько человек окружили машину для бурения крепких руд и горных пород цветных и черных металлов.

Молодежь не может обойтись без шутки. Один из студентов вытащил далеко запрятанную «трещотку» — ручное приспособление для бурения, предка современной буровой машины, и поднес ее для сопоставления к телескопной машине. «Трещотка» в соседстве с ее мощным собратом вызывает веселое оживление. Как далеко шагнула механизация труда советского рабочего!

Рядом находится отделение электрических сверл и отбойных молотков, от самых легких, которые шахтер держит в руках, до тяжелых, весом более сотни килограммов, колонковых электросверл.

...Включен воздух. Молоток с треском отбивает куски породы от большой глыбы. Студенты сменяют один другого. Всем хочется испробовать свои силы.

В лаборатории нет обушка, на смену которому пришел отбойный молоток. Лаборатория ведь не музей. Зато в отделении врубовых машин можно найти все образцы их. Здесь и гордость советских конструкторов — угольный комбайн «Донбасс».

Студенты с живым интересом наблюдают работу комбайна. Воображение дополняет то, что видят глаза. Вот комбайн идет вдоль забоя, углубляясь в пласт угля. Уголь непрерывной рекой течет вниз по лаве, ссыпаясь в вагонетки.

Переходя от одной машины к другой, видишь, как последовательно решали советские конструкторы задачи совмещения подрубки, отбойки и навалки угля — всех основных операций труда шахтера.

Будущие горные инженеры не только смотрят эти машины, но и изучают их в действии. Лаборатория имеет компрессорную установку и бурозаправочную мастерскую, где студенты, как настоящие шахтеры, готовят различные коронки для буров.

Выйдя из стен института, молодые горные инженеры встретят под землей сложнейшие машины, как своих старых друзей.

В. НАЛОБИНА

Кандидат металлургов столицы

— Придешь на собрание избирателей, глянешь в зал — все лица знакомы. И подумаешь про себя иной раз: а не скучно им будет меня слушать? Который уж раз встречаемся за последние годы...

Иван Ильич Туртанов, усмехнувшись, несколько минут молчит, потом продолжает:
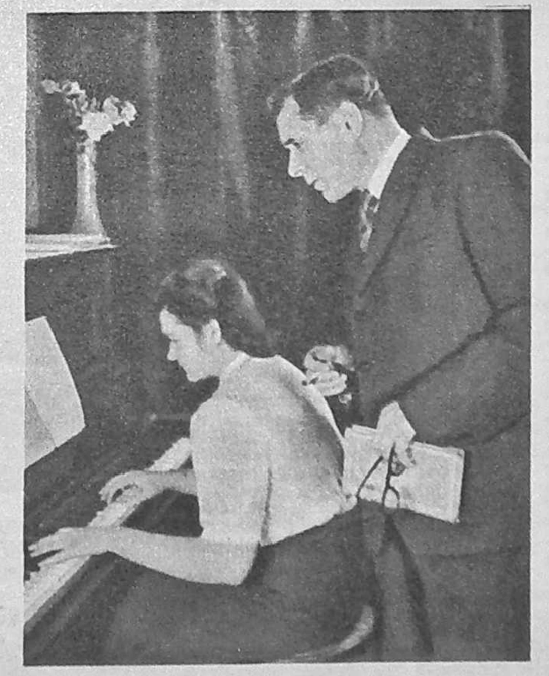
— А нет ведь... Начнешь говорить и чувствуешь: слушают, ни одного слова не пропускают. Вопросов столько задают, что еле успеваешь отвечать... Домохозяйкам нашим толкуешь про новые дома, как столица строится, а они и производством интересуются: как «Серп и молот» со сталинградскими металлургами соревнуется... Молодежь, студенты — те про сорта стали расспрашивают, про заказы строек коммунизма.

В четвертый раз выдвинута кандидатура Ивана Ильича Туртанова в Московский областной Совет депутатов трудящихся (см. цветное фото в этом номере). В рабочем ли клубе, в красном ли уголке жилого дома, в студенческом ли общежитии — всюду, где собираются избиратели, они тепло встречают своего земляка — москвича, знатного металлурга столицы. Двадцать восемь лет трудится И. И. Туртанов на заводе «Серп и молот», двенадцать лет бессменно руководит он коллективом прокатного стана «750».

Отлично, по-стахановски выполнили прокатчики обязательства, данные в прошлом году вождю народов великому Сталину. Семь тысяч четыреста тонн проката сверх плана, вдвое больше, чем было предусмотрено обязательствами, дал стан. Один миллион триста тысяч рублей сэкономили металлурги благодаря рациональной организации производства. Не снизились темпы и в новом, 1953 году. Пятьсот тонн проката сверх месячного задания выдал стан в январе, изо дня в день перевыполняются сменные нормы в феврале.

Высокой культуры труда требуют от всех советских людей исторические решения XIX съезда Коммунистической партии. Коллектив металлургов-прокатчиков, руководимый коммунистом Туртановым, первым на заводе начал производственную учебу. Все работающие на стане «750», от подсобных рабочих до мастеров, учатся, повышают свою квалификацию.

Встречаясь с избирателями, Иван Ильич подробно отчитывается перед ними и в своей депутатской деятельности, рассказывает о выполнении наказа, данного во время прошлых выборов, по благоустройству Первомайского района столицы: асфальтированы улицы и проезды, улучшено движение трамваев.

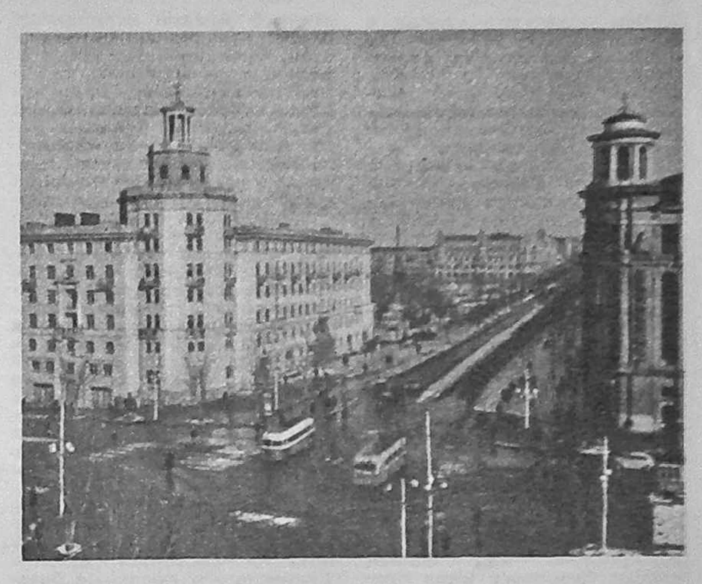
Иван Ильич Туртанов и его дочь Лидия — студентка Московского технологического института легкой промышленности имени Л. М. Кагановича.

Нередко в беседе с избирателями речь заходит о борьбе за мир. Член Советского комитета защиты мира И. И. Туртанов рассказывает о зарубежных встречах с активными борцами против поджигателей новой войны.

Предстоящие выборы в местные Советы депутатов трудящихся будут в семье Туртановых особо торжественным событием. Вместе с родителями — Иваном Ильичом и Татьяной Алексеевной — впервые в жизни опустит бюллетень в урну молодая избирательница Лидия Ивановна Туртанова — восемнадцатилетняя студентка.

С. МЕСЯЦЕВ

Ростов-на-Дону сегодня

Улица Энгельса, угол Буденновского проспекта.

Фото А. Соколенко.

Десять лет назад — 14 февраля 1943 года — доблестные части Красной Армии сломили упорное сопротивление немецко-фашистских войск и освободили город Ростов-на-Дону. Над славным русским городом снова взвилось знамя Советов.

О мужестве песня
рождается снова,
О мужестве слава
гремит;
Сегодня, товарищ, опять
над Ростовом
Советское знамя горит!

С этими словами боевой песни, рожденной в солдатском строю, входили советские войска в освобожденный Ростов.

Помнится это серое февральское утро, разрушенные мосты, туманная дымка над поймой, изрытой снарядами. Глазам солдат и офицеров, среди которых было немало ростовчан, предстали страшные картины разрушения.

Дымились развалины, ветер жалобно свистел в остовах домов, глядевших на нас пустыми просветами окон. На месте вокзала лежала груда развалин. Улица Энгельса от вокзала до Ворошиловского проспекта была завалена битым кирпичом и взорванными железными конструкциями.

В Ростове были выведены из строя все фабрики и заводы. Завод «Ростсельмаш» гитлеровцы превратили в руины. Фашистские варвары уничтожили культурные учреждения города.

В те дни казалось, что не найдется силы, способной быстро поднять мертвый город из пепла к жизни, что на это потребуются десятилетия напряженного труда. Но такая сила нашлась — это воля Коммунистической партии, это патриотизм советских людей. «Пусть жизнь, настоящая советская жизнь забьет ключом во всех уголках нашего родного Ростова»,— призывали горожан на подвиг Ростовский областной комитет партии и исполком областного Совета депутатов трудящихся.

С великой энергией взялись ростовчане за очистку, благоустройство и восстановление города. На четвертый день после освобождения Ростова раздался первый заводской гудок. Он звучал в утреннем воздухе, возвещая о том, что город будет жить, трудиться и цвести.

— Слышите, гудит! Скоро подадут голос и другие заводы. Восстановим и «Ростсельмаш». Все, все отстроим красивее и добротнее! — говорили люди, возбужденные первым заводским гудком.

Прошло только десять лет — срок для истории небольшой. Расцвел южный город. Партия и правительство не жалеют средств на строительство и благоустройство Ростова-на-Дону. Восстановлены старые, построены новые предприятия, и страна получает от промышленности города значительно больше продукции, чем до войны. Работают учебные заведения, больницы.

По сравнению с довоенным годом жилой фонд вырос на сто десять тысяч квадратных метров. За последние три года сдано в эксплуатацию свыше трехсот многоэтажных новых зданий.

Город основательно благоустраивается: увеличилась протяженность трамвайных и троллейбусных линий, реконструирован водопровод, ведутся большие работы по озеленению. Ростов расположен на холмах правого берега реки Дона. Но от реки его отгораживали свалки и угольные пирсы, расположенные у воды вдоль берега. На месте угольных складов, откуда ветер нес тучи пыли, теперь — широкая набережная, напоминающая приморский бульвар курортного города. Набережная — любимое место отдыха, к ее пристаням летом подходят волжские пароходы. По Волго-Донскому каналу ростовчане могут проехать во все концы нашей великой Родины.

Вокзал — ворота города — выстроен светлый, просторный, с большими удобствами для пассажиров. Около вокзала раскинулась площадь с новыми зданиями, сквером.

От Темерницкого моста вверх поднимается широкая магистраль, застроенная новыми многоэтажными домами. Это улица Энгельса. Новые здания красивой архитектуры украшают и Буденновский проспект, и улицы Шаумяна, Социалистическую, Пушкинскую, и другие магистрали.

В прошлом году каждые четыре дня строители сдавали городу многоэтажный дом. В нынешнем году планы еще шире.

Ростов-на-Дону — промышленный и культурный центр — превращается в красивейший город юга России.

П. НИКИТИН

Ураган в Северном море

«Чем объяснить ураган в Северном море и катастрофическое наводнение, разразившиеся недавно в Голландии и Юго-Восточной Англии?»—с таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился в Центральный институт прогнозов Главного управления гидрометеослужбы и в Институт океанологии Академии наук СССР.

В Центральном институте прогнозов нам сообщили:

— Причинами урагана, пронесшегося недавно в Северном море, следует считать метеорологические процессы, происходившие в Северной Атлантике. Со стороны южного побережья Исландии в сторону европейских берегов примерно по шестидесятой параллели двигался сильнейший циклон, который затем начал перемещаться на юго-восток. Одновременно из района Канады к берегам Англии шел антициклон. Встреча циклона и антициклона над южной частью Северного моря привела к возникновению здесь ветра силой до тридцати метров в секунду. Шторм быстро перешел в ураган. Высокие волны обрушились на побережья Юго-Восточной Англии, Голландии и частично Бельгии.

В прибрежных районах Северо-Западной Европы около 2 500 человек погибло или пропало без вести. Более

ЛОНДОН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ГОЛЛАНДИЯ
ПА-ДЕ-КАЛЕ
БЕЛЬГИЯ

50 тысяч жителей затопленных районов Англии остались бездомными. Как заявил премьер-министр Голландии, свыше пятидесяти тысяч жителей придется окончательнс эвакуировать из пострадавших районов.

Дамбы и плотины, защищавшие голландские польдеры (плодородные участки суши, расположенные ниже уровня моря), были прорваны в нескольких местах, и вода проникала на шестьдесят пять километров вглубь страны.

Заведующий лабораторией рельефа дна и морских берегов Института океанологии лауреат Сталинской премии профессор В. П. Зенкович рассказал:

— Южная часть Северного моря, омывающая берега Англии, Голландии и Бельгии, характерна небольшими глубинами и своеобразным гидрологическим режимом. Наряду с повторяющимися дважды в сутки приливами и отливами здесь под влиянием ветров происходит так называемый нагон воды, в результате которого уровень моря у берегов повышается иной раз на семь метров. Зимой, в период наиболее сильных штормов, наблюдаются волны высотой до пяти метров.

Прибрежные районы Голландии, Бельгии и Юго-Восточной Англии отличаются рядом природных особенностей. Голландская территория как на материке, так и на прилегающих островах расположена в значительной своей части ниже уровня моря. Как проявление извечного для данного района процесса погружения земной коры здесь происходит опускание суши со скоростью около одного метра в столетие. Защитой суши от наступающего моря служат в Голландии наряду с естественными песчаными барьерами — дюнами — также и многочисленные плотины и дамбы, воздвигнутые рукой человека. Они опоясывают не только морское побережье во многих местах, но и берега рек и каналов. Общая протяженность защитных сооружений составляет почти три тысячи километров.

Разрушительное воздействие морской стихии испытывают и прибрежные районы Юго-Восточной Англии. Глинистые и песчаные берега отступают под натиском моря. В Англии так же, как и в Голландии и Бельгии, низменные берега с давних времен защищаются плотинами и дамбами.

Как же могло получиться, что страны, имеющие многовековый опыт борьбы с морской стихией, стали жертвами столь жестокой катастрофы?

Ответ на этот вопрос дают высказывания самой британской прессы. Как указывала недавно «Дейли геральд», на строительство заградительных сооружений, необходимых для юго-восточного побережья Англии, требуется 122 миллиона фунтов стерлингов. Фактически же на эти цели за последние 23 года было израсходовано всего 7 миллионов фунтов.

В Голландии, как сообщают газеты, наряду с крупными городами Роттердамом и Дордрехтом наиболее опустошительному наводнению подверглись острова Воорн, Путтен, Оверфлаке и другие, расположенные вдоль южной части побережья. Уместно вспомнить, что именно в этих районах в конце войны оккупанты — гитлеровцы — взрывали защитные гидросооружения. Позднее, правда, здесь были проведены восстановительные работы. О качестве этих работ красноречиво говорят факты: там, где острова защищены природными дюнами, море не залило их, плотины же и дамбы не устояли под натиском разбушевавшейся стихии.

Известно, что и английское и голландское правительства ассигнуют гигантские суммы на гонку вооружений. Не удивительно, что в бюджете этих государств не находится достаточных средств на строительство защитных сооружений, жизненно необходимых народу. Разрушительные последствия катастрофы в районе Северного моря лишний раз свидетельствуют об упадке народного хозяйства в маршаллизованных странах Западной Европы.

Женская команда колхоза «Пламя». Слева направо: О. Тарыгина, В. Мишурина, Н. Сорокина, Р. Быкова и Н. Жукова.

Фото Е. Умнова.

В морозный день

В прошлое воскресенье судьям финальных соревнований районной зимней спартакиады общества «Колхозник» в Раменском (под Москвой) пришлось трудно. Мороз стоял крепкий, а погреться в теплушке было некогда: лыжные гонки происходили на четырех дистанциях. Старт давался раздельный, с интервалом в одну минуту.

Первой на дистанции в пять километров была Нина Жукова — представительница колхоза «Пламя». Ее время — 27 минут.

Следующую гонку — на 8 километров — выиграла также представительница колхоза «Пламя» Ольга Тарыгина, которая занимается лыжами совсем недавно. Тарыгина — пловчиха. На республиканских соревнованиях по плаванию на первенство общества «Колхозник», происходивших летом прошлого года в Краснодаре, она заняла первое место.

Напряженной была борьба у мужчин на дистанциях 10 и 18 километров. Здесь первенствовали представители колхозов имени Кирова и имени Молотова.

Общекомандное первенство все же осталось за колхозом «Пламя».

По окончании соревнований победителям был вручен впервые учрежденный переходящий приз.

Второе место завоевала команда колхоза имени Кирова. Участники, занявшие призовые места, получили грамоты.

...Уже надвигались сумерки, когда опустел сосновый бор. Лыжники отправились по скрипучему насту домой.

О. ШМЕЛЕВ

«МАКСИМКА»

В своих произведениях выдающийся писатель второй половины XIX века К. М. Станюкович показывает благородные качества русского моряка. Служивший в русском военном флоте и посвятивший ему все свое литературное творчество, Станюкович отлично знал душу матроса. С большой теплотой говорит писатель о широте русского характера, о сердечном внимании моряков к обездоленным в рассказе «Максимка», положенном в основу одноименного фильма, только что выпущенного Киевской киностудией.

Автор сценария Г. Колтунов в этой своей работе использовал также рассказ «Пропавший матрос» и отдельные образы, сюжетные положения или реплики из других произведений Станюковича. История негритенка, подобранного русским корветом «Богатырь» в Атлантическом океане, составляет главное содержание фильма. Горячей признательностью отвечает Максимка на привязанность к нему матроса Лучкина. Это один из самых опытных и отважных матросов на корабле. Он прожил тяжелую жизнь и забвения от своих горестей стал искать в вине. Образцовый и дисциплинированный в походе, оказавшись на берегу, он отчаянно запивал.

Встреча с мальчиком оказывает решительное влияние на характер матроса. В нем пробуждается отцовская нежность к ребенку, гордость за его способности. Убедительно передает сложные переживания своего героя артист Борис Андреев — исполнитель роли Лучкина. В создании этого образа Андреев раскрыл новую черту своего дарования — мастерство сдержанного, мягкого психологического портретного рисунка.

В остальных ролях снимались главным образом актеры Театра-студии киноактера, уже знакомые нашим зрителям: Н. Крючков, М. Бернес, К. Сорокин, С. Курилов, В. Балашов, Э. Геллер. Встретятся зрители и с молодым киноактером Вяч. Тихоновым, играющим роль лейтенанта Горелова, передового, демократически настроенного офицера. Роль капитана-работорговца исполняет артист М. Астангов.

Максимку играет девятилетний школьник Толя Бовыкин, отец которого, негр, погиб в годы Отечественной войны в Баренцовом море. Толя, живой и восприимчивый мальчик, сразу стал всеобщим любимцем, быстро и хорошо освоил все законы матросской жизни.

Описанное Станюковичем событие произошло девяносто лет назад. Но от этого сюжет нашего фильма не теряет остроты. Современные потомки американцев — работорговцев прошлого века — мало чем отличаются от своих предков, а благородные традиции русских моряков получили новое развитие в жизни советского флота.

Кинорежиссер В. БРАУН

Кадр из фильма «Максимка». Народный артист РСФСР Борис Андреев — матрос Лучкин и Толя Бовыкин — Максимка.

Цветной художественный фильм «Максимка». Сценарий Г. Колтунова. Режиссер — В. Браун. Оператор — А. Мишурин. Композиторы — В. Гомоляка и И. Шамо. Художник — М. Юферов.

ЗНАМЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Рассказ

Иван РЯБОКЛЯЧ

Рисунки О. Верейского

Федор Лукич Чумаченко пришел домой позже всех. Его жена Марья Семеновна, сын Григорий, шофер, и дочь Наташа, доярка колхозной фермы, давно были дома. Не дождавшись отца, они сели ужинать и теперь встретили его виноватыми, вопрошающими взглядами.

Федор Лукич не спешил к столу. Еще у порога он стянул с головы шапку-ушанку и, отряхнув снег, повесил ее на гвоздь. Потом снял пальто — на один миг сверкнула Золотая Звезда на груди — и, повернувшись ко всем спиной, начал ладонями отогревать смерзшиеся усы.

— Будет тебе топтаться у порога,— сказала Марья Семеновна.— Подсаживайся скорей к столу. Сразу согреешься.

Лукич загремел кружкой, будто и не к нему были обращены слова жены, начал мыть руки. Мыл долго, основательно, так же долго возился с полотенцем.

— Ой, батя сегодня не в духе,— шепнула Наташа.

— Просто замерз человек, вот ему и не до разговора,— возразил Григорий.— Мы это дело сейчас подправим...

Григорий подмигнул глазом, кинулся к буфету и, пока молчаливый Лукич, разглаживая отвороты пиджака, усаживался на свое место, торжественно водрузил на стол бутылочку белой с аппетитным, огненно-красным стручком на дне.

— Вот, батя. Сейчас мы тебе кровь разгоним,— и он налил себе и отцу по рюмке.

Лукич выпил. Нос его из синего стал розово-красным, но язык как был, так и остался немым.

Григорий после первой рюмки сразу захмелел.

— Молчишь? — хлопнул он рукою по столу.— Знаю, чего молчишь...

— Гриша, Гриша! — предостерегающе шептала Наташа.

— Отстань ты... Завтра районное совещание передовиков. Вот. А ты боишься!

— Гриша, Гриша! — дергала брата за рукав Наташа.

— Прохлопали знамя! Прохлопали. Год держали, два держали — и вот отдайте, друзья-товарищи, больше вы не достойны... И кому? «Новой жизни»! Долгополову!

— Ты, парень, поменьше шуми: не твоего ума это дело,— сердито глядя на сына, сказал Лукич и, поднявшись с места, скрылся в темной спаленке.

Уже спали Григорий и Наташа, уже уснула, сочувственно повздыхав, Марья Семеновна, а Федор Лукич все еще ворочался на своем ставшем вдруг жестким ложе.

Что же так беспокоило его? Григорий был прав: знамя. Останется ли оно в их колхозе «Заря коммунизма», вот уже сколько лет удерживающем первое место в районе, или придется завтра потерять его?

Этот вопрос не дает сегодня спать не одному Лукичу, а многим зарянцам. Привыкли они к своей славе, к своему положению.

А надо сказать, в Добропольском районе не так-то просто удержаться на первом месте. Район — это все знают в области — организованный. Крепких колхозов много, и претендентов на районное переходящее знамя тоже немало. В прошлом году, например, право увезти знамя в свое село оспаривали шесть колхозов. А увезла все-таки «Заря коммунизма». Второй раз. Нелегко далась эта победа. Были равные и по срокам сева, и по срокам уборки, и по хлебопоставкам. Не было равных только по одному показателю — по денежным доходам. Как назвал Лукич цифру три миллиона двести тысяч, так и потянули весы в пользу «Зари коммунизма».

В этом году доход перевалил за четыре миллиона. Но поднялся он и по другим колхозам. Ходят слухи, «Новая жизнь» до пяти миллионов добирается. Вечером встревоженный Лукич звонил в райком, и секретарь подтвердил эту цифру.

«Новая жизнь» и в прошлом году немало напугала Федора Лукича: всего на каких-нибудь сто тысяч отстала. А теперь вот, выходит, перегнала.

«Ну, да уж ладно, ладно,— ворчит, сам себя успокаивая, Лукич.— Авось, и в этом году окажемся не последними».

«Не последними» — только говорится, а разуметь надобно «первыми»!

К утру буран утих.

Синими столбами, ввинчиваясь в сонное небо, поднялись из труб дымки. Тут и там загремели деревянные лопаты, прокладывая дорожки к сараям, к погребам, на улицу.

Еще иные зарянцы завтракали, еще носились над селом ароматы жареного и пареного, а из кирпичного гаража одна за другой выходили машины — три новеньких «зиса».

— Ну и намело! Как в Сибири! Пробьемся ли? — боязливо заметил один шофер.

— Это мы-то? Втроем? Хоть на полюс! — бодро ответил младший Чумаченко и, с ходу проскакивая сугробы, повел свой «зис» к конторе колхоза.

У конторы уже толпился народ. Людей на совещание собралось много: полеводы, животноводы, механизаторы, строители, мужчины, женщины, совсем юная молодежь и степенные, чем-то, однако, озадаченные старики.

Все были одеты нарядно, точно собрались на встречу Нового года. Девушки щеголяли в сапожках и меховых или бостоновых жакетках.

Парни были в кубанках, сидящих то на одном, то на другом ухе, то на самом затылке, и все в коротких куртках. Длинные пальто у них не в моде.

— Да вы хоть застегнитесь, вояки! — ворчали старики.

На стариках валенки, шапки, шубы с поднятыми, а у кого и с подвязанными воротниками.

— Ну и снарядились!—смеется молодежь.— Можно подумать: экспедиция на Северный полюс.

Из конторы выходят Федор Лукич и секретарь партийной организации Сердюк. Лукич в белых валенках, в черном пальто с каракулевым воротником и в такой же каракулевой шапке. Но никто не обращает внимания на его наряд: все взгляды прикованы к знамени, которое несет к машине Сердюк. На минуту воцаряется тишина. И вдруг чей-то негромкий возглас:

— Куда несете? Оставьте! Отберут ведь!

Толпа вздрогнула, по ней пробежал ропот:

— Действительно, лучше бы не везти его туда. Говорят, «Новая жизнь»...

— И я слыхал: пять миллионов!

Федор Лукич остановился, колючим взглядом отыскал роптавших:

— Что значит не везите? Когда это «Заря коммунизма» так поступала?.. Все сделаем по закону: отвезем, сдадим, а там пусть решают...

Григорий видел, как по лицу отца промелькнула тень, и сердце его дрогнуло: волнуется старик.

Сердюк со знаменем уже в кузове машины. Вслед за ним ринулись к машинам остальные.

— Вы там теснее, теснее! — бодрым тоном распоряжается Федор Лукич.— Чтоб побольше было наших. Чтоб сразу все видели: не ктонибудь едет — четырежды миллионеры... Да знамя, слышь, Сердюк, за селом в чехол спрячь. А как город покажется, сразу же и разверни, не забудь. И песню! Звонкую, чтоб весь город слушать вышел.

Колонна трогается, часто сигналя, вылетает за село на простор и с громкими песнями несется, пылит широким заснеженным грейдером...

На городских улицах людно, шумно.

Около своих остановок собирают толпы важные, неторопливые автобусы; с оглушительными сигналами проносятся «Победы»; тихо пробегают скромные «Москвичи»; со шкафами, столами, стульями, тюками фуфаек, одеял и другой поклажей спешат в магазины и на базы работяги-грузовики.

Под празднично развернутыми знаменами пролетают через центр города, не задерживаясь около базара, нарядные, с обтянутыми кумачом бортами колхозные машины. На них полным-полно раскрасневшихся от мороза поющих, хохочущих людей.

Зарождается, нарастает и стихает уже где-то в другом квартале дружная песня:

За высоким палисадом
Земляника расцвела.
Ходит счастье где-то рядом
По околице села.
Ходит доля золотая,
Не хоронится в кусты.
Ходит радость, заплетая
В косы девушек цветы

— Гм, праздник, что ли, какой? — удивляется кто-нибудь из горожан.

— Вот те на! Районное совещание передовиков. Вон, вон, смотрите, победители едут — «Заря коммунизма»!

Переднюю машину, мчащуюся под пламенным крылом шелкового знамени, вел Григорий. Федор Лукич сидел с ним рядом.

— К театру?

— Да нет, держи прямо к Рафинадному заводу.

— Тю! Почему же?

— А потому: людей много. А в клубе Рафинадного зал побольше, чем в театре.

И зарянская делегация с песней проносится по широкой, прямой улице в другой конец города.

Вот на небольшой возвышенности и Дворец культуры Рафинадного завода. Массивное здание с оголенными тополями по сторонам, с широкой площадью впереди. Площадь вся запружена машинами и людьми. Налево выстроились в шеренгу грузовики, направо — легковые машины и примкнувшие к ним автобусы. Зарянские «зисы» развернулись и пристроились к левому краю.

— А-а, «Заря коммунизма»! Поздненько, поздненько!

— Здоров, Чумаченко!

— Сердюку привет!

— Живы-здоровы? Носы целые?

Делегацию окружила такая же нарядная, веселая толпа колхозников из других сел.

Повидимому, буфет работает вовсю, кое-кто уже «согрелся» и не может удержать язык, чтоб не задеть прибывших.

— И знамя привезли? Вот хорошо! Застоялось оно у вас.

— А свое, колхозное, захватили? Или домой совсем без знамени?

— Они домой побегут под белой косынкой!

— Да, дождетесь!

— А с чем же? С поднятыми руками?

— Это вам придется руки подымать. А мы и домой вернемся под тем же знаменем, под которым сюда приехали!

— Э-э, не выйдет дело. Шабаш! Мы заберем. Сколько можно терпеть такую несправедливость?

— Подрастите, хлопцы!..

Федор Лукич, ухмыляясь в усы, здоровается за руку со всеми, кто подходит к нему. Потом берет знамя и вместе с Сердюком направляется в клуб.

В фойе людей оказалось еще больше, чем на площади,— совсем не пройти.

Однако перед Федором Лукичом толпа почтительно раздвигается, и он молодцевато проходит со знаменем в одну из боковых комнат клуба, где уже собралось руководство района.

Вдруг во всю свою медную мощь грянул духовой оркестр, примостившийся несколько в сторонке на эстраде, и сейчас же на образовавшийся круг начали выходить улыбающиеся пары.

Ровно в одиннадцать звонок пригласил делегатов в зал. Оркестр возвысил голос, медные тарелки барабана оглушительно звякнули раз, еще раз, и музыка смолкла.

Григорий сел в третьем ряду по соседству с Сердюком. Федора Лукича выбрали в президиум. Были в президиуме и новожизненский председатель Долгополов и много других колхозников.

Перед покрытым красной скатертью столом президиума стояли в ряд пальмы и живые цветы. А по краям этого цветочного ряда красовались неизвестно кем привезенные экспонаты: тугие снопы пшеницы и овса, трехметровой высоты стебли кукурузы и еще более высокие, точно молодые топольки, снопики конопли.

В глубине сцены — огромных размеров барельеф с изображением Ленина и Сталина и лес шелковых знамен.

Григорий долго искал глазами знамя, только что привезенное зарянцами.

— Слушай,— наклонился он к Сердюку,— а где же наше, переходящее?

— А вон, около трибуны, отдельно стоит, чтоб все видели,— ответил Сердюк.

Григорий перевел взгляд на отца. Старик сидел задумчивый, иногда прикасался рукою к рыжеватым своим усам, иногда опускал глаза, а чаще всего обращал их в сторону докладчика.

Доклад делал секретарь райкома партии — солидный, бритоголовый, неторопливый человек. Он говорил о решениях XIX съезда партии, о задачах, стоящих перед сельским хозяйством, и о том, как с этими задачами справились в истекшем году колхозы района. Называл много цифр, фамилий, очень подробно говорил о промахах, о неиспользованных резервах. Промахов было немало: там растянули сроки сева, там с прополкой опоздали, там плохо организовали транспортировку зерна от комбайна, там все еще мало применяют минеральные удобрения...

«Гм! Тоже хозяева!» — горделиво поглядывая вокруг себя, думал Григорий.

— Даже в некоторых передовых колхозах год прошел не без грешков — продолжал секретарь, многозначительно поглядывая в сторону президиума.— Вот возьмем знаменитый наш колхоз «Заря коммунизма»...

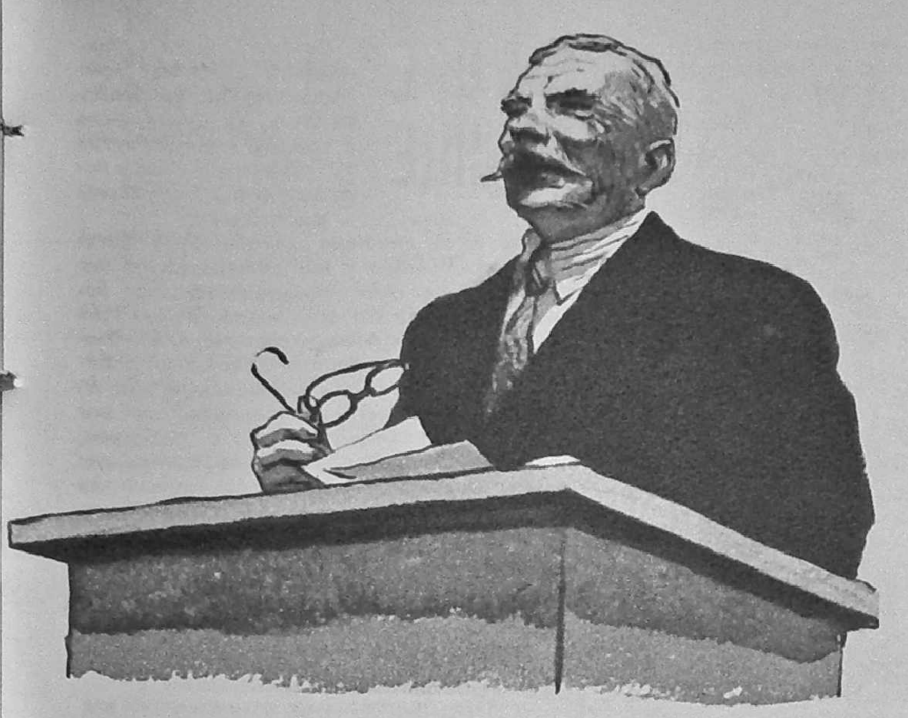
Кровь бросилась в лицо Григория. Он инстинктивно втянул голову в плечи, сделал неосторожное движение, стул под ним громко взвизгнул, и в этот момент зал отозвался дружным хохотом на слова секретаря.

«Все! Потеряли! — решил Григорий; тоскливый взгляд его снова и снова возвращался к знамени, красовавшемуся рядом с трибуной.— Вот тебе и «Заря коммунизма»! Эх!..»

Григорий хотел спросить Сердюка, почему все рассмеялись, но не решился. Да и боялся пропустить слова докладчика. Секретарь между тем перешел к положительным примерам. Начал он с «Новой жизни». Особенно порадовали его доходы этой артели, за один только год возросшие с трех миллионов ста тысяч до четырех миллионов восьмисот тысяч. Потом он назвал «Зарю коммунизма», занявшую по сумме доходов — четыре миллиона пятьсот тысяч — второе место. Затем пошли колхозы: имени Сталина — тоже четырежды миллионер,— «Завет Ленина», имени Калинина и другие.

После доклада объявили перерыв. Потом начались выступления.

Один бригадир, совсем молодой с виду, но очень смелый, рассказал, как его бригада вырастила по двадцать восемь центнеров пшеницы на каждом гектаре, и дал обещание в но-

нием. В один миг в зале прекратился шопот, кашель, хождение и воцарилась полная тишина.

К трибуне Лукич подошел не спеша, но и без лишней важности. И речь начал не сразу: сначала надел очки, разложил перед собою бумажки, потом снял очки и, держа их в правой руке, заговорил, обращаясь к залу:

— Да! Признаюсь: держать первенство в нашем районе с каждым годом становится труднее и труднее. Дружно работают люди. Напирают, я вам скажу, со всех сторон. Так напирают — на каблуки приходится посматривать. Того и гляди, оттопчут.

Он помолчал, повертел очки в руке, и усы его неожиданно раздвинулись в хорошей стариковской улыбке.

— И пусть! — продолжал он. — Мы, зарянцы, ни на кого не в обиде. Наоборот, даже очень благодарны. Весело работать при таком общем стремлении вперед... Но я о другом скажу. О том, что забывают некоторые наши председатели и, в частности, товарищ Долгополов... Вот вы слышали: на первом уже месте он. К районному знамени руку протягивает. А нам, если разобраться, не Долгополов страшен. И до знамени этого ему далеко-далеко. Куда ближе к знамени стоят колхозы имени Сталина, «Завет Ленина», имени Калинина и еще некоторые другие.

Григорий затаил дыхание. «Давай, давай, батя, давай!» — взволнованно думал он, боясь оглянуться даже на Сердюка.

Лукич поднял над трибуной какую-то бумажку и продолжал:

— Нельзя судить о работе колхоза по одним только миллионам. Гораздо более правдивую картину дает не общий доход, а доход с каждого гектара пахотной земли. Вот она, эта картина, если позволите.— Он посмотрел в бумажку и прочитал: — «Новая жизнь» — гектар земли дал дохода одну тысячу четыреста рублей. Имени Калинина — одну тысячу четыреста шестьдесят рублей. «Завет Ленина» — одну тысячу пятьсот сорок рублей. Имени Сталина — одну тысячу семьсот рублей. Вот... Теперь вы видите, кто лучше в нашем районе использует землю, кто дает народу более высокие доходы от нее, кто, следовательно, стоит ближе к районному знамени: Долгополов с его пятью миллионами или Назаров, председатель колхоза имени Сталина, с его четырьмя миллионами.

Одобрительный шумок, прокатившийся по залу, вынудил Федора Лукича сделать паузу. Григорий понял: рассуждения старика понравились. Шумок стих так же быстро, как и возник: всем захотелось услышать, какой же доход дает гектар земли в «Заре коммунизма». Но Лукич заговорил о других вещах, и его сейчас же перебили:

— А о себе чего молчишь? О себе скажи!

— У него меньше, наверное!..

— О себе? Скажу и о себе,— хитро, поверх очков оглядывая присутствующих, согласился Федор Лукич.— «Заря коммунизма» с каждого гектара пахотной земли получила в истекшем году... получила две тысячи рублей и двадцать копеек. Вот!

Такой цифры не знал не только Добропольский, но и соседние районы. Весь зал, как один человек, с юношеским пылом ударил в ладоши. Аплодисменты волнами перекатывались из края в край, то ослабевая, то снова усиливаясь.

Григорий сидел тихо-тихо, только сердце стучало неистово да на побледневшем лице блуждала застенчивая, счастливая улыбка.

— Ну, ты чего же не аплодируешь? — спросил Сердюк.— Или недоволен?

Григорий улыбнулся и приложил платок к вспотевшему лицу. «Вот так батя! Ай да батя! Золотой старик!» — восторженно думал он, глядя на отца влюбленными глазами.

В конце совещания к трибуне подошел председатель исполкома районного Совета. Откашлявшись, он громко прочитал решение исполкома райсовета и райкома партии: учитывая достижения по выполнению обязательств перед государством и все другие показатели, переходящее знамя в третий раз по годовым итогам присудить колхозу «Заря коммунизма».

Как только был назван колхоз, Федор Лукич, словно боевой командир, чьему подразделению присуждается высокая награда, вскочил на ноги. Вслед за ним поднялись со своих мест радостные, хотя и несколько смущенные зарянцы.

Когда знамя перешло в руки Федора Лукича, дружно грянул оркестр. Под его музыку зарянская делегация во главе со своим председателем и секретарем партийной организации, несущим знамя, тронулась к выходу. Оркестр умолк лишь тогда, когда зал покинул последний зарянец...

Никто не отстал, вся делегация оказалась на площади, около своих машин.

— По машинам! — скомандовал Сердюк и первый, с развернутым знаменем, забрался в кузов переднего грузовика.

Другие делегации разъезжаться не спешили: они столпились около зарянских машин, с восхищением глядя на этих непобедимых передовиков.

Были тут и новожизненцы.

— Ну, взяли? — задел их Григорий.

— Возьмем!

— Хо-хо! Возьмете!.. По секрету скажу вам, ребята: далеко-далеко куцему до зайца.

Вокруг почему-то заулыбались.

— А мы его, этого зайца, по твоему методу — на машине догоним...

Теперь все уже не улыбались, а громко смеялись. Григорий подозрительно оглядел хохочущих людей и вдруг сообразил, что именно об этом зарянском «грехе» — о том, как он на «зисе» гонялся позавчера за зайцем,— упоминал секретарь в своем докладе.

Густо покраснев, он юркнул в кабину, где уже сидел отец, и включил газ.

— Все сели?

— Все, все! Трогай!

— Поехали!

Под широким, развевающимся знаменем зарянская колонна, набирая скорость, помчалась по просторной улице.

И сразу же над машинами взвилась песня:

Не награды нас прельстили —
Это скажет вам любой,—
Мы хлеба свои растили
Ради чести трудовой...

вом году собрать по тридцать три центнера. Другой бригадир, Герой Социалистического Труда, говорил о кукурузе. Большую цифру — девяносто центнеров с гектара — обязался он дать со всей площади посева бригады... Доярка выступала с готовой, еще дома кем-то написанной речью. Страничка была исписана мелкими буквами, и столько здесь было книжных слов, что бедная женщина с трудом прочитала три строчки. Наконец вышла из терпения, отшвырнула в сторону бумажку и начала говорить по-своему.

Это происшествие, сопровождавшееся одобрительным шумом всего зала, разогнало тучи с чела Григория.

— Слушай,— обратился он к Сердюку,— что ж это такое? Отберут знамя, а?

— Погоди! Старик наш еще не сказал своего слова. Вот сейчас выступит.

Но слово предоставили не Федору Лукичу, а Долгополову.

Высокий, тучный, он подошел к трибуне, взглянул на знамя, потом не спеша осмотрел зал и заговорил зычным басом:

— В прошлом году «Новая жизнь» немного отставала от «Зари коммунизма». Зарянцы, неся вот это знамя, еще и сегодня посмеивались: маловаты, дескать, вы ростом, чтоб ходить под таким знаменем. А мы вот посмотрим, кто будет смеяться после совещания! Уже товарищ секретарь говорил: без малого имеем пять миллионов! На триста тысяч обогнали «Зарю коммунизма». Стоим, товарищи, на первом месте! И пусть теперь попробует кто-нибудь спихнуть нас с этого места. Пусть попробует!

Долгополов взглядом победителя неторопливо обвел зал, потом повернулся лицом к президиуму.

И тут вдруг прозвучал тенорок Федора Лукича:

— Простите... Есть один вопрос: сколько пахотной земли занимает «Новая жизнь»?

«Куда это он клонит?» — подумал, настораживаясь, Долгополов; минуту помолчал и сказал уклончиво:

— А это, дорогой Лукич, не имеет значения. Сколько государство закрепило, столько и занимаем. В аренду никому не сдаем.

— Военная тайна? — поддел Чумаченко.

Долгополов ответил:

— Пожалуйста! Три тысячи четыреста тридцать га.

— О! Все ясно. Больше вопросов нет,— сказал Лукич, горбясь над блокнотом.

— Интересно! — не очень твердо ответил Долгополов.

По улыбке и по тому, как он пожал круглыми плечами, было ясно: жалеет человек, что взял такой решительный тон. И действительно, дальнейший рассказ об успехах своего колхоза он повел уже более спокойно.

Федору Лукичу дали слово после второго перерыва. Его выступления и прежде вызывали всеобщий интерес, теперь же появление его на трибуне ожидалось с особым нетерпе-

В селе Паракар, у подножия памятника-родника. Семидесятипятилетний колхозник Григор Манукьян поет народную песню о погибших воинах.

Фото С. Коротковой.

РОДНИКИ БЕССМЕРТИЯ

В армянском селе Паракар стоит памятник-родник, посвященный героям Великой Отечественной войны. Его открыли 23 февраля 1943 года. В этот день на сельской площади собрались все жители Паракара. После митинга они заняли места за столом, стоявшим тут же на площади, и подняли стаканы вина за храбрых защитников советской земли. Пили, поднося стакан к стакану тыльной стороной ладони, чтобы не звенели они: так пьют в Армении за погибших.

Кто предложил воздвигнуть памятник в виде родника?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассказать о давнишней мечте жителей села построить водопровод. Паракар никогда не имел его. Тяжелее всех без воды приходилось, конечно, женщинам. И женщины, составлявшие в тот 1943 год основное население Паракара, решили провести в село водопровод. Они рыли канал за много километров от села, и дело уже близилось к концу, когда кто-то из женщин сказал:

— Вот у нас скоро будет ключевая вода. Но неужели она у нас потечет на землю прямо из трубы?

— Нужно конец трубы отделать камнем, — заметила другая.

— Надо сделать это на нашей площади и пригласить мастера, — предложила третья.

Так появился в Паракаре архитектор Рафо Исраелян. Вместе с ним приехали два старика-каменотеса. Пока они обрабатывали туф, архитектор размышлял: как отразить время, в которое строится родник? Может быть, поставить скульптуру бойца? Или вывести воду из горла кувшина, который держит женщина? Вокруг были одни женщины. Они работали на полях, учили детей в школе, прокладывали водопровод. Делая все это, паракарцы думали о своих близких, сражавшихся за Родину, и мысль о них придавала силы женщинам. «Вот это должно быть выражено в памятнике!» — так предложил архитектор. И паракарцы поддержали его.

В селе, на месте, к которому подвели водопроводную трубу, появилась каменная площадка, приподнятая над землей. По краям глубокие, удобные сидения из камня. На стене простой, строгий орнамент и надпись:

Памятник посвящен храбрым бойцам Отечественной войны

Паракар, 1943 год

23 февраля здесь забила струя чистой родниковой воды.

...Прошло десять лет. Паракарцу, который долго отсутствовал, трудно будет узнать сейчас родное село. Хозяйство в колхозе имени А. И. Микояна расширилось, разбогатело. Изменился облик села, выросли люди. В нынешнем году с хлопковых полей, садов и виноградников колхоз получил доход в два с половиной миллиона рублей. Такого до войны тут не бывало. Тогда здесь не работали первоклассные сельскохозяйственные машины.

Когда отец ушел защищать Родину, Азату Григоряну было 14 лет. Он жил с матерью и учился в седьмом классе.

Отец не вернулся, пал смертью храбрых. А годы между тем шли. Азат работал, у него появилась семья. Он стал уже бригадиром хлопководческой бригады.

А как же с учением? Каждый вечер молодой бригадир ездил на своем мотоцикле в районный центр Эчмиадзин. Там он закончил среднюю школу, а в минувшем году поступил в заочный Армянский сельскохозяйственный институт.

Мы были в гостях у бригадира и разговаривали о его планах на будущее. Азат хочет стать агрономом. В новом двухэтажном доме он соберет всю семью — мать, оставшуюся еще в старом, отцовском доме, и родных жены Сильвы.

Мы были и в других домах, куда не вернулись ушедшие на войну: у лучшей в колхозе звеньевой Арег Айвазян, муж которой был председателем сельского совета; у Анны Айрапетян: два ее сына погибли на войне.

Старший сын Анны — Айрапет — работал учителем Паракарской школы. В тот год, когда он ушел на фронт, сестра его Асмик только что окончила школу и собиралась поступить в педагогический институт. Тогда ей не пришлось этого сделать. Школе нужны были лучшие ее выпускники, чтобы заниматься с малышами. А теперь Асмик уже кончает заочно педагогический институт.

В тяжелые годы колхоз помогал всем оставшимся без отца, мужа, сына. И сейчас два процента от общего колхозного дохода отчисляются в помощь семьям погибших фронтовиков и инвалидов Отечественной войны. Только сегодня эти два процента значительно богаче тех, которые были в годы войны, а число людей, нуждающихся в помощи, уменьшилось.

В селе, где стоит маленький памятник, продолжается достойная великой победы жизнь. Она в трудовых успехах колхозников, в стройке нового дома молодого бригадира, в детях, которых воспитывал учитель Айрапет, а потом его сестра Асмик, в том стремлении к учебе, культуре, которое отличает паракарцев послевоенного времени.

На земле советской Армении стоит много таких памятников-родников, названных в народе родниками бессмертия. Когда появился паракарский родник, об этом тотчас узнали соседи-арташатцы. Они пригласили к себе архитектора и потребовали, чтобы их памятник-родник был лучше, красивее. Потом построили такие памятники в Степанаване, Алаверди... Для жителей безводной страны вода — самое дорогое. Потому так просто и естественно мысль о ней связывается с мыслью о героях, защитниках советской земли.

Высоко в горах Зангезура, в районном центре Горисе, выросла величественная аркада, в центре которой забил фонтан. Этот памятник посвящен зангезурским героям. Гусан Ашот, народный певец Армении, зангезурец родом, сложил о нем песню:

«В Горисе, который является украшением нашего цветущего Зангезура, поднимается гордо памятник бессмертия героев... Это из их справедливых душ исходит ясный, прозрачный источник. И каждый раз, когда мы пьем из этого источника, мы прикасаемся к памяти героев».

Бессмертна память о них!

И. МЕСХИ

НАШЕ СОЛНЦЕ

Всегда была прекрасной албанская природа. Но не улыбалась радость, не цвела весна в сердце албанца, когда хозяйничали в стране король, купцы, помещики и ростовщики.

Если в те времена какой-нибудь фоторепортер бродил с фотоаппаратом по местам, где сегодня комбайны убирают богатый урожай, то он видел лишь тучи комаров над болотами Малить. А в «Фиери и Ри», где веселые крестьянки собирают сейчас хлопок, выращенный ими по методам советских хлопководов, он мог встретить албанскую мать с ребенком, прижатым к груди, печально смотрящую на бедный урожай кукурузы, потому что земля, обработанная примитивными орудиями, плохо кормила крестьянина.

Наш народ навсегда закрыл страницу печального прошлого. Сегодняшняя жизнь Албании наполнена счастьем, которое растет каждый день вместе с любовью к нашему великому другу — советскому народу.

Когда-то, во времена оттоманского ига, писать и печатать на албанском языке было запрещено. Албанские патриоты распространяли албанскую книгу тайно, под постоянной угрозой смерти. В буржуазной Албании грамоте могли учиться лишь сыновья купцов и помещиков. И только теперь книга пришла в народ. Открываются школы для детей рабочих и крестьян. Началась борьба с неграмотностью. Книги и газеты читают в полях и на высокогорных пастбищах, в самых отдаленных уголках Албании.

Навсегда развеялись черные тучи. Новый свет, пришедший из страны социализма, озаряет наше синее небо. На полях гудят сталинградские тракторы, по новым железным дорогам, которых не знала буржуазная Албания, бегут поезда.

Меняется вся жизнь страны. Однажды в буржуазном албанском парламенте зашла речь о повышении цен на керосин. Некоторые члены парламента опасались, что население не сможет покупать такой дорогой керосин и это понизит доходы государства. Но сомнения их рассеял один из депутатов, сказав, что простые албанцы и так не покупают керосин, ибо «работают целый день и, придя домой, усталые, сразу ложатся спать». Сон после изнурительной работы был единственным видом отдыха для трудящихся.

Народное правительство построило в самых прекрасных местах страны десятки домов отдыха и санаториев. Что касается керосина, то он все меньше и меньше идет на освещение: его заменяет электричество. В стране построена первая большая гидроэлектростанция имени В. И. Ленина.

Много страшных рассказов сложено о буйной реке Мати, но наш народ решил покорить и ее: через четыре года молодежь подарит родине вторую большую гидроэлектростанцию, носящую имя нашего любимого вождя товарища Энвера Ходжа. Она будет снабжать электроэнергией больше половины страны.

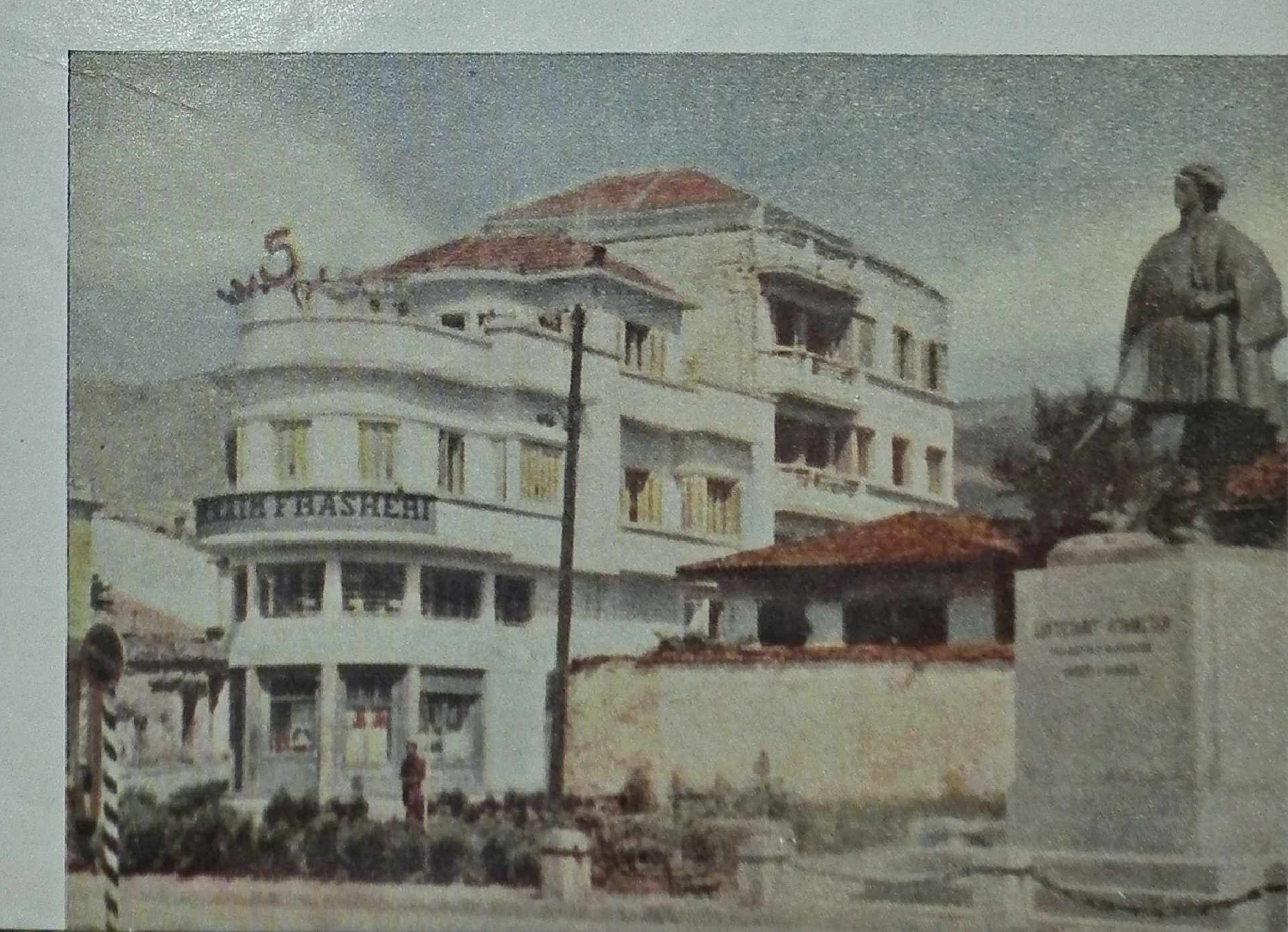
Со старым покончено навсегда. После бурь и невзгод наступили солнечные дни свободы. И хотя вокруг нашей страны воют титовские и монархо-фашистские волки — верные лакеи империалистов, — они не смогут закрыть наше солнце, свет которого берет свое начало с Востока, от звезд Кремля.

«Собаки лают, а караван идет вперед», — сказал наш вождь Энвер Ходжа. И никогда наш караван не остановит своего уверенного движения вперед, к социализму. Небольшой, но неприступной крепостью стоит наша страна, окруженная врагами. Волю и силу албанского народа нельзя сломить потому, что он черпает их в великом лагере мира, во главе которого стоит советский народ и вождь всего прогрессивного человечества — великий Сталин.

АЛИ АБДИХОДЖА,
албанский писатель

В НАРОДНОЙ АЛБАНИИ

Фото К. Ряшенцева

Вверху: столица Народной Республики Албании — Тирана; площадь Скандербега.

Справа: город Корча; памятник Неизвестному солдату на центральной площади.

НА СНИМКАХ (слева направо): Высоко в горах чабаны занимаются в кружке по ликвидации неграмотности.

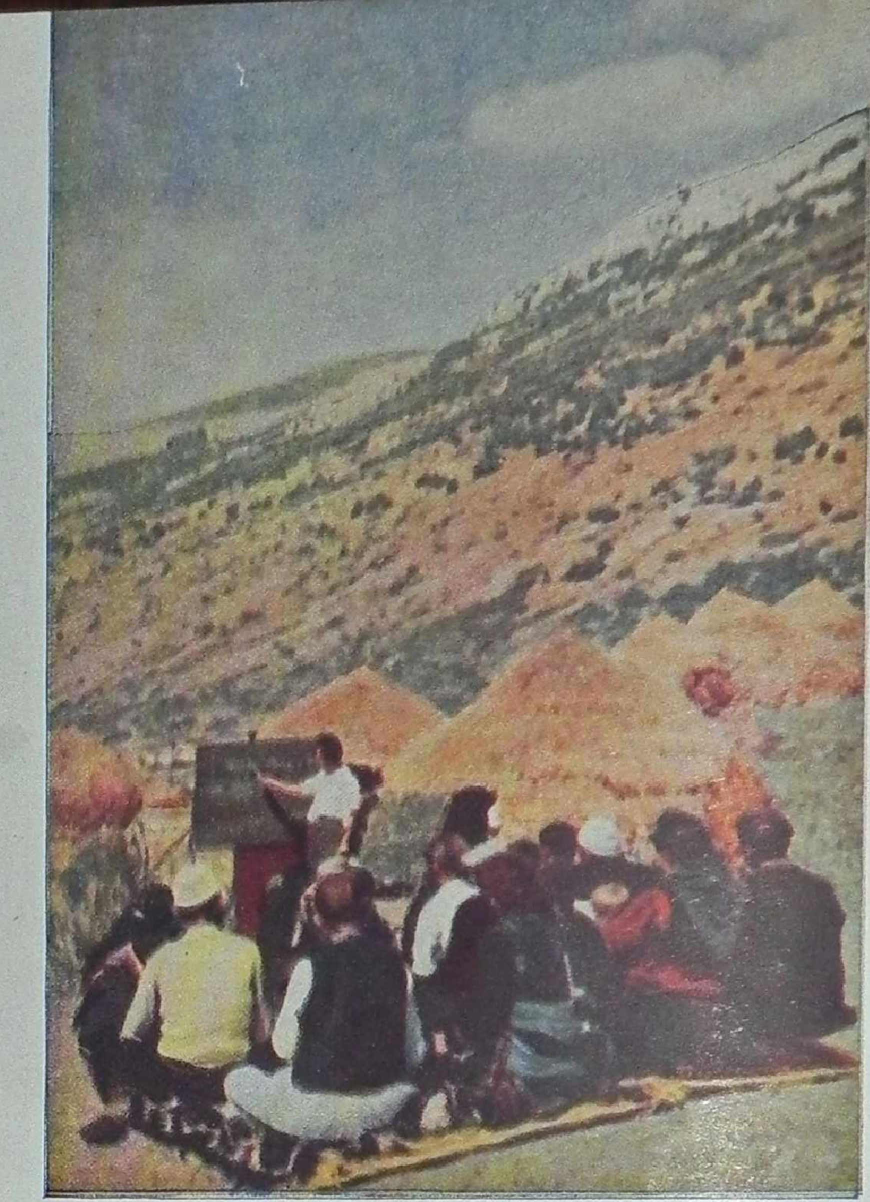
Сбор хлопка в кооперативном хозяйстве «Фиери и Ри».

На высокогорном пастбище чабаны регулярно, дважды в неделю, получают газеты и журналы.

Женщины в национальных албанских костюмах.

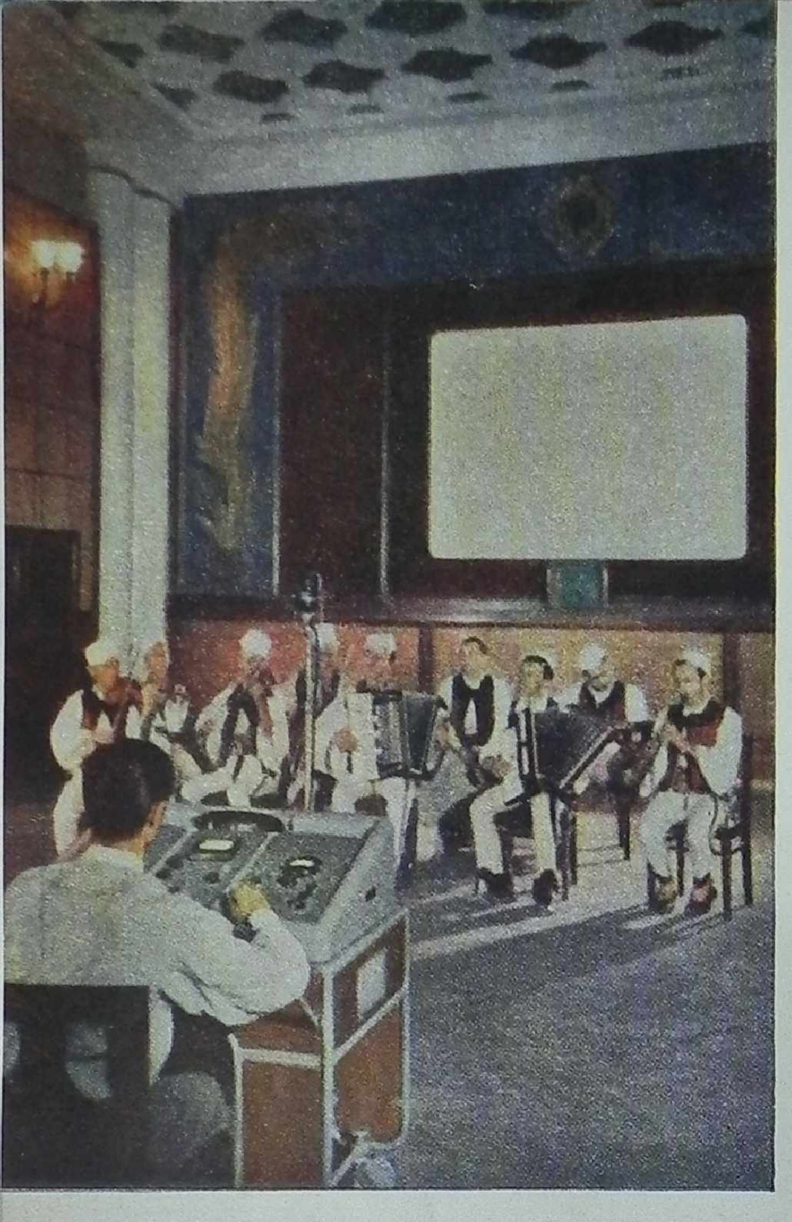
Внизу: советские самоходные комбайны на уборке урожая пшеницы на государственной ферме «Малить».

В круге: город Поградец на берегу Охридского озера.

Ателье звукозаписи в киностудии «Новая Албания», сооруженной с помощью советских инженеров и оснащенной новейшим советским оборудованием.

Дом отдыха для трудящихся на берегу Охридского озера. На веранде дома отдыха.

Река Мати. Здесь будет воздвигнута гидроэлектростанция.

ЦВЕТИ, АЛБАНИЯ, ЦВЕТИ!

Чудесны Адриатики
просторы,
Ласкает берег синяя
волна,
Прохлада моря
овевает горы...
Албания! Прекрасная
страна!

Этими строками албанского поэта Лазара Силичи начинается новый цветной художественно-документальный фильм «Албания», созданный содружеством советских и албанских киноработников: в создании фильма «Албания» принимали участие режиссеры И. Копалин, Эндри Кеко. Операторы — Р. Халушаков, Яни Нано, Л. Зайцев.

С горячей симпатией относятся советские люди к мужественному и свободолюбивому албанскому народу. Советские зрители видели уже несколько документальных фильмов, посвященных Албании. Эти фильмы не повторяют один другой. Страна меняется на глазах. Вчерашняя Албания не похожа на сегодняшнюю, а завтрашняя будет отличаться от сегодняшней.

В первый раз я посетил Албанию в 1951 году, когда шли съемки фильма, посвященного десятилетию Албанской партии труда. А когда через год, в мае 1952 года, мы вновь оказались на албанской земле, нас поразили те большие преобразования, которые свершились в молодой республике. Вступили в строй десятки новых предприятий. Вновь построенная гидроэлектростанция имени Ленина снабжает электрическим током города и предприятия страны. В магазинах продаются ткани и одежда из материи, изготовленной на первом в Албании Текстильном комбинате имени Сталина. В окрестностях Корчи вырос первенец пятилетки — сахарный завод. Албания не знала железных дорог — сейчас их четыре.

Изменилось и албанское село. Страдавшая от засухи земля орошена и дает высокие урожаи. На полях появились тракторы и комбайны, в сельскохозяйственных кооперативах хозяйство ведется на научной основе. Среди албанских крестьян ширится мичуринское движение опытников — преобразователей природы. Все это мы старались отразить в новом фильме.

Огромным авторитетом у трудящихся Албании пользуется Партия труда и ее руководитель Энвер Ходжа. Мы запечатлели в фильме выступления Энвера Ходжа, его встречи с народом.

Большой любовью пользуется у албанского народа армия. Бдительно охраняет она мирную жизнь новой Албании от врагов. А этих врагов немало. Титовские бандиты, греческие монархо-фашисты, итальянские реакционеры сеют провокации на границах республики.

Кадрами военного парада в честь годовщины освобождения страны от фашистских оккупантов заканчивается наш фильм об Албании.

Фильм «Албания» делался на албанском и русском языках. И в один день — 10 февраля — он одновременно вышел на экраны албанских и советских кинотеатров.

А. СЕМИН,
кинооператор

Кадр из фильма «Албания».

РОЖДЕНИЕ ТАЛАНТА

Анна **КАЛЬМА**

Завихрилась синяя вода. Две волны столкнулись в мощном встречном движении и вздыбились, как бы обнявшись. На травянисто-зеленых берегах столпились люди.

Карандаш того, кто рисовал картину, придал людям непомерно большие головы; их руки такой длины, что без труда могли бы дотянуться до противоположного берега реки. Однако это ничуть не тревожило художника. Видимо, он заботился совсем о другом. Во что бы то ни стало хотелось ему передать ликование и радость людей по случаю счастливого и важного события.

Наверное, в детском саду, где воспитывается семилетний мальчик Олег Скороходов, кто-нибудь из воспитателей рассказал о встрече двух великих рек — Волги и Дона. Быть может, Олег услышал из уст взрослых одно из тех поэтических описаний этой встречи, какими полны были наши газеты. Как бы то ни было, Олегу захотелось живописно изобразить эту встречу. И вот цветные карандаши ребенка наивно и глубоко поэтически передали большую, всенародную радость.

Стоя в одном из залов выставки детского творчества, я раздумывала о том, какое верное чутье водило рукой маленького Олега, когда рядом со мной кто-то сказал:

— Мальчик рисует совсем, как я рисовал когда-то... В детстве острей всего это чувство нового. Я помню, когда я впервые увидел радиоприемник, мне захотелось изобразить не только его, но и голоса, которые в нем слышались, и Москву, как она тогда мне представлялась... И еще я мечтал рисовать природу, пейзажи...

Я оглянулась и увидела характерное смуглое лицо, узкие горячие пытливые глаза, устремленные на картину с выражением того понимания, которое присуще только профессионалам.

Элей Сивцев не случайно пришел на выставку детского творчества и неспроста так внимательно всматривался в картины маленьких художников. Все эти мальчики и девочки из Закарпатья, из северных областей, из Армении и Эстонии были его младшими братьями по искусству, и начало их пути в искусстве, вероятно, во многом совпадало с началом пути самого Элея — двадцатитрехлетнего якута, студента Института имени Сурикова.

Поэтому-то работы детей вызывали в нем такой горячий отклик и целый поток ассоциаций и воспоминаний.

И пока мы обходили выставку, осматривая полотна и скульптуры, Элей интересовался не только красками, композицией и рисунком, которые он отмечал как художник. Нет, его больше всего увлекало и поражало то ощущение нового, которое он почувствовал с самого начала в картине семилетнего мальчугана.

— Оглянитесь, посмотрите — здесь вся наша страна, все ее дела, все, что делают наши люди,— сказал он, останавливаясь посреди одного из залов и озираясь вокруг.— Я вот думаю, если бы я был совсем чужим, никогда не слыхавшим о Советском Союзе человеком и пришел бы на эту выставку, я сразу понял бы, какой богатой и разнообразной жизнью живет эта страна и как интересно в ней жить и трудиться.

Элей Сивцев сказал правду. Шесть тысяч произведений было прислано из всех республик и областей страны на традиционную выставку, открывающуюся ежегодно. Специальное жюри из виднейших представителей изобразительного искусства выбрало для показа восемьсот наиболее интересных работ. В этих работах советские дети воспели все, чем славна, чем прекрасна их Родина. Ни одно дело, ни один признак новой жизни не ускользнули от их пытливых, любящих глаз; и это еще раз показывает, как богат духовный мир советских ребят.

Вот агитатор в расшитой рубахе пришел на пастбище и читает газету пастухам. На ярко

Студент Московского государственного художественного института имени Сурикова Элей Сивцев за работой.

и радостно освещенном склоне Карпатских гор пасутся красные коровы. Задумчиво, внимательно лицо старого пастуха: он слушает о событиях, происходящих на земле, о том, как люди борются за мир, о том, что сказал людям Сталин.

Тринадцатилетний Володя Пустовойт из Чернигова нарисовал большую картину «Электрификация села». Он изобразил новое, построенное по проекту архитекторов колхозное село, каких уже много на Украине. Дома этого нового села изящны и красивы, они двухэтажные и окрашены в легкие, светлые тона. По просторным, обсаженным деревьями тротуарам идут прохожие, женщина везет в коляске ребенка, разворачивается на шоссе автобус, привезший колхозников из города, едет велосипедист, мчится в МТС грузовик. И на переднем плане молодой деловитый монтер, оседлавший столб и навешивающий провода.

— Представитель новой, колхозной молодежи,— улыбаясь, указывает на него Элей.— Колхозная техническая интеллигенция...

Повидимому, бродя со мной по залам выставки, Элей, конечно, не догадывался, что из всего, что мы видели, самым выразительным олицетворением нового является он сам, смуглый и подтянутый юноша-якут, который через два года окончит свой институт и станет художником. Картины показывали нам внешнее выражение того нового, что происходит в стране. Сам же Элей, как и многие его земляки, о которых он рассказывает, убеждает лучше всяких картин в тех гигантских внутренних сдвигах, которые произошли в его народе.

Мы уселись в углу одного из залов выставки, и Элей Сивцев принялся перечислять своих любимых художников:

— Конечно, Репин и Левитан, Суриков, Крамской... Из старых мастеров — Рафаэль, Рембрандт... Люблю и французов... Например, Курбэ...

Если бы Элей Сивцев был сыном одного из тех народов Союза, которые исчисляют столетиями свою культуру, если бы его предки слушали лекции Стасова и жили в крупных университетских центрах, пользовались бы всеми достижениями техники, ходили по театрам, видели крупнейших русских актеров и лучшие музеи, в его высказываниях не было бы ничего удивительного. К тому же мы уже привыкли, у нас уже стало вполне «освоенным» то, что, скажем, сын доярки становится астрономом с мировым именем, а сын рабочего — известным на весь мир академиком.

Но у предков Элея не было ни городов с музеями, театрами и библиотеками, ни достижений техники.

Окраина царской России—дореволюционная Якутия — всегда трактовалась иностранными путешественниками вроде Маака как «страна отсталой народности, стоящей на чрезвычайно низкой ступени человеческого развития. В статье, напечатанной в 1904 году, некий ученый утверждал, что «идеал якута заключается в том, чтобы, ничего не делая, разжиреть».

Это утверждение об «идеале» якута — беззастенчивая ложь. Стоит просмотреть материалы обследований некоторых комиссий из царских чиновников, наезжавших в Якутию частью для того, чтобы поживиться золотом и прочими природными богатствами края, частью для того, чтобы наметить новые места для ссылки политических заключенных. Материалы эти говорят об ужасающей бедности якутского народа, о постоянном голоде, о беспросветной жизни. Якуты были зажаты в двойные тиски: с одной стороны, их прижимали и давили царские чиновники, хищные и жадные, как истые колонизаторы, с другой — не менее жадные и хищные местные кулаки, тойоны вкупе с шаманами.

Как «заботилось» государство о якутах, видно по данным, опубликованным в 1900 году. «Народное здравие в области находится в неудовлетворительном состоянии,—гласит справка царского министерства внутренних дел.— Аптека одна и один аптекарский магазин, всех врачей в области — двадцать два, из них семь — на частных золотых приисках, два вольнопрактикующих и тринадцать на государственной службе».

Итак, согласно официальным данным, ближайшие предки Элея Сивцева могли умирать, не тревожимые никакими врачебными средствами, от любых болезней: оспы, чумы, цынги, дизентерии — от всех тех страшных эпидемий, которые свирепствовали в голодной и нищей Якутии прошлого. И живи Элей в то время, неизвестно, дожил ли бы он до своих двадцати трех лет: болезни тысячами косили якутских детей в первые годы жизни. И недаром в прежние времена путешественники уподобляли якутов индейцам в Америке: как вымирали при любезном содействии миссионеров и торговцев индейские племена в Штатах, так вымирал под равнодушным оком царских чиновников якутский народ.

Заботились ли о культуре, о просвещении народа? О да, разумеется, заботились: на всю Якутскую область было четыре средних учебных заведения да три духовных училища, готовивших «пастырей», которые действовали часто заодно с шаманами. Зато в области было двенадцать полицейских участков и несколько десятков урядников и жандармов, поддерживавших «порядок».

Справедливость требует сказать, что Элей уже не застал ни тойонов, ни шаманов, ни вековечной борьбы бедняков-якутов за свое существование. Поколение Элея пришло уже на готовое, отвоеванное дедами и старшими братьями и отцами право на счастливую жизнь. Отец Элея, детство которого прошло в годы гражданской войны в Якутии, уже смог учиться сначала в школе, а после в педагогическом институте в Якутске. И маленький его сын Элей принимал уже как должное то, что отец осенью уезжал в город учиться, что вечерами дома он до позднего часа сидел за книжками, в которых рассказывается о всяких удивительных вещах.

Элей родился при советской власти и рос уже при социализме. Он не знал и не чувствовал, какие сложности, какой трудный путь прошел его отец — сын бедняка — из дымного чума до того, кем он стал впоследствии: широко образованным человеком, преподававшим в школе такие разные предметы, как история, физика, химия, и страстно увлекавшимся рисованием.

Гигантский бросок совершил народ Элея, войдя в семью народов Советского Союза и получив возможность строить свое счастье. И вот перед нами внук тех самых якутов, которых именовали «отсталой народностью, находящейся на самой низкой ступени развития».

— В переводе название нашей деревни — «Березовый остров»,— рассказывает Элей.— Моя мать всегда пела мне песни о березах, и я любил на целый день убегать в лес за нашим домом. Вероятно, для художника очень важно развить в себе любовь к природе... Она всегда была во мне. Я любил все живое: деревья, хлебное поле под ветром, лошадей...

Со счастливой улыбкой говорит Элей о своем детстве. Ничего мрачного, ничего тяжелого уже не было на его пути. Суровы были зимы, но тепло и светло было в доме Сивцевых — уже не дымном чуме, а самом обычном просторном деревенском доме. Шестилетним мальчуганом Элей забежал в школу, где уже учились его старшие товарищи, и увидел на стене класса изображения различных животных. Вероятно, накануне в классе был урок зоологии. Вернувшись домой, Элей попытался нарисовать тигра, льва, лягушку. Что-то не удавалось. Он пошел к товарищу, жившему рядом. Товарищ учился уже в четвертом классе и тоже любил рисовать. Условились так: Элей будет, сидя тут же, учиться читать, а за это Роман (так звали соседского мальчика) будет ему рисовать картинки.

За полгода Элей выучился читать и уже сам неплохо рисовал по памяти.

На зимние каникулы приехал отец и поразился успехам сына. Сам увлеченный рисованием, он понял увлечение Элея и купил ему краски.

— Бывало, все ребята идут на речку или играть во что-нибудь, а я сижу весь выходной день и рисую,— вспоминает Элей.

Отец окончил институт, и его послали преподавать в русской школе в угольный бассейн Сангар-Хая. Это был большой, благоустроенный поселок, и там Элей впервые увлекся литературой. Одна из девочек-якуток, обучавшихся в школе, сделала иллюстрации к «Трем пальмам» Лермонтова. Ее рисунок заставил Элея обратиться к Лермонтову. «Герой нашего времени» потряс мальчика. Впервые зазвучали для него и пленили его лермонтовские стихи. Сколько рисунков сделал он, иллюстрируя «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...»! Он никогда не видел моря, но музыка слов покоряла его, заставляла браться за карандаш, за кисть. Он тоже хотел выразить то, что его волновало.

На глазах Элея менялась его страна, богатели колхозы, строились дороги, дома, появлялись все новые машины. Мальчик учился и продолжал рисовать. На него уже смотрели как на настоящего художника, поручали ему рисовать карикатуры на отстающих в работе, портреты ударников, просили оформлять выставки и стенгазеты. Но вот наступила война, отец ушел на фронт и не вернулся — погиб.

В семье Сивцевых старшим стал Элей. Мать, когда-то веселая и беспечная певунья, сразу стала молчаливой и какой-то словно отчужденной, маленькая сестра часто плакала. С едой было туго: война все еще продолжалась. И мать вместе с Элеем, который только что окончил семилетку, и с дочкой отправилась в Булун, в колхоз, где жила родня.

Элей наконец увидел море. Но это было не то жемчужное, туманно-голубое море, которое показал ему впервые Лермонтов. Желтосерые хмурые валы бороздили Северный Ледовитый океан, белесое небо стояло над ним. Но и такое море понравилось Элею Сивцеву. Он работал в колхозе, внимательно смотрел вокруг себя, попрежнему тянуло его рисовать.

Но вот кончилась война, и мы видим Элея уже учеником художественного училища в Якутске. Художественное училище для якутов, для народа, который был обречен на вымирание! Элей знал уже о художественных училищах, открытых во всех сколько-нибудь крупных городах национальных республик, училищах, любовно выращивающих, пестующих таланты, вышедшие из недр народа!

Пять лет занимался Элей в училище. Учился рисунку, живописи, композиции и жанру, пейзажу и натюрморту. Лучшие художники Якутии — Романов, Ким, Павлов — были его учителями. За эти годы вырастал на глазах Элея Якутск, менялось лицо страны, уже создан был якутский филиал Академии наук СССР. Две тысячи культурно-просветительных учреждений — театры, библиотеки, клубы,— шестьсот школ работали в Якутской АССР. Уже насчитывалось семьдесят кандидатов и докторов наук, вышедших из народа, получивших ученые степени за годы советской власти. И Элею все больше хотелось написать о переменах в своей стране, написать о живом и сильном искусстве своего народа, искусстве, которое не смогли уничтожить даже враги, даже царские чинуши.

Четыре ученика, окончивших училище в городе Якутске, были посланы для продолжения образования в Москву, в Институт имени Сурикова. Сочинение Элея Сивцева об искусстве якутского народа открыло ему путь: он оказался в числе этих четырех.

Сбылось то, о чем смутно мечтал для своего сына отец Элея, сбылось то, к чему стремился, чего добивался сам Элей. Его работы привлекают серьезное внимание педагогов, потому что педагоги давно почувствовали в нем подлинного художника. Часто в своих композициях Элей обращается к картинам своей родины, которые хранит его память. Он знает: для того, чтобы стать настоящим мастером, нужен не один только талант, но и труд; и Элей трудится в мастерских и в библиотеках, он до поздней ночи, как когда-то его отец, сидит за книгами.

Для себя он избрал графический факультет. Его товарищ — тот самый, который некогда рисовал в его детской тетрадке первых зверей,— учится на живописном факультете.

— И сестра моя приехала сюда, учится в строительном институте,— говорит Элей.— Только она живет за городом, и мы редко видимся. Вы знаете, хочется все успеть, все видеть, все знать. И всегда очень некогда.

Мы расстаемся на московской улице. Падает снег, и Элей рассказывает мне о якутской зиме — крепкой и солнечной, о березах, звенящих от мороза. Узким смуглым пальцем он рисует в воздухе какой-то, одному ему видимый пейзаж своей родины.

СУДЬБА ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

Ральф ПАРКЕР

Грустная история Рейнолда Харта начинается примерно двенадцать лет тому назад.

Жестокое австралийское лето было в разгаре. Четырехлетнего Рейнолда подобрали где-то в трущобах города Перта и привезли в Карролуп. Облака горячей пыли висели, как шатер, над приземистыми каменными строениями, над раскаленными зноем железными крышами. Все это возникало среди плоской песчаной равнины, как призрак.

До самого горизонта простирались бросовые, бесплодные земли, сплошь заросшие диким кустарником. Здесь не было дорог. Только одна каменистая тропа вела к железнодорожной станции, отстоявшей отсюда на 40 километров. Именно сюда власти выселили 28 тысяч «туземцев» — коренных жителей Западной Австралии.

Карролуп... Это слово не принято было произносить в «приличном обществе», среди белых властителей Австралии. Даже на языке местных австралийских племен оно означало «Потерянные души».

Я не знаю, за какие прегрешения отправили в эту пустыню Рейнолда Харта. Сам он помнил только одно: у него были когда-то родители, и они бросили его. Он очень тосковал по ним, особенно в первые годы пребывания в Карролупе. «Со мной обращались там очень жестоко»,— писал он позже в своих воспоминаниях.

Очевидно, «преступление» ребенка состояло в том, что он был отверженный из народа отверженных. В Карролуп обычно высылались те из коренных австралийцев, которые дошли до предела физического истощения; туда высылались и так называемые неисправимые, то есть проявлявшие непокорность белым эксплуататорам. Карролуп — это было своего рода свалочное место для тех, кого богатые властители Австралии презрительно назвали «человеческими отбросами». Здесь, в этом страшном, гиблом месте, должен был с ранних детских лет жить и Рейнолд Харт — вместе с несколькими десятками таких же, как он, покинутых детей.

Целый день дети слонялись в четырех каменных стенах, а к вечеру, ровно в пять часов,— и зимой и летом — их загоняли в спальни, похожие больше на тюремные камеры. Дети тосковали, плакали; иногда, охваченные бессознательным порывом возмущения, они принимались бешено колотить в наглухо запертые двери.

Спали дети и подростки на грязных нарах, дрожа в зимнее время от холода, задыхаясь от жары летом. Ходили в лохмотьях, грязные, немытые: во всей округе вода была на вес золота.

В одной из таких спален-камер Рейнолд как-то услышал песню. Она была не похожа на печальные песни его племени, какие ему пела — он это смутно помнил — мать. Это была песня протеста, она известна по всей Австралии под названием «Песня узников».

Всего несколько поколений назад коренные жители Западной Австралии были жизнерадостным, трудолюбивым народом. У народа, к которому принадлежал Рейнолд Харт, были свои, полные поэзии песни и сказы. Свою землю — запад Австралии — этот народ именовал «Бибблмун», что означает «Земля материнской груди». Природа здесь была щедра и благожелательна к человеку, как мать.

Когда в страну явились белые завоеватели, пришел конец мирному существованию народа Рейнолда Харта. Колонизаторы принесли этим людям «культуру» капиталистического мира: научили пить водку, играть в азартные игры, воровать. И, разумеется, заставили тяжело трудиться за плату, куда более низкую, чем плата белого рабочего. Дети их, потерявшие детский облик, привыкли опускать голову перед «белым господином» и прятаться, как маленькие зверьки.

«Как обучать этих детей в школе, если они не имеют нормальных условий существования?» — глубокомысленно вопрошала одна часть австралийских деятелей «культуры» во время бесконечных дебатов по «туземной проблеме».

«Могут ли туземные дети иметь нормальные условия жизни без просвещения, без школы?» — рассуждали другие, столь же «почтенные» участники дискуссии. Итогом всех этих словесных турниров был Карролуп.

Правда, когда Рейнолду Харту было 6 лет, какие-то благотворители решили открыть в Карролупе школу. «Я делал уроки очень быстро, и мне нравилась школа»,— рассказывал Рейнолд много лет спустя. Но вот как описывает эту «школу» приставленный в то время к детям учитель:

«Это было унылое каменное здание с цементным полом, без всякого оборудования. Учили детей немного читать, немного писать и считать. Книг почти не было. Занимались при свете маленькой керосиновой лампы. Мне самому пришлось жить в хижине, сделанной из старых листов железа...»

Рейнолд рос угрюмым, худым подростком, он был дик, недоверчив к людям. Когда с ним заговаривали, он опускал голову и отворачивался или притворялся непонимающим. Но в те минуты, когда он оставался один, его черные глаза светились умом и недетской грустью.

— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь? — спросил его один заезжий турист.

Мальчик нерешительно переминался с ноги на ногу.

Рейнолд Харт.

— Я хочу делать что-нибудь хорошее,— сказал он наконец.

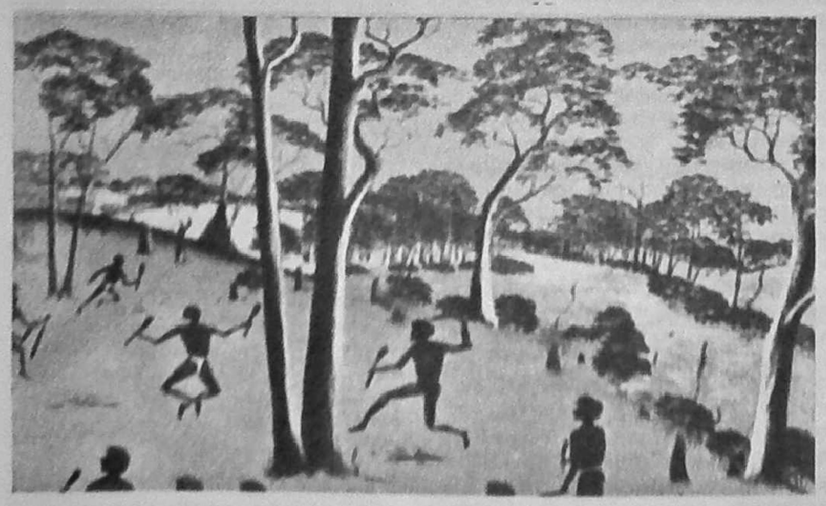
— Но что именно?

— Я... я хочу печь хлеб, или... печатать книги, или... водить грузовую машину.

Люди, которые задавали Рейнолду такие вопросы, прекрасно знали, что его не ждет ничего хорошего в жизни. Профессионального образования в Австралии для «туземцев» не существует. Даже прав гражданства не существует для них...

Шли месяцы, годы. И вот наступил час действия для десятилетнего Рейнолда Харта, час бунта против судьбы.

Однажды в душную летнюю ночь учитель вышел на улицу, чтобы проверить замок на двери школы. Он услышал неистовые

Туземный праздничный танец. Рисунок Рейнолда Харта.

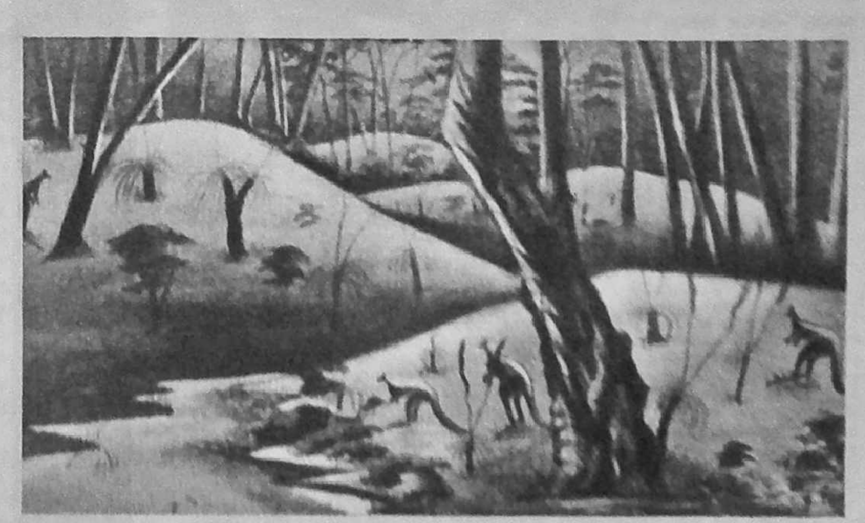
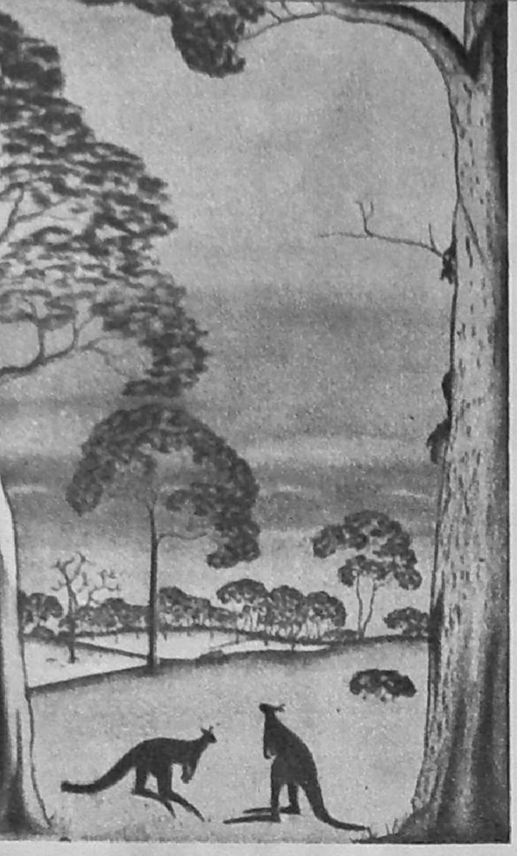

Рисунок «На водопое» сделан Парнелом Демпстером.

Этот рисунок называется «Настороже». Его автор — тринадцатилетний обитатель Карролупа Барри Лу.

крики, несшиеся из окон одной из спален. Учитель бросился туда; дети, отталкивая друг друга, рвались к единственному забранному решеткой окну, через которое тянулись наружу струйки дыма. Надзирателя, у которого хранились ключи, на месте не оказалось. Учителю пришлось взломать дверь, чтобы выпустить задыхающихся, перепуганных детей. После этого случая учитель получил от властей бумагу, в которой детям милостиво разрешалось перед водворением в спальни поиграть и побегать час — другой на улице.

Это ничтожное послабление в тюремном режиме Карролупа имело большие последствия. Дети ухватились за этот проблеск свободы, как утопающий за соломинку. Даже глаза их, как свидетельствовал учитель, «стали прозрачнее и осмысленнее».

Вскоре к учителю явилась большая делегация от детей.

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы у нас было светло по вечерам в школе! — сказал Рейнолд Харт.— Ребята хотят рисовать.

— И для этого вам нужен свет в комнате?

— Да, сэр,— ответил мальчик и нерешительно улыбнулся.

Просьба детей была удовлетворена. С какой трогательной жадностью ловили они малейшую возможность провести лишние полчаса у керосиновой лампочки, прежде чем идти в осточертевшую темную камеру-спальню!

От вечера к вечеру их энтузиазм возрастал. Вожаком был Рейнолд Харт, у которого открылся подлинный талант рисовальщика. Дети спорили, критиковали друг друга. Учитель вздумал было вмешаться в это дело своими советами, но, оказалось, что дети гораздо наблюдательнее его. В своих рисунках они с почти феноменальной чуткостью улавливали причудливые очертания старого дуплистого дерева, затейливые извивы тропинки в лесной чаще, осторожное движение охотника за опоссумом, неуклюжие прыжки кенгуру.

Девственный австралийский лес — обиталище их предков — занимал в рисунках первое место. Маленькие художники изображали и камедное дерево с веретенообразным стволом и листьями в форме опахала, и причудливое травяное дерево с его взъерошенной, как волосы, листвой, и многое другое, чем славится многообразный древесный мир Австралии. Потом дети пристрастились к изображению животных. И если вначале они инстинктивно подчеркивали в рисунках кровожадность лесного зверя и повадки хищника, то впоследствии в рисунках стало проступать ласковое, по-детски дружелюбное отношение к животному. Наблюдательность, умение выразить привычки, движения животного просто поражают в этих рисунках!

Рейнолд и его товарищи — большинству из них было лет по одиннадцати — неспроста так горячо привязались к новому для них занятию. Видимо, они бессознательно увидели в этом способ предъявить свое право на родину, на ту Австралию, которую у них отняли.

Чем дальше, тем все горячее толковали и спорили они о деревьях и холмах, о солнечном восходе и лунных ночах, о свете и тени, зверях и птицах! Они чувствовали своим детским умом, что их зрение и руки могут пригодиться теперь для чего-то красивого и полезного, для изображения красот родной земли.

Рейнолд Харт выразил это в следующих словах: «Туземным детям раньше не давали учиться. А теперь нас будут уважать за наши рисунки».

Так два года подряд маленькие узники Карролупа, имея в руках куски толстой коричневой бумаги, при свете керосиновой лампы постигали сами, без всякой помощи искусство перспективы, точной и выразительной линии, верных тонов и красок. Это не было наивное и беспорядочное «детское искусство». Нет, то, что делали юные художники Карролупа, несло в себе зачатки подлинного искусства.

Новое занятие изменило отношение детей к своему собственному народу. Раньше многие из них считали чуть ли не постыдным интересоваться обычаями старых племен, живших в районе Карролупа, и дети встречались со своими взрослыми соплеменниками только тайком. Теперь они открыто, не прячась, собирались вокруг костров жителей резервации, жадно прислушивались к старинным легендам и поверьям, приглядывались к традиционным танцам и религиозным церемониям. И потом запечатлевали все это в десятках рисунков.

Рейнолду Харту было 13 лет, когда об искусстве детей Карролупа стали говорить по всей Австралии и даже за ее пределами. Люди, которые раньше и слышать не хотели о Карролупе, вдруг проявили к нему исключительно живой интерес. Рейнолда однажды одели в новый костюм и отправили в Перт: властям было лестно продемонстрировать в его лице «достижения политики правительства в отношении туземцев». Короче говоря, юные художники Карролупа сделались вдруг «восьмым чудом света». Их рисунки рассылались во все страны. И, как обычно в мире бизнеса, их стали покупать, продавать и перепродавать за крупные суммы всякого рода меценаты и просто торгаши.

Но долго продолжаться это не могло. Австралийские расисты не хотели примириться с тем, что художники из Карролупа стали смотреть на свое искусство как на ступень, ведущую к достижению нормального образования. Четырнадцатилетний Рейнолд Харт произнес однажды слова, которые едва ли были приятны для многих ушей в Австралии. «Теперь я стал старше,— сказал он,— и я хочу, чтобы мне дали место в этом мире среди других людей и чтобы меня уважали, как достойного гражданина Австралии». Ту же надежду высказал и другой юный художник — один из самых талантливых — Парнел Демпстер.

Увы, этим надеждам, выраженным с таким мальчишеским задором, не суждено было осуществиться! Департамент по делам туземцев привык рассматривать себя как учреждение, занимающееся проблемами в ы р о ж д е н и я бывшего коренного населения Австралии. Деятели департамента, как и их коллеги в Южной Африке и других местах, всегда изображали этот процесс как «естественный и неотвратимый». Они утверждают, что из этого вытекает столь же «естественное» право белого человека господствовать над цветным. Они не раз провозглашали подобные идеи с трибуны Организации Объединенных Наций. Теперь вдруг встал перед ними неслыханный факт... в о з р о ж д е н и я «туземцев» в лице группы одаренных детей и подростков.

Департамент был явно не подготовлен к такому казусу. Художники из Карролупа стали вдруг поперек горла австралийским администраторам.

В 1950 году школа в Карролупе была закрыта. Официальная мотивировка гласила: «Ввиду трудностей, с которыми связано содержание подобного рода учреждения». Дети разбрелись в разные стороны.

Рейнолда Харта все-таки послали в Перт учиться ремеслу... маляра. Вскоре его наняли красить двери и окна в одной больнице. Имея за спиной всего лишь три года плохой начальной школы, он скоро убедился, что это означает для него практически. Как необученному «цветному» рабочему ему платили жалкие гроши, а о завершении даже начального образования и мечтать не приходилось...

Жить ему пришлось снова в каком-то мрачном лагере для «туземцев». Короткий период неискреннего интереса к нему со стороны богатых «благотворителей» кончился.

И Рейнолд перестал рисовать. Когда ему напоминали о его даровании, он хмуро отмалчивался. Снова диким и отчужденным стал его взгляд. Глаза Рейнолда не видели больше красот родной природы. В его душе погасла надежда, которая так ярко горела раньше и, казалось, предвещала ему осмысленную и достойную жизнь.

Так кончилась история Рейнолда Харта и его товарищей. Рейнолд ушел в безвестность так же незаметно, как незаметно появился в пыльном грузовике у ворот Карролупа. Последний след, который он оставил в Перте, было письмо с небольшими — и, увы, не столь уже талантливыми — рисунками на полях. Рисунки изображали Карролуп, его окрестности, лес, прыгающих кенгуру.

Потом Рейнолд исчез из города, и с тех пор о нем ничего не было слышно.

Перевод с английского

ТЕРРОР В КЕНИИ

Кения — колония английских империалистов в Африке. Ныне здесь царят зверский террор, гонения, расправы, которые колониальные власти обрушили на местное негритянское население. Английская буржуазная газета «Дейли мейл» как-то писала: «Мы принесли Африке свободу и просвещение. Вот почему мы в Африке». Этот снимок, на котором изображены арестованные патриоты Кении, ожидающие судебного приговора,— лучшее свидетельство того, какую «свободу» принесли в Африку «просвещенные» колонизаторы.

Фото из австрийского журнала «Вельт-иллюстрирте».

БЕЛАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БАБОЧКА

А. ЕФИМОВ, Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

Над Карпатскими лесами

Когда в ясный летний день самолет проносится над Западной Украиной, внизу видны чудесные ландшафты: пышные леса, покрывающие склоны Карпатских гор, а в долинах, среди полей, ярко зеленеющие массивы плодовых садов.

Вот самолет пересекает нашу государственную границу. И куда бы ни пролегал его дальнейший путь — на юг ли, к Бухаресту, над горами к Праге, над Средне-Дунайской низменностью к Будапешту,— бросаются в глаза довольно резкие изменения в общей раскраске лесов и особенно плодовых садов: вместо свежей зелени возникают непонятные бурые пятна, нередко занимающие большую площадь. Словно тут промчался огненный шквал и сжег листву, словно внезапный листопад оголил деревья в самом начале лета.

Если бы мы приземлились в любом из таких районов, нам представилось бы странное зрелище. Действительно, на деревьях не осталось зеленых листьев. Все ветви оплетены серебрящейся паутиной, сквозь прозрачную пелену которой просвечивают веточки с черешками объеденных листьев.

Внимательно осматривая деревья, можно обнаружить и виновников этих повреждений — желтобурых или черноватых гусениц, густо покрытых длинными волосками.

Они совершенно не похожи на гусениц обычного непарного шелкопряда или других бабочек, которые бывают в лесах и садах, но, конечно, не в таком огромном числе.

Не только местные жители, но даже и специалисты стран Восточной Европы еще совсем недавно становились втупик при определении как самих гусениц, так и выводившихся из них бабочек. Таких нельзя было отыскать ни в одном, даже в самом полном определителе или атласе бабочек, обитающих в Европе.

Так что же это за насекомое, откуда оно появилось?

Воздушные десанты

В конце весны 1951 года жители многих деревень австрийской провинции Восточная Штирия, граничащей с Венгрией, наблюдали, как над их садами и лесами пролетал самолет. Опознавательные знаки говорили о том, что он принадлежит одной из держав, оккупирующих Западную Германию. Самолет описывал неожиданно круги, делал развороты, снижаясь к земле.

Некоторые жители заметили, что с самолета сбрасывались какие-то небольшие предметы: не то коробки, не то свертки, не то консервные банки. Быть может, пассажиры, собрав остатки еды, выкидывали ее, видя, что внизу нет городских строений.

Прошло несколько дней, и жители селений, близ которых петлял иностранный самолет, стали находить на плодовых деревьях, на шелковицах, кленах и других лесных породах тысячи неведомых им личинок какого-то прожорливого насекомого, быстро объедавших листья и оголявших ветку за веткой.

Обеспокоенные, люди обратились к агрономам с вопросом, что это за напасть обрушилась на зелень, но специалисты не смогли дать вразумительного ответа. Они отправили незнакомые им личинки в Венский зоологический институт. Здесь энтомологи — специалисты по насекомым — также сразу не смогли распознать вредителя и приняли его за испанскую муху.

Это первое неверное определение очень быстро проникло в печать. Переданное корреспондентом ТАСС, оно было опубликовано и в наших газетах.

Вскоре ошибка, допущенная энтомологами, была исправлена, и опасный вредитель лесов получил свое истинное научное название — «хифантрия кунеа».

Австрийская газета «Эстеррейхише фольксштимме» писала, что личинки, несомненно, были сброшены с пролетавшего над Штирией иностранного самолета, потому что в пределах Австрии никогда не водился этот иноземный вредитель древесных пород.

Газета высказывала мысль, что пилот совершил свой диверсионный акт над территорией Австрии по ошибке: он должен был сбросить этот груз над демократической Венгрией, где народ приступил к осуществлению плана преобразования природы, начал насаждать лесные полосы.

Западные оккупационные власти всполошились и дали австрийским властям приказ принять все меры к тому, чтобы замять факт сбрасывания с иностранного самолета личинок опасного вредителя.

Летом 1951 года такие же насекомые были обнаружены в лесах и садах Венгрии, Чехословакии и Румынии. Ученые этих стран занялись новым вредителем, и его происхождение было точно установлено. Он оказался белой бабочкой, хифантрией, живущей только в Америке и никогда не встречавшейся в Старом Свете до завоза ее американцами.

За океаном, особенно в Соединенных Штатах, этот вредитель распространен очень широко — от побережья Атлантического до Тихого океана — и всюду известен как очень опасный пожиратель лесных, плодовых, декоративных деревьев и кустарников.

Его гусеницы кроме того могут питаться листьями хлопчатника, кукурузы, овощей,— словом, свыше ста различных видов растений. Трудно бороться с ним фермерам Америки, и белая бабочка обосновалась там в лесах и садах.

Шестиногие солдаты Уолл-стрита

Когда окончилась вторая мировая война, прожженные дельцы Уолл-стрита начали подготовку к новым агрессиям.

Они обманывали общественное мнение своего народа и народов государств, находящихся в долларовой зависимости, провокационными слухами об агрессивных намерениях Советского Союза и стран народной демократии. Под прикрытием этих клеветнических измышлений они готовили для начала удар по Корее.

Капиталисты, издавна привыкшие покупать за наличные своих ученых, вроде реакционного генетика Моргана, обратились к продажным биологам с предложением выяснить, какие вредные насекомые и бактерии могут быть взяты на вооружение американского империализма, стремящегося к мировому господству.

Первым шестиногим солдатом армии Трумэна явился, как известно, колорадский жук. Его вредная деятельность была хорошо знакома американцам. Авторам настоящей статьи довелось видеть в США, а впоследствии и в Западной Европе опустошения, производимые этим жуком.

И вот в 1950 году, в конце июня, американские самолеты, нарушив воздушную границу Германской Демократической Республики, начали сбрасывать на мирные поля массы колорадских жуков.

Несмотря на общее возмущение, невзирая на ноты протеста правительства Германской Демократической Республики, заокеанские гангстеры не только не прекратили свои преступные диверсии, но значительно расширили их, сбрасывая колорадских жуков и над Чехословакией.

Но этого им показалось мало. Они решили бить не только по полям, но и по садам, лесам. Уолл-стрит требовал поставить под ружье новых шестиногих солдат своих армий насекомых, и тогда продавшиеся капиталу дельцы от науки предложили белую бабочку.

Почему выбрали белую бабочку?

Во второй половине прошлого века Соединенным Штатам пришлось пережить тяжелые последствия небрежности одного энтомолога, занимавшегося разведением и изучением гусениц шелкопрядов. Это был профессор Трувело. В 1869 году он привез из Европы яички непарного шелкопряда, вредителя садов и лесов. Трувело предполагал заняться скрещиванием этого вида с настоящим шелкопрядом и получить новую породу ценных насекомых, способных выкармливаться листьями не только шелковицы, но и других лесных пород.

Однажды весной, когда профессор сидел в лаборатории около раскрытого окна, внезапный порыв ветра увлек в сад несколько гусеничек. На их теле есть многочисленные длинные волоски, облегчающие полет по воздуху. Унесенные насекомые скрылись в листве деревьев и кустов.

Через несколько лет в окрестностях городка Медфорда, где жил Трувело, началось неожиданное нашествие неведомых мохнатых гусениц, которые быстро оголяли деревья. Спустя год они вторглись в соседние районы, а затем непарный шелкопряд захватил площадь свыше 15 тысяч квадратных километров и безудержно распространялся все дальше.

Климат Америки и ее растения оказались очень подходящими для пришельца. У него не было врагов и паразитов, которые уничтожают его гусениц и куколок в Европе, и это дало возможность непарному шелкопряду стать грозным истребителем садов и лесов целого континента. Наука и разрекламированная техника США были бессильны не только побороть нового врага, но и затормозить его расселение.

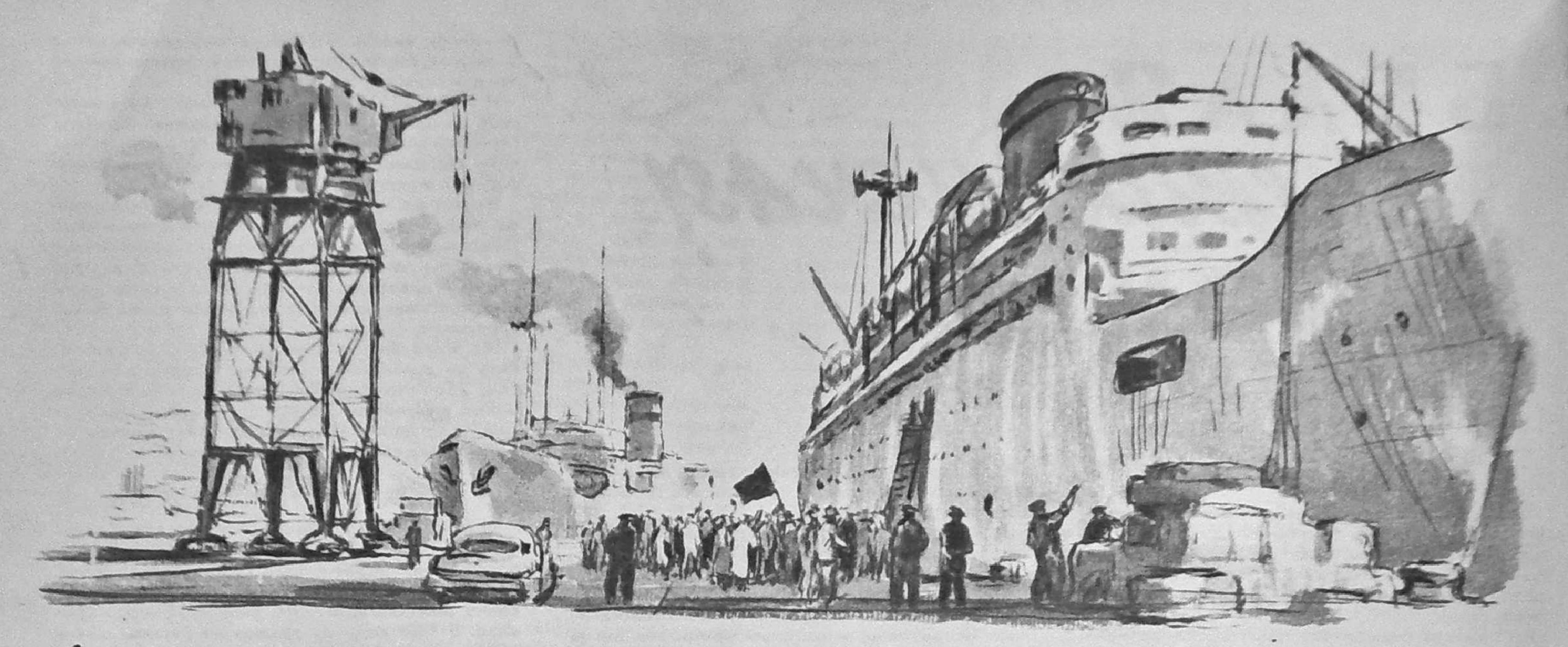
Возможно, что эта печальная история натолкнула американцев на мысль найти вредителя, отсутствующего в Европе. Их выбор пал на белую бабочку. Остальное было делом уже разработанной техники сбрасывания с самолетов живых насекомых.

Какова белая бабочка?

Она имеет около пяти сантиметров в размахе снежно-белых крыльев, изредка с небольшими темными крапинками. Перезимовав в куколке, бабочки вылетают в конце апреля — начале мая. До 2 тысяч яиц может отложить одна самка на листья. Гусенички оплетают шелковинками листья, устраивая плотные «гнезда», занимающие всю ветку. Новорожденных гусениц, как и у непарного шелкопряда, легко переносят по воздуху порывы ветра, даже за десятки километров.

И из брошенной живой искорки разгорается в лесах и садах опустошительное пламя. Деревья, объедаемые два года подряд, превращаются в сухостой и легко становятся жертвой огня. Плодовые сады, тутовники и молодые насаждения погибают в первую очередь.

Борьба с таким насекомым, особенно в горных лесах, очень трудна. Поэтому так быстро расселился американский вредитель на территории Восточной Европы, пока там не были приняты самые решительные меры против размножившихся вредителей. Большую помощь в борьбе с белой бабочкой оказал и оказывает Советский Союз.

Дорога мира и дружбы

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки В. Высоцкого

«Это затея коммунистов»,— вот что сказали ребята. То же сказал мне и старик, который обещал дать свою подпись, чтобы я смог получить паспорт. «Фестиваль молодежи в Берлине организован коммунистами»,— вот что писали газеты.

Что же остается делать человеку?

Придется продолжать начатое дело, решил я, не хватит у меня духа сказать этому парню, что я пошел на попятный. Надо добиваться своего.

Мне никогда и в голову не приходило, что я могу как-то помешать войне, а вот этот парень говорит, что могу... Раз уж взялся за дело, бросать не буду, сказал я себе.

Но правительство говорит, что визу мне не дадут. Я, видите ли, туземец, чернокожий. Государство меня опекает или что-то в этом роде. Голосовать мне не разрешается, и еще много чего мне не разрешается. А то, что разрешается, я все равно не могу делать. Я хочу вот что сказать: против нас, чернокожих, есть неписаные законы. А этот закон к тому же напечатан. Я не имею права выехать из страны, как всякий другой человек. Странно, не правда ли? Мы, коренные местные жители, здесь как будто никому не нужны, а уехать отсюда, как это могут сделать белые, нам тоже нельзя.

Я буду добиваться своего во что бы то ни стало, сказал я себе. Добуду эту чортову визу, хотя мне и не хочется связываться со всякими коммунистическими затеями.

Трудно мне рассказывать вам эту историю. Я волнуюсь, когда разговариваю с людьми. Может быть, потому, что я черный,— не знаю, а может быть, потому, что учился мало. Ходил я только в миссионерскую школу, а от нее толку мало. Кто его знает, может, некоторые миссионеры — и неплохие люди, но пользы нам от них мало. Вот и кончилось тем, что я сбежал. У миссионеров я немногому научился.

Как бы то ни было, приехал я в Сидней. Я уже сказал, что решил довести это дело до конца. И вот надо мне идти туда, где ведется подготовка к фестивалю. Это в здании профсоюза — одного из тех, что называют воинствующими. Я подумал: «Все это затея коммунистов. Видно, на этот раз газеты пишут правду!»

Целый час простоял я у дверей, честное слово, целый час. Я, знаете, не люблю бывать в незнакомых местах. Не люблю встречаться с новыми людьми, если в этом нет большой необходимости, как на работе, например. Наконец я все же вошел, дрожа, как лист.

Там сидели женщина и мужчина. Они встретили меня дружелюбно, пожалуй, знаете, даже слишком дружелюбно. Я всегда замечал, что люди, которые хорошо относятся к нам, аборигенам, держат себя с нами слегка покровительственно.

Ну вот, заполнил я анкеты. Тут входит еще один парень. У этого тон не покровительственный. Он заговаривает насчет моей визы. Потом выясняется, что парень — коммунист. Это был первый коммунист, которого я встретил. Он считает, что мы визу получим. Должен вам сказать, я уж начал надеяться на то, что не получу ее,— тогда мне не придется ехать. Он говорит, что у них нет денег. Я подумал про себя: «А своих-то у меня ведь тоже нет». Но этого малого ничто, казалось, не могло остановить.

— Мы получим для вас визу. Мы раздобудем деньги на проезд и на карманные расходы,— говорит он.

— Это как же? — спросил я.

И, странное дело, мне вспомнились разговоры насчет московского золота. И я чуть было не сказал об этом, потому что этот парень, как я уже вам говорил, мне нравился. Но я все же ничего не сказал. Только едва удержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

— Мы соберем деньги на митингах,— говорит он мне.— Сможете вы рассказывать о фестивале на митингах у заводских ворот, в домах и залах? Если нам только удастся получить какой-нибудь зал,— добавляет он со смехом.

— Нет уж, увольте! — говорю я.— Не могу я, понимаете. Я волнуюсь, когда разговариваю с людьми. Я не знаю, о чем мне говорить, а если бы даже и знал, не смог бы выразить свою мысль.

Он не настаивал.

— Ладно,— говорит он,— очень многие делегаты никогда не выступали перед публикой и не чувствуют призвания к этому. Пусть это тебя не смущает, приятель,— сказал он.— Мы достанем тебе паспорт и деньги.

Честное слово, он назвал меня приятелем совсем не покровительственно, а запросто, как он бы это сказал какому-нибудь белому парню, с которым знаком всю жизнь.

Так или иначе, паспорт мы получили. Денег тоже собрали достаточно. Я несколько раз сидел на трибуне во время собраний, и не раз, знаете ли, приходили мне в голову разные мысли, которые я бы хотел рассказать присутствующим, важные мысли, о которых забывали сказать выступавшие, но я ничего не говорил, так как знал, что стоит мне только подняться с места, и я потеряю способность соображать.

Итак, мы сели на пароход. Нас провожала большая толпа. На пристани пели, а группа танцоров, отправлявшаяся на фестиваль, исполнила несколько танцев. «Дурака мы валяем»,— подумал я. Но, оказывается, людям на пристани было очень весело, многие присоединились к пению.

На корабле кто-то поднял знамя. На нем было написано: «Это корабль мира».

Мы, понятно, ехали в самых дешевых каютах, но, по-моему, в них было не так уж плохо, хотя некоторые франты (не делегаты), у которых не хватало денег на каюту первого класса, жаловались на неудобства.

Среди делегатов был еще один цветной человек — девушка по имени Глория, и я все время старался держаться возле нее. Не то чтобы я за ней ухаживал или что-либо в этом роде, а просто я чувствовал себя одиноким, хотя и познакомился уже с некоторыми делегатами и знал, какие это были хорошие люди, особенно делегаты моряков и один горняк, с которым я потом близко сошелся.

Но вот эта девушка, о которой я вам рассказываю, говорит мне:

— Слушай, Рон, мы среди друзей. Это все хорошие люди, прогрессивная молодежь, сторонники мира. Мы ведь не хуже их, и ради своего народа мы обязаны вести себя с ними, как равные.

Ну что ж, я прилагал к этому все усилия и постепенно познакомился еще кое с кем. Некоторые обращались со мной немного снисходительно, но почти все вели себя так, будто цвет моей кожи не имеет значения. А может быть, мне просто показалось насчет снисходительности.

Но я все время продолжал думать, что это затея коммунистов. Видите ли, как ни странно, но я верил этой выдумке и разговаривал с людьми так, будто они все были коммунистами. И не потому, чтобы я что-нибудь понимал в политике. В конце концов я выяснил, что некоторые делегаты были против коммунизма, некоторые были религиозны — посещали богослужения и собрания верующих англиканской церкви на корабле. Некоторые были, я это знал, коммунистами, но они мне нрав-

лись не меньше, чем другие. Можете меня считать красным, если вам угодно.

На собраниях делегатов, состоявшихся несколько раз на пароходе, имели место острые стычки, но с самого начала до конца путешествия нас объединяла одна общая цель — мир. Наши мнения совпадали в одном — в вопросе о мире. Понимаете, что я хочу сказать? А это было то, для чего мы ехали на фестиваль.

Все в общем шло гладко. Первый раз в жизни я чувствовал себя спокойно, имея дело с людьми, то есть с членами делегации, я хочу сказать. Но мне не повезло. Дело в том, что на пароходе вам выдают карточку, на которой указано, за каким столом вы должны сидеть во время обеда. Я и еще один делегат получили место за столом с двумя неприятными людьми — мужем и женой — из породы грошовых капиталистов, у которых претензии большие, а денег маловато, из тех, которые хотели бы путешествовать в первом классе, но не могут позволить себе этого.

В первый день я заметил, что они за мной наблюдают,— смотрят на мои руки, словно они у меня грязные. И хотя еда была хорошая, это мне портило аппетит.

Лицо у женщины было, как свежераскрашенная реклама. На ней была масса драгоценностей, по-моему, фальшивых. На другой день, подходя к своему столу, я слышу, она говорит: «Джон, поговори со старшим стюардом, чтобы он пересадил нас за другой стол. Я тебя предупреждала, что в отделении для туристов мы столкнемся с каким-нибудь черным». «Хорошо, дорогая»,— отвечает он, типичный образец тех мужей, которые находятся под каблуком у жен.

Мне очень захотелось дать ей по носу, но что делать! Приходится терпеть. Потом мне часто приходилось видеть, как эта женщина лежит в шезлонге и загорает. Смешно, не правда ли? Подобные люди не любят цветных, а сами стараются потемнеть. Как бы то ни было, они пересели за другой стол, а за наш сели двое других — молодые ребята, которых мы определенно сумели заинтересовать фестивалем мира.

Жизнь на корабле так и кипела. Шли дискуссии о мире и на другие темы. На нескольких я присутствовал. Они были очень интересные. Один или два раза я даже что-то говорил; это не так уж трудно, когда вас окружает несколько человек, которых вы знаете. Мои знакомые занимались главным образом подготовкой выставки и программы выступления на фестивале. Программа состояла из картин по истории Австралии с песнями, плясками и т. п. Решили начать ее сценой борьбы между моим народом и белыми. Люди капитана Кука сражаются с моим народом. Там был эпизод, в котором одни актеры изображали аборигенов, другие были одеты, как солдаты, а третьи,— как заключенные. Один парень спросил меня, хочу ли я участвовать в программе.

— Ладно,— сказал я,— мне не придется краситься в черный цвет.

Потом мне пришло в голову, что я впервые пошутил на эту тему.

Оказывается, они понятия не имели, как раскрашивают себя аборигены. Эта раскраска, видите ли, имеет определенный смысл. Тогда я им показал, как раскрашиваться и как плясать наши народные танцы — так, как мне рассказывала моя мать. Я получил роль. Я играл коренного жителя Австралии, которого убивает полицейский.

До сих пор я никогда не играл, об этом и говорить не приходится. Певцы и танцоры, которых было всего человек восемьдесят или около того, тоже занимались этим впервые. Группа танцоров из Мельбурна имела, понятно, опыт и была гвоздем программы, но и у нас выходило неплохо, хотя нам самим приходилось делать костюмы и декорации. Представьте себе, мы показывали эту программу на фестивале десять раз, и каждый раз она пользовалась огромным успехом. «Матильда пляшет» стала популярной песней. Эта цветная девушка Глория тоже выступала в программе. И в группе танцоров она участвовала. Плясать она умела, поверьте моему слову. Там был такой танец, когда четыре белые девочки не хотят играть с Глорией, черной девочкой. Ей хочется играть с ними, но они на нее даже не смотрят. Тут одна из них падает, она расшибла себе колено, но остальные три белые девочки не обращают на нее внимания, и только Глория жалеет и поднимает ее. Танец заканчивается совместной игрой всех девочек с Глорией в центре.

Я видел этот танец десятки раз, но каждый раз он вызывал у меня слезы. И не у одного меня. Он заставлял плакать множество людей. Если среди зрителей находились люди из Индии или из Африки, они всегда плакали. А однажды девушки исполняли этот танец на встрече с советской делегацией. Сколько слез было тогда пролито! Я сидел рядом со здоровым русским парнем. Когда танец кончился, он вытирал глаза. Как потом выяснилось, это был чемпион по борьбе — чемпион всего Советского Союза.

Наконец мы добрались до Берлина. Мы останавливались во всех портах: в Коломбо, Бомбее, Неаполе и т. д. Молодежь встречала нас повсюду радостно и торжественно. Вспоминаешь — и на сердце теплее делается.

В Праге мы сели в поезд. На всех станциях нас горячо приветствовали, с цветами и песнями. Люди выходили встречать нас даже на рассвете.

В Берлине мы пользовались большим успехом. Ну, а фестиваль... Это было потрясающе. Именно потрясающе! 25 тысяч молодых людей из 104 различных стран! Черные, белые, желтые. На значке организации, которую они называют Международной федерацией демократической молодежи, изображены трое юношей — черный, белый и желтокожий. Все вместе!

А что происходило в Берлине! Каждый вечер нужно было смотреть одну из программ, подготовленных одной из делегаций. По вечерам молодежь плясала на улицах и пела.

Иногда мы встречались с делегатами других стран, и меня просили произнести речь, но я отказывался.

Немцы, в особенности молодые, были совсем не такие, какими я представлял их себе. Они относились к нам очень дружелюбно и были чрезвычайно приветливы с делегатами. А ведь всего несколько лет назад Гитлер внушал им, что цветные народы — это грязь у них под ногами. Да, народ Восточной Германии изменился, хотя, судя по тому, что я слышал, в западной ее части гитлеровские бредни продолжают проводиться в жизнь.

Да, чуть не забыл сказать: делегация сколотила команду для игры в регби, и ребята попросили меня играть. Что ж, я неплохой футболист и согласился войти в команду. Мы выиграли почти все матчи. Команде пришлось поселиться в другом доме, поближе к месту тренировки, и я столкнулся с другими ребятами, которых раньше не знал. Я опять стал волноваться.

Как-то раз мы поздно вернулись с концерта и собирались уже ложиться спать, как вдруг один парень говорит:

— Я больше с Роном не желаю иметь дела!

«Не желаю иметь дела»! Для меня эти слова были ударом. После всего того, что я тогда чувствовал, после разговоров с людьми, как равный с равными, после того, как я несколько раз даже танцевал с девушками из делегации!

— Почему? — спросил кто-то.

— Потому что, когда вы идете с ним по улице, его то и дело останавливают желающие получить автограф.

Все засмеялись. Я тоже засмеялся. Это была правда. Стоило мне выйти на улицу, как у меня начинали просить автограф. Хорошо, что я все-таки посещал эту миссионерскую школу: плохо было бы для моего народа, если бы вместо подписи мне приходилось ставить крестик.

Да, со мной носились и, сказать по правде, немного переусердствовали. Когда с вами так носятся, это начинает вам напоминать о цвете вашей кожи. Понимаете, что я хочу сказать?

Когда фестиваль кончился, на собрании было объявлено, что делегаты получили приглашение посетить Советский Союз и страны народной демократии. И я попадаю в список отправляющихся в Россию, в Советский Союз.

Представьте себе, я, рожденный в резервации для черных, отправляюсь на самолете в Советский Союз и останавливаюсь в роскошном отеле как раз напротив Кремля!

Я не буду сейчас много рассказывать о Советской России, скажу только, что она совсем не такая, как ее описывают наши газеты.

То немногое, что я хочу рассказать вам о Советском Союзе, трудно выразить словами. Я все очень хорошо понимаю, но не умею сказать как следует.

Дело было так. Пробыв там несколько дней, я стал испытывать какое-то новое чувство, но я сам не знал, что это такое. Я постарался разобраться в нем,— оказывается, я забыл, что я черный. Просто чудеса: все время, что я был там, я не помнил, что я черный.

Мы ездили на шахты, на заводы, в школы; мы ходили в кино, слушали оперу и смотрели балет. Представьте себе: я хожу в оперу и балет. А я действительно был там,— советские рабочие часто ходят в театр, поверьте мне. И куда бы я ни пошел, люди обращали на меня не больше внимания, чем на других делегатов.

За день до нашего отъезда Антифашистский комитет молодежи дал нам прощальный обед. Там было много австралийцев и много советских юношей и девушек. Идет пир горой, и, как всегда в России, провозглашается множество тостов.

Выступили и некоторые австралийцы. Я заметил, что они забыли сказать что-то важное. Тогда я встал и провозгласил тост за Советский Союз (до сих пор не понимаю, как я это сделал). У меня в голове вертелось множество мыслей, которые я хотел высказать, но, когда я встал, все они исчезли. Стою и не могу сказать ни слова. И вдруг я заговорил.

— Я только хочу сказать,— говорю я,— что здесь, в Советском Союзе, в первый раз в своей жизни я забыл о том, что я цветной!

Я сел. Сначала было тихо, а потом мне долго хлопали.

Вот об этом труднее всего было рассказать.

Потом мы вернулись в Лондон и наконец на большом пароходе отправились домой. Я часто присоединялся то к одной, то к другой группе делегатов. Мы решили, что когда приедем домой, то будем устраивать собрания и рассказывать обо всем, что видели, и постараемся пробудить интерес к Карнавалу мира и дружбы, который мы решили организовать в Сиднее.

Когда мы добрались до Коломбо, меня назначили одним из ораторов на приеме, устроенном для нас в ратуше организацией «Движение молодежи Цейлона». Были еще три оратора — все люди, привыкшие к выступлениям. Сидя там и глядя на сотни лиц, я почувствовал, что мне становится страшно. Но это все были почти исключительно цветные люди, которые живут в грязных, ветхих хибарках, так же как и мой народ. Поэтому, когда подошла моя очередь выступать, я решил, что говорить с ними мне будет просто. Так это и было, но только в течение первых нескольких секунд. Я рассказал, как я в России забыл о том, что я черный, и они аплодировали и приветствовали меня одобрительными возгласами. Около меня сидел парень, который переводил мои слова.

Но потом я спутался и ничего уже не мог произнести. Один из ораторов, что сидел позади меня, сказал: «Карнавал, Рон». Тогда я что-то сказал про карнавал и опять запнулся. Я все время старался вспомнить, что мне нужно сказать, но не мог. Тут я сообразил, что у меня на клочке бумаги что-то записано, но что, я не мог разобрать.

Тогда я сказал несколько слов о том, что нужно бороться всем вместе — и белым и черным — за мир. Я уж не помню теперь, что я говорил, и сел на место. «Уф,— подумал я,— последний раз в жизни!»

Ну вот, добрались мы домой, в Австралию, и у нас забрали паспорта. Удивительное дело, правительство говорит, что русские и население в других странах, строящих социализм, голодают и живут в страхе, без всякой радости, но при этом вам делают отметку на паспорте, чтобы вы не могли поехать в эти страны! Если бы все было так, как они говорят, то правительство отправляло бы туда как можно больше людей, чтобы те убедились в этом сами, и тогда бы и споров никаких не было. Понятно?

Я остался на некоторое время в Сиднее для того, чтобы провести, как мы условились, несколько митингов. Потом я пожалел, что пообещал. Но я считал, что защита мира — важное дело, и пошел на это.

Первый митинг я провел на большом заводе. У ворот, понятно. Со мной был парень из профсоюза. Он открыл митинг и вытолкнул меня вперед. Вдоль забора сидело двести парней, они ели и слушали. «Пожалуй, это будет потрудней, чем в зале»,— подумал я про себя.

Ладно, я начал. На этот раз я ничего не записал, так как знал, что это бесполезно. Но в голове у меня было яснее, чем обычно, так как с тех пор, как я вернулся на родину, я все время думал о том, какое бы это было великое дело, если бы я, черный, мог помогать учить белых рабочих и мой собственный народ бороться за мир.

Я начал рассказывать о фестивале, и все шло хорошо, они как будто заинтересовались. Вдруг какой-то парень — такой тощий на вид — заорал:

— Не хотим мы тут коммунистов слушать! Отправляйся обратно в резервацию или возвращайся в Россию, если это такое замечательное место!

Парень из профсоюза шепчет:

— Не обращай на него внимания, это паршивый смутьян. Продолжай!

Но я не мог произнести ни одного слова. Все лица слились у меня перед глазами.

Парень из профсоюза, поняв мое состояние, выступил вперед и сказал что-то о равенстве. Некоторые рабочие начали ругать того парня, что орал на меня. И вдруг мои мысли прояснились, и слова, которые до сих пор никогда не приходили мне в голову, встали передо мной так отчетливо, как будто на странице книги.

И я сказал:

— Никуда я не собираюсь уезжать. Я останусь здесь, потому что хочу рассказать вам кое о чем. Я хочу рассказать вам о своем народе. Это народ древней культуры. Я где-то читал, что пока черный закован в цепи, белый тоже не может быть свободен. Мой народ не плохой народ, он не таит злобы против белых, но он хочет пользоваться благами жизни так же, как и они.

Вот что я вам скажу. На войне пуля продырявит белую кожу так же легко, как и черную, а атомная бомба не будет разбирать, кто белый, а кто черный. И я хочу вам сказать, что австралийские рабочие, белокожие и чернокожие, должны бороться рядом, плечом к плечу. Мы обязаны вместе бороться за мир и за свою страну.

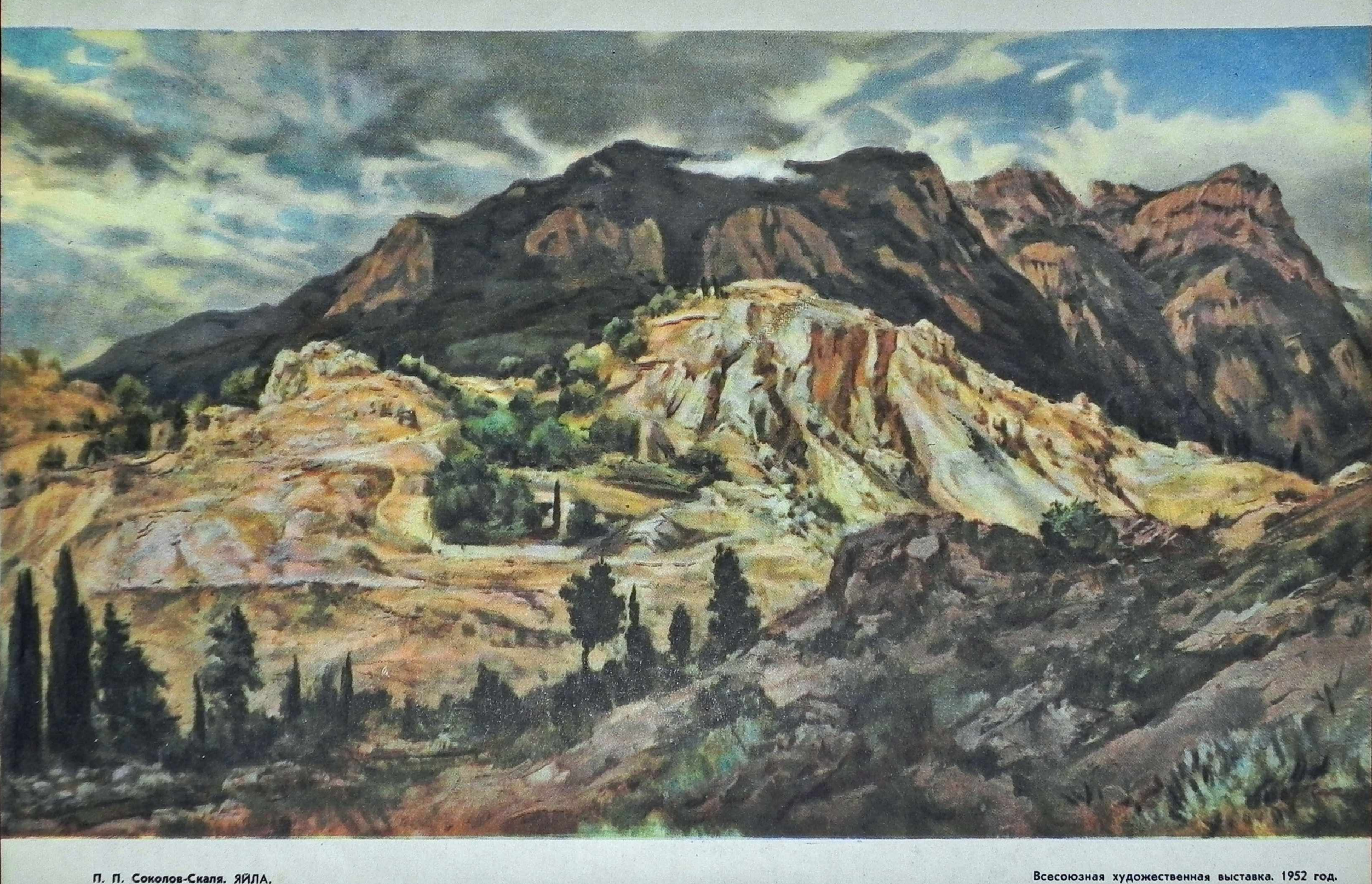
Перевела с английского
З. МОЛДАВСКАЯ

К. Ф. Юон. ЗИМНИЙ СОН.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР. 1952 год.

П. П. Соколов-Скаля. ЯЙЛА.

Всесоюзная художественная выставка. 1952 год.

«Садуте» — народный танец.

ПЕСНЯ ВЕРНУЛАСЬ К НАРОДУ

Хорошо поет бирбине. Ионас делал его из ясеня и коровьего рога. Мальчик сидит на берегу озерка. Стадо разбрелось по низкому лугу. Подпасок отдыхает, опустив в прохладную воду усталые ноги. А прижатая к губам свирель поет и поет.

Все грустнее и глуше звучит бирбине. Где, на каком кулацком хуторе выбивается сейчас из последних сил усталая мать? Год за годом пасет Ионас кулацкий скот. Вечерами усталые крестьянки слушают его печальные песенки.

Много горя было в те годы в Жемайтии...

Голоса родной природы и свирелей, сделанных руками литовских пастухов, были первым увлечением маленького подпаска Ионаса Шведаса, ныне руководителя Государственного народного ансамбля песни и танца Литовской ССР.

В Клайпеде Ионас учился музыке. Был в Клайпедской музыкальной школе старый преподаватель, композитор Жилявичюс, горячо любивший народные песни. В его коллекции народных инструментов Шведас с радостью встретил знакомые бирбине, скудучей и лумсделис — мелодичные, любимые народом пастушьи рожки.

В 1940 году советское правительство создает в Вильнюсе ансамбль народной песни и танца, собирает по всей Литве любителей петь народные песни и играть на народных инструментах. Руководителем ансамбля стал Ионас Шведас.

Сначала оркестр никак не получался. Каждый делал лумсделис, бирбине, скудучей для себя, у каждого по-своему они пели, а как сойдутся в оркестр, зазвучат инструменты своенравно, и Шведас смотрит на музыкантов растерянными глазами.

Пришел однажды в ансамбль замечательный мастер Пранас Серва. Он родился и вырос в песенной Жемайтии, с детства умел делать народные инструменты, знал музыку, играл в оркестре. Талантливый самоучка из народа завел у себя в мастерской старенькую фисгармонию и стал налаживать лумсделис, бирбине и скудучей на фортепианный строй.

...Первый свой концерт ансамбль дал 23 февраля 1941 года в честь Красной Армии. С этого дня в ансамбль стали стекаться все новые певцы и музыканты, и песни ансамбля запел народ.

После освобождения Литвы от немецких оккупантов вновь возродился Государственный народный ансамбль песни и танца Литовской ССР, и снова его руководителем стал Ионас Шведас.

Высокие травы растут на аникщяйских лугах. Целыми днями стрекочут в них косилки, по колено в густой траве цепочкой идут косари. И вдруг над лугами всплывает песня — такой Ионас Изидорович еще никогда не слыхал. «Кормил, холил я коня...» — поют косари в такт своим движениям. Неповторимо хороша эта мелодия здесь, в вечерних лугах.

«Моя фамилия — Шведас — говорит Ионас Изидорович косарям. — Я хочу записать эту песню». Больше объяснять ничего не надо: колхозники окружили его, поют вместе с ним, вот уже появляется лист бумаги, нотная линейка с записью мелодии.

«Скоро ансамбль будет петь нашу песню?» — спрашивают колхозники на прощанье.

«Очень скоро», — отвечает Ионас Изидорович. Это была правда: на завтрашний день в концерте в Аникщяе ансамбль исполнил песню «Кормил, холил я коня». Через несколько дней ее запела вся Литва.

Собирать у народа песни и танцы и возвращать их народу стало традицией ансамбля. Иозас Лингис, руководитель танцевального коллектива, за последние годы собрал в народе около 50 танцев, и теперь в литовских колхозах нет ни одного самодеятельного коллектива, который бы не пел народных песен и не исполнял старинных танцев в обработке ансамбля.

Но не только за литовские песни любит народ свой ансамбль. Хор поет в литовских колхозах задушевные русские и грузинские песни, украинские и узбекские, латвийские и эстонские, белорусские, таджикские, поет на языках братских народов. Хор несет народу советские песни, воспевающие великого Сталина, мир и труд, народ и партию, дружбу и любовь. В прошлом году во время гастрольной поездки по Литве ансамбль исполнил «Славься» из оперы Глинки «Иван Сусанин». Теперь это произведение поется во многих колхозных хорах. Так подхватывает народ каждую песню ансамбля.

Н. ХРАБРОВА

Мое мнение

Зрители о Всесоюзной художественной выставке 1952 года

Вот уже второй месяц многолюдный поток зрителей движется по залам Государственной Третьяковской галереи, отведенным под Всесоюзную художественную выставку. Оживленно обмениваются мнениями москвичи и приезжие, юноши и убеленные сединами старики, студенты и офицеры... Выставка привлекла внимание людей всех профессий. Многое зрителям нравится. Некоторые полотна, листы графиков и работы скульпторов их восхищают. Но далеко не все произведения, экспонированные в залах выставки, удостаиваются похвалы. Одни побуждают зрителей к горячим спорам, другие оставляют их равнодушными, третьи, наконец, вызывают осуждение. Корреспонденты «Огонька» попросили некоторых зрителей поделиться своими впечатлениями о виденном. Ниже мы печатаем их высказывания, а также отдельные записи из книги отзывов выставки.

— Самое сильное впечатление? Сразу сказать трудно — интересного много... Впрочем, скажу. Мне, как человеку военному, больше всего понравилась диорама «Альпийский поход Суворова», созданная группой художников студии имени Грекова. Вся огромная картина боя сделана не только грамотно с военной и исторической точки зрения, но и темпераментно, сильно. Хорош образ Суворова на коне. Чувствуется, что художники А. Интезаров, П. Мальцев и Ф. Усыпенко немало потрудились над историческими документами и всерьез изучили материал. Убедительное произведение, очень полезное для молодежи, перед которой оно открывает одну из ярчайших страниц немеркнущей славы русского оружия.

Генерал-майор В. ТУТУШКИН.

★

— В большом полотне Сергея Герасимова «Кутузов» фигуры самого полководца и его генералов на первом плане производят досадное впечатление нарочитой парадности. Блеск военных мундиров отвлекает от содержания напряженной сцены боя. Поза самого Кутузова картинна и оставляет ощущение неестественности. Окутанное дымом поле боя написано с присущим художнику мастерством, но оно служит лишь эффектным фоном. Основная группа первого плана написана значительно слабее. Картина в целом, я считаю, не удалась. Зато удались художнику другие его работы — пейзажи, написанные тепло, с душой, очень тонкие по колориту.

Гвардии старший лейтенант П. СТАРКОВ.

★

— Меня глубоко разочаровала картина А. Лактионова «На новую квартиру». Это, я считаю, не живопись, а фотография, холодное, натуралистическое полотно. С каким усердием выписаны все вещи — мандолина, книга, глобус!.. Даже плитки паркета отделаны с ненужной ювелирной тщательностью. Но все это сухо, а главное люди, выписанные так же тщательно, как вещи, показаны только внешне, но никак не выражена их сущность, их чувства, их мысли. Женщина в центре выглядит мещанкой, обывательницей.

Огорчает и новая работа Т. Яблонской «На Днепре». Вялые, скучные краски. Днепровская вода изображена неестественно мертвенной. Все фигуры спортсменов и болельщиков на один лад, ничего они не выражают. В картине нет поэзии, увлечения темой, она не запоминается. А ведь еще недавно Яблонская порадовала нас своим «Хлебом» — ярким, щедрым и тепылм по краскам! Откуда же пришло к художнику это унылое равнодушие? Ведь тема Днепра — такая благородная, волнующая!

Художник-любитель Н. ТИТОВ.

★

— Среди пейзажей, на мой взгляд, самые лучшие — поэтичная картина А. Грицая «Над Волгой», полотно В. Пузырькова «Прибой», проникнутое любовью к морю, и глубоко лирические подмосковные пейзажи Л. Бродской. Эти произведения меня по-настоящему взволновали.

Заместитель главного инженера треста «Дзержинскруда», лауреат Сталинской премии А. ПОЛИЩУК (г. Кривой Рог).

★

— Снова до глубины души взволновали меня плакаты В. Корецкого. Особенно блестящи плакаты о Корее! Непонятно лишь, почему В. Корецкий выступает в последние годы столь редко?

Преподаватель Л. АНДРОВСКИЙ.

★

— Поначалу картина Н. Веселовой, Е. Рубина, А. Пушнина «Штрафной назначен» заинтересовала меня хотя бы просто потому, что я очень люблю спорт. Но, разглядывая полотно, с огорчением убеждаешься, что оно удручающе статично. Мне кажется, что художник неудачно выбрал момент: такую динамичную игру, как футбол, он попытался запечатлеть именно в момент ее остановки! Фигуры игроков, замерших в ожидании, получились неестественными, их напряжение кажется нарочитым. Это досадно. Хочется попросить наших художников, чтобы они уделяли спортивной тематике побольше внимания.

Студент Московского энергетического института Б. ИВАНОВ.

★

— Скульптура представлена на выставке довольно бедно. Хочется поздравить нескольких ваятелей: С. Коненкова с его проникновенным портретом И. П. Павлова, Н. Никогосяна с поэтичным портретом артистки Тамары Макаровой и В. Цигаля, воссоздавшего мужественный облик «Народного добровольца».

С. ЕГОРОВ, инженер-конструктор.

Продолжение на следующей странице.

Мое мнение

Зрители о Всесоюзной художественной выставке 1952 года

— На выставке есть несколько произведений живописи и скульптуры, посвященных теме великой клятвы товарища Сталина, произнесенной после смерти Ленина. Мне хочется выделить среди этих работ картину В. Задорожного «Клятва». В ней есть истинная сила и неподдельное волнение. Остальные произведения не поднимаются до необходимого в такой теме звучания и огорчают холодной, парадной эффектностью.

С. ЛАПШОВА,
преподавательница русского языка и литературы (Свердловск).

★

— Мне кажется, самое интересное на этой выставке создано советскими графиками. Превосходны по наблюдательности и тонкому ощущению авторского стиля иллюстрации Д. Дубинского к рассказу «Дожди» С. Антонова. Очень хороши рисунки О. Верейского к «Тихому Дону» — лаконичные, умные, необычайно обогащающие читателя. Запоминаются и автолитографии Е. Рачева на сюжеты народных сказок.

В. Богаткин попытался показать величие стройки Волго-Дона, изображая одни машины. Машины, что и говорить, прекрасные, а впечатление получилось не то: людей не видишь, а пейзаж сух и холоден.

И. САХАРОВА,
режиссер Московского областного детского театра.

★

— В картине П. Соколова-Скалая «Пугачев» нет единого центра всей композиции. Пестрое полотно как бы разбито на ряд чисто театральных мизансцен, не связанных между собой. Откровенно театрален и пейзаж, например, дом слева и березка возле него, словно списанные с декорации оперного спектакля.

Среди толпы несколько фигур, привлекающих внимание, например, арестованный помещик или солдат, отдающий честь. Но сам Пугачев, к сожалению, оставляет желать лучшего: он изображен бледно, не в центре картины и как-то теряется в массе. А ведь все внимание зрителей должно быть сосредоточено на Пугачеве!

Художник напрасно поторопился выставить это сырое, далеко еще не завершенное полотно.

Н. ЧЕРНЯВСКИЙ,
В. КУЛИКОВ,
студенты Московского художественного училища памяти 1905 года.

★

— Мне понравилась картина художника Н. Чебакова «Павлик Морозов»; но только, мне кажется, кулак в этой картине написан лучше и выразительнее Павлика, а это неправильно. Хотелось бы, чтобы художник еще поработал над фигурой Павлика, постарался бы показать в нем страстного молодого героя, тогда картину, без сомнения, очень полюбили бы все пионеры и комсомольцы страны.

М. ЕРШОВА,
ученица 10-го класса 43-й школы Москвы

★

— Называется картина В. Бялыницкого-Бируля «Радостный май», а впечатление производит пасмурное и грустное. Скорее это осень или, в лучшем случае, печальный дождливый май, хотя и добротно написанный. Почему художник взял для изображения майского дня столь мрачные краски?

Студент геологического факультета института «Цветметзолото» Д. ВОЛЖИН.

★

— «Свежий номер цеховой стенной газеты» А. Левитина и Ю. Тулина — это просто подарок рабочему зрителю. Это живая правда нашей заводской жизни. В картине много словно выхваченных из самой действительности образов: тут и старик-рабочий, который как бы говорит: «Ну, как, прочесали?»; тут и молодой рабочий — «герой дня», который всем своим видом показывает, что заметка в стенгазете его будто бы не волнует; тут и шустрая девушка, явно написавшая эту заметку и наблюдающая за тем, как читают ее товарищи по цеху; тут и другая девушка, видно, неравнодушная к «герою дня» и рассердившаяся на него... Такую картину смотришь, словно повесть читаешь.

Токарь С. ХРЫНИН.

★

— Картина Д. Налбандяна «Накануне Батумской демонстрации в 1902 году» ярко воспроизводит эпизод нелегального собрания рабочих во главе с товарищем Сталиным. Мне кажется она лучшей среди произведений историко-революционной тематики. Очень тепла и поэтична картина В. Гаврилова «На рассвете» («Молодые изыскатели»). Это несомненная удача молодого художника.

Инженер Всесоюзного научно-исследовательского института электроизмерительных приборов, лауреат Сталинской премии Г. КАВАЛЕРОВ (Ленинград).

★

— С улыбкой останавливаешься у картины Ф. Решетникова «Опять двойка». Как это жизненно, просто, знакомо! И знаете, что удивительно? Художник показал самое обыкновенное событие — в какой семье этого не бывало? А вместе с тем картина радует, и смотришь на нее и думаешь, что жизнь хороша! Отчего это происходит? Какой тут секрет? Это уж пусть критики скажут или сам товарищ Решетников.

Школьницы 10-х классов В. МЕДВЕДЕВА (471-я школа Москвы) и Т. ПЕСКОВА (школа ст. Лопасня, Московской области).

★

— Всей душой благодарю Бориса Пророкова, любимого моего художника, снова сумевшего в серии «В Европе—американцы!» лаконично, вдохновенно и с горячим темпераментом выразить мысли и чувства многих советских людей. Порадовал меня и П. Пинкисевич, давший ряд гневных, взволнованных рисунков, направленных против поджигателей новой войны.

Хирург В. ДОБРОНРАВОВ.

СПЕКТАКЛИ

Спектакль близится к концу. Последний акт чеховской «Чайки». На сцене двое — Нина Заречная и Константин Треплев. За стеклянной дверью гостиной воет ветер, тревожно бьются лапчатые тени деревьев.

— Я уже настоящая актриса,— говорит Заречная, и в голосе ее слышится торжество,— я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею на сцене и чувствую себя прекрасной!..

В глубоком, сосредоточенном молчании замер зрительный зал.

Вот когда вспоминаешь горькое начало сценической истории «Чайки»! 17 октября 1896 года Антон Павлович Чехов присутствовал на премьере «Чайки» в Александринском театре. Самые поэтические места вызывали смех знатной публики, в антрактах «шипели и злились». Автор бежал из театра в тоске и досаде. Он писал затем: «Актеры играли гнусно, глупо... Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти... Никогда я не буду пьес этих ни писать, ни ставить...»

Правда, пьеса вскоре получила признание: она была поставлена К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко в Московском Художественном театре и прошла с редким успехом. Это был один из лучших спектаклей молодого тогда коллектива художественников. С тех пор «Чайка» стала эмблемой театра. Но все же ни зрители той поры, ни современная Чехову критика не сумели понять пьесу. За ней постепенно утвердилась репутация сложной и несценичной. Ставили «Чайку» редко. Режиссеры обычно отступали перед кажущейся «противоречивостью» ее образов, вполне удовлетворяясь шутливым пояснением самого автора: «много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви». Спектакли «Чайки» чаще всего оказывались неудачными.

Лишь серьезный творческий труд советских историков и практиков театра раскрыл идейный смысл «Чайки». Под «пятью пудами любви» обнаружилась пьеса о таланте и призвании художника, о сути и назначении искусства. И именно эта главная тема произведения Чехова увлекла новосибирский театр «Красный факел».

Постановщице «Чайки» заслуженному деятелю искусств РСФСР В. П. Редлих удалось верно раскрыть главную мысль пьесы, сплотить участников спектакля в ансамбль, единый по тону, по настроению, по необходимой простоте исполнения. И душой этого ансамбля стала Вера Капустина, играющая Нину Заречную.

Талант самой Капустиной, как и талант Заречной, раскрылся от приобщения к живой действительности. В недавнем прошлом смазчица железнодорожного депо, участница самодеятельных спектаклей, затем — ученица студии театра «Красный факел» и, наконец, его актриса, Вера Капустина принесла на сцену подлинное знание жизни.

Вот Заречная — юная актриса — впервые появляется на сцене, готовясь сыграть свою первую роль в надуманной декадентской пьесе Треплева. Вся она словно воплощенная мечта о творчестве — об этом говорит та глубокая серьез-

«Чайка» А. П. Чехова на сцене новосибирского театра «Красный факел». Константин Треплев (С. И. Галуза) и Нина Заречная (В. Я. Капустина).

ТЕАТРА „КРАСНЫЙ ФАКЕЛ"

ность, с которой относится девушка к затеянному Треплевым любительскому спектаклю, взволнованные, горящие глаза. Но Заречной пока еще нечего сказать в искусстве. Лишь пройдя суровые испытания, она приобрела право произнести уверенные слова: «...когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

Этот путь Заречной В. Капустина воспроизводит с редкой естественностью и простотой.

«Самое трудное»

Главные персонажи «Чайки» — люди искусства и литературы; их четверо: две актрисы — молодая и стареющая, два писателя — начинающий и опытный. На протяжении пьесы они много спорят о литературе, об искусстве.

Аркадина издевается над кривляниями духовно опустошенных художников-декадентов. Треплев едко говорит о рутине и ремесленничестве, разъедающих искусство. Тригорин иронизирует над собой, над литературой, отстающей от современности. Но ни у кого из них нет будущего в искусстве. «Я... не верую и не знаю, в чем мое призвание»,— подводит итог своей короткой жизни Треплев. Что же касается Аркадиной, то ее понимание искусства остается откровенно обывательским. И постановщица спектакля, отчетливо противопоставляя остальным героям пьесы Нину Заречную, самую молодую из четверых, одновременно направляет свои усилия к раскрытию причин творческого оскудения Тригорина, Аркадиной, Треплева.

Правдиво и точно играет Тригорина заслуженный артист РСФСР Н. Михайлов. В его изображении Тригорин — человек одаренный, глубокий, но внутренне пассивный. Он далек от жизненной борьбы, равнодушен к ней, и это неизбежно накладывает печать вялости и холода и на его произведения. Нина Заречная полюбила его. Сам увлекшись ею, он, однако, неспособен принести ей счастье. Преждевременная усталость, безразличие к людям — характерные черты поблекшего облика Тригорина, каким его воплощает артист.

В Аркадиной Вл. И. Немирович-Данченко видел «обворожительную пошлячку», подчеркивал ее «актерскую элегантность», пристрастие к «прекрасным туалетам», ее скупость и ревность. Эту характеристику заслуженная артистка РСФСР Е. Агаронова пока еще реализует не полностью. Вскрывая убожество обывательских взглядов Аркадиной, ее скупость, мелочность, раздражительность, она не всегда передает ее элегантность, ее жизнерадостность.

Не вполне отчетлива и сценическая характеристика Треплева. Артист С. Галуза в начале несколько переоценивает увлеченность Треплева идеей создания «новых форм» в искусстве. Творчество самого Чехова, да и судьба Треплева в пьесе со всей убедительностью показывают, что автор «Чайки» относился к «новым формам», порожденным упадочнической фантазией Треплева, с иронией и насмешкой. Поэтому в дальнейшем С. Галуза вынужден отказаться от первоначально намеченного им образа этакого романтического юноши и искать другие краски, которые придадут роли необходимую достоверность. И только в конце спектакля, где Треплев с горечью и страхом осознает свое поражение, убеждаясь в бесплодности своего таланта, лишенного жизненной почвы, игра С. Галузы приобретает простоту и уверенность.

Естественность исполнения достигнута заслуженным артистом РСФСР С. Бирюковым в его тонкой зарисовке проницательного, вдумчивого доктора Дорна, которому явно симпатизирует Чехов. Старейший актер труппы Н. Вент с едва уловимой иронией играет Сорина, а молодая актриса Любовь Лунева темпераментно и живо исполняет роль Маши Шамраевой.

Так пришла зрелость

С первых дней своего существования коллектив, созданный одним из учеников К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, режиссером В. Татищевым, стремился осуществлять их реалистические принципы, отражать в своих спектаклях правду жизни. Однако далось это не сразу. Передвижной театр, начавший свою жизнь в Одессе, побывал во многих городах Украины, в Свердловске, в Кузбассе и наконец двадцать лет назад прочно обосновался в Новосибирске. Ныне новосибирские театралы с гордостью называют свой театр «сибирский МХАТ».

Украшающие нынешний репертуар «Красного факела» спектакли «Зыковы» и «Мещане» М. Горького, «Последняя жертва» А. Островского, «Чайка» А. Чехова, «Два лагеря» А. Якобсона несут в себе черты подлинного реализма, глубокого проникновения в характеры, в социальный смысл произведений.

Печатью творческой зрелости отмечен и новый спектакль «Песнь о черноморцах» Б. Лавренева, поставленный заслуженным артистом РСФСР Э. М. Бейбутовым.

Обаятелен в спектакле матрос-артиллерист Ставриди, которого играет С. Галуза. Отважный воин, хороший и неизменно веселый фронтовой товарищ, гитарист и песенник, этот юноша раскрывается затем как народный мститель. Старшина первой статьи Нещепа в исполнении П. Бахтина сохраняет и в огне боев облик трудолюбивого работника, созидателя по натуре. Большое достоинство постановки в том что артисты сумели раскрыть присущее всем героям пьесы благородное чувство любви к Родине.

Но в спектакле «Песнь о черноморцах» артисту В. Лиотвейзену не удалась центральная роль старшего лейтенанта Сагайдачного. Актер играет эту роль то слишком рассудочно, то, напротив, чрезмерно патетически.

На одной из очередных бесед в коллективе завязался горячий спор о причинах этой творческой неудачи актера, о том, как она может быть преодолена.

Честный, откровенный разговор помог уяснить причины неверного решения образа Сагайдачного, добиться более глубокого и яркого воплощения роли. Прямота и откровенность критики в коллективе — тоже свидетельство его творческой зрелости.

Сейчас труппа увлечена предстоящей постановкой пьесы новосибирского писателя Виктора Лаврентьева «Кряжевы». Режиссеры театра В. Редлих и Э. Бейбутов много поработали с автором, взявшимся за сложную задачу создания драматической хроники. Новая пьеса представляет собой страницы истории одной сибирской семьи начала XX века. В спектакле найдут себе применение почти все творческие силы коллектива: и его зрелые мастера и его молодежь.

К. РУДНИЦКИЙ

Сцена из спектакля «Песнь о черноморцах» Б. Лавренева.

СЕРДЕЧНАЯ АРТИСТКА

Людмила Александровна Скопина.

Страна узнала артистку Л. А. Скопину сравнительно недавно — когда на экраны вышел фильм «Заговор обреченных». В этом фильме Людмила Александровна Скопина играла центральную роль Ганны Лихты сильно, уверенно, в простой и ясной манере, говорившей о большом творческом опыте и богатом природном даровании актрисы. Среди миллионов зрителей, просмотревших эту картину, были и такие, для которых успех Скопиной не явился неожиданностью. Фамилия актрисы им была знакома. Людмилу Скопину видели в Ленинграде, где она еще совсем юной ученицей студии пробовала свои силы на сцене Академического театра драмы, а позднее выступала в ведущих ролях в Театре комедии. Скопину помнят в Сибири, в Средней Азии, где молодая актриса побывала с театральной бригадой, ее знают в Харькове, где, будучи артисткой Русского драматического театра, она за несколько лет завоевала признание. Ее знают москвичи, горьковчане, рижане, бакинцы, ростовчане, жители многих других городов, а в первую очередь железнодорожники, ибо уже немало лет Людмила Скопина — ведущая артистка труппы Центрального театра транспорта.

— Выступления в колхозах, на новостройках, на станциях Турксиба, в шахтах Донбасса, на заводах Горького, на нефтяных промыслах Баку,— рассказывает Скопина,— были школой не менее важной, чем годы творческой учебы. Чтобы играть на сцене образ современной женщины, нужно знать ее!

Жизнерадостная, смелая летчица Лена в «Славе» В. Гусева, грациозная туркменка Джерен в «Накануне» А. Афиногенова, нежная, но мужающая в испытаниях Катя в «Хождении по мукам» по А. Толстому, уверенная в себе, волевая артистка цирка Елена Туманова в «Знатной фамилии» Б. Ромашова, стойкая и готовая к любым испытаниям Маша — жена революционера Пеклеванова в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова — все эти столь несхожие характеры современниц Скопина воссоздала на сцене с естественностью самой жизни, с внутренней свободой и простотой, за которой скрывается целеустремленный труд настойчивого, требовательного художника.

Скопиной чуждо стремление к нарочитой яркости. Преодолевая соблазны острой характерности, она отказывается от всего, что, может быть, и занимательно, однако не служит целям глубокого раскрытия образа и лишь отвлекает внимание зрителя от главного в произведении. Героини Скопиной обычно сразу завладевают вниманием зрителей. Едва остановив свой взгляд на артистке, вы уже напряженно следите за ней до конца спектакля. В грустных, затуманенных болью глазах ее Ларисы, в ясном, уверенном взоре Ганны Лихты, в настороженных, кротких, но пристальных взглядах Софьи Коломийцевой — героини «Последних» А. М. Горького — с удивительной ясностью отражается духовный мир этих столь непохожих одна на другую женщин, их сложная и богатая внутренняя жизнь.

Ганна Лихта (заслуженная артистка РСФСР Л. А. Скопина) — «Заговор обреченных» Н. Вирты. Центральный театр транспорта.

В роли Маши в «Бронепоезде 14-69» на сцене Художественного театра выступала А. К. Тарасова, ныне народная артистка Советского Союза. К. С. Станиславский на репетициях был восхищен Тарасовой. «Просто, сдержанно, глубоко. Говорят только глаза. Молодец, Алла Константиновна!» — сказал он тогда.

Людмила Скопина, не повторяя Тарасову, сумела воплотить образ Маши с той же сердечностью, с той же глубиной, с теми же «говорящими» глазами.

Скольким исполнительницам доставила горькое разочарование столь же сложная, сколь и привлекательная роль Ларисы! Скопиной эта роль принесла добытый большим трудом, но тем более радостный успех. Ее Лариса верна замыслу Островского и, главное, близка современному восприятию — это чистая, охваченная сильным чувством женщина, горячо вступающая в борьбу за свою любовь, против общества, торгующего ее красотой, ее душой, ее свободой.

Фильм «Заговор обреченных» во много раз увеличил количество зрителей, приобщившихся к светлому и умному творчеству Скопиной. Ганна Лихта, героическая натура, женщина целеустремленной воли, приобрела в воплощении Скопиной огромную душевную силу. Благородный облик Ганны, зовущий к подражанию, ее пример верности патриотическому долгу, высокой принципиальности производит незабываемое впечатление.

С экрана образ Ганны вернулся на сцену: актриса недавно снова сыграла полюбившуюся ей роль в новой пьесе Николая Вирты—«Три года спустя». Драматург в этом произведении изображает деятеля молодого народно-демократического государства, крепнущего в борьбе с врагами. И актрисе удалось обогатить образ новыми красками — показать возросший опыт Ганны, рожденную борьбой зрелость ее сильного характера.

После одного из концертов Скопиной, когда сценой ей служила железнодорожная платформа, а залом — огромное паровозное депо, юная работница, взглянув на свои покрасневшие от аплодисментов руки, громко сказала подруге:

— Какая сердечная артистка!

Эти слова, пожалуй, наиболее точно определяют основное свойство творчества актрисы Скопиной.

И. САХАРОВА

Лариса (Л. Скопина) — «Бесприданница» А. Н. Островского.

Екатерина Дмитриевна (Л. Скопина) — «Хождение по мукам». Инсценировка одноименного романа Ал. Толстого.

Джемма Уоррен (Л. Скопина) — «Овод» А. Желябужского по роману Э. Войнич.

Повесть о великом физиологе

Государственное издательство детской литературы подарило своим юным читателям новую книгу — повесть о гениальном русском физиологе Иване Петровиче Павлове.

Если, как говорит автор повести А. Н. Студитский, XIX столетие называли когда-то веком Дарвина, то «веком Павлова назовут в истории естествознания XX столетие».

Действительно, открытые Павловым законы работы головного мозга и всей высшей нервной деятельности организма — это самое выдающееся естественно-научное достижение нашего времени.

О титанах мысли, создававших целые эпохи в науке, написано уже немало книг и статей, но этим далеко не удовлетворены запросы читателя.

Особенно отстает популярная литература для молодого поколения. А на примере замечательного жизненного пути и творческих дерзаний Ивана Петровича Павлова должна учиться наша молодежь, к которой он обратил свои вдохновенные слова: «Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях!.. И для молодежи, как и для нас, вопрос чести — оправдать те большие упования, которые возлагает на науку наша родина».

Книга А. Н. Студитского в значительной мере восполняет указанный пробел в популярной литературе. Автор взял на себя трудную, но благодарную задачу — рассказать простым, доступным для юношества языком о жизни и творчестве нашего великого соотечественника. И созданную им книгу хочется назвать большой удачей.

...Студитский знакомит нас с юношей Ваней Павловым, «с жадным, ненасытным вниманием впивающимся в страницы книги» при тусклом свете коптящей маленькой керосиновой лампы. Книга эта — «Рефлексы головного мозга» Сеченова. Под влиянием этой книги у юноши возникает протест против нелепых сказок, которыми его пичкают в духовном училище.

Живо рисует А. Н. Студитский начало занятий Павлова в университете: первые опыты с животными... сомнения в правильности господствующих в физиологии взглядов... поиски совершенно новых методов изучения пищеварительных функций организма.

Автор показывает читателю неутомимого, целеустремленного исследователя, смело и уверенно идущего к познанию объективной истины. Талант экспериментатора открывает перед Павловым новые «тайны» организма. Начинаются знаменитые опыты с «мнимым кормлением» собак...

«Неистощимая любовь к труду поддерживала неувядаемую молодость Павлова... Любовь к труду — физическому и умственному — была секретом выносливости Павлова... Любовь к труду делает чудеса, заставляет не замечать усталости, позволяет совершать дела, непосильные другому человеку... Правда — вот чем и для чего нужно жить», — пишет А. Н. Студитский и этим как бы призывает читателя следовать жизненному примеру великого ученого.

Павлов с негодованием отбрасывает антинаучные взгляды зарубежных ученых, со всей страстностью своего темперамента борется с реакционерами в русской науке и ведет на них в атаку несокрушимую армию фактов.

Перед читателем встает образ живого Павлова, образы его друзей и учеников, развивающих идеи своего учителя.

Прекрасно показаны две эпохи: дореволюционная, когда ученому пришлось с трудом пробиваться сквозь тысячи преград, воздвигавшихся на пути науки, и советская, предоставившая Павлову неограниченные возможности для его творческих исканий.

Автор вводит читателей в лабораторию Павлова, делает их как бы свидетелями его экспериментов. К сожалению, местами текст перегружен деталями сложных опытов, трудных для понимания юного читателя. Большой художественной силы достигают

описания отдельных сцен на международных конгрессах и заседаниях ученых советов.

Иллюстрирована книга неплохо, но жаль, что в ней никак не использованы кадры документальной киносъемки многих замечательных павловских опытов.

Н. СЕРГЕЕВ

А. Н. Студитский. Повесть о великом физиологе. Детгиз. 1952. 432 стр.

Михай Танчич

Улица старого Пешта иллюминирована свечами, выставленными в окнах. Тысячная толпа с факелами в руках окружает карету. Лошади выпряжены, и люди везут экипаж, в котором сидят мужчина и женщина, одетые в простое платье...

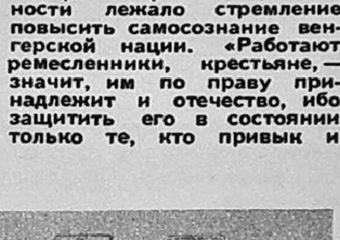

Изображенное на этом старинном рисунке событие произошло 15 марта 1848 года — в первый день венгерской революции. В этот день был освобожден из тюрьмы Михай Танчич — венгерский революционер — просветитель, один из тех, кто готовил народ к борьбе за национальное освобождение.

Сам он впоследствии вспоминал об этом событии, как об одном из волнующих эпизодов своей жизни.

Из вышедшей ныне в Гослитиздате обширной автобиографии Танчича (1799—1884) советский читатель узнает о жизненном пути замечательного венгерского революционера.

Михай Танчич родился в голодной и нищей деревне. Жажда знаний, желание принести пользу своему народу помогли сыну бедняка-крестьянина ценой огромных лишений получить необходимое образование, стать известным публицистом. Танчича интересовали и проблемы венгерского языка, и история Венгрии, и вопросы культуры. Но в основе всей

его разнообразной деятельности лежало стремление повысить самосознание венгерской нации. «Работают ремесленники, крестьяне, — значит, им по праву принадлежит и отечество, ибо защитить его в состоянии только те, кто привык и умеет трудиться,— писал Танчич в канун революции 1848 года.— Барственные тунеядцы и лентяи не сумели бы прожить без рабочих, но рабочие могут существовать без праздных господ».

Эта мысль легла в основу всей деятельности М. Танчича, она же определила и его позицию в революции 1848 года.

Историческая заслуга Танчича заключается в том, что внутри союза с левым крылом дворянства он неуклонно отстаивал интересы крестьянских масс.

Неиссякаема была революционная энергия Танчича. Издание газеты для крестьян, борьбу против дворянских депутатов парламента, пытавшихся лишить революцию ее народного характера, организацию отряда национальной гвардии — все это он считал своим прямым боевым долгом. После поражения революции Танчич, не желая покинуть родину, надолго уходит в подполье. В течение восьми лет он скрывается от полиции и работает над произведениями, в которых пытается подытожить опыт революции. Затем он снова попадает в тюрьму. Семь лет спустя австрийские власти освобождают его: слепой, разбитый болезнями старик кажется им безопасным.

Однако, выйдя на волю, Танчич немедленно возобновляет свою политическую деятельность, принимает активное участие в рабочих организациях, издает газету «Арань тромбита» («Золотая труба»).

Старый крестьянский вождь сумел увидеть в пролетариате первого союзника и руководителя трудового крестьянства.

Даже после смерти Танчича венгерская буржуазия по-прежнему боялась его. Горьким упреком правителям полуфеодальной Венгрии продолжали звучать его слова о тяжкой доле трудового крестьянства, которое вплоть до 1945 года оставалось таким же бесправным, как и после поражения революции 1848 года. Разоблачительный памфлет «Рим, священники и папы» почти столетие сохранял свою актуальность в Венгрии, где огромной властью обладало реакционнейшее католическое духовенство, ненавидевшее народ. (Степень этой ненависти раскрылась хотя бы на недавнем процессе шпиона-кардинала Миндсенти.) Не могли ли быть отнесены слова Танчича о рабском преклонении перед заграницей к венгерской буржуазии XX века? И разве его гневные речи об утере правящими классами чувства национальной гордости и против немецкой колонизации Венгрии

Михай Танчич.

не звучали как резкое обличение хортистской клики, запродавшейся Гитлеру и вовлекшей страну в преступную войну против Советского Союза?

Венгерская буржуазия пыталась оболгать Танчича, предать его труды забвению. Только в народно-демократической Венгрии была восстановлена историческая справедливость. Венгерский народ, строящий социализм, с благодарностью вспоминает тех, кто начал борьбу за свободу и независимость родины, ибо, по словам М. Ракоши, «народная демократия — не только наследник, но и продолжатель и завершитель всего того, что поставили своей целью герои 1848 года — Кошут, Петефи, Танчич...»

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

Михай Танчич. Мой жизненный путь. Перевод с венгерского. Гослитиздат. М. 1952. 451 стр.

Три автографа

...Их знакомство произошло в начале 1915 года. В это время, когда каждое выступление Маяковского — как устное, так и печатное — встречалось улюлюканьем всей буржуазной прессы, Горький не только поддержал молодого поэта, но и во всеуслышание предсказал ему большое будущее.

3 июля 1915 года Горький писал Маяковскому:

«Буду рад видеть Вас. Если можно — приезжайте к часу, к завтраку. Всего доброго! А. Пешков».

Из автобиографии поэта мы знаем о том, как он читал Горькому поэму «Облако в штанах». Вероятно, тогда же, во время этой встречи, Горький подарил гостю только что вышедшую книгу «Детство» с надписью: «Без слов, от души Владимиру Владимировичу Маяковскому. М. Горький».

В конце 1915 года отдельным изданием вышла поэма «Облако в штанах». На титульном листе экземпляра этой книги, подаренного Горькому, написано: «Алексею Максимовичу с любовью Вл. Маяковский». «Алексею Максимовичу с нежной любовью Маяковский»,— гласит другая надпись, на издании поэмы «Флейта-позвоночник».

Вот и все документы (если не считать многочисленных воспоминаний), которыми мы располагали до сих пор о взаимоотношениях Горького с Маяковским.

На самом деле их больше.

В октябре 1916 года вышла книга В. Маяковского «Простое как мычание». Она была отпечатана издательством «Парус», созданным и руководимым Горьким. Выходу книги предшествовало сотрудничество Маяковского в горьковском журнале «Летопись».

«Простое как мычание» — первая книга поэта, увидевшая свет в настоящем, большом издательстве, имевшем определенное идейное направление. Книга готовилась к печати при непосредственном участии Алексея Максимовича. Один из его ближайших сотрудников по руководству издательством «Парус», А. Н. Тихонов, в своих воспоминаниях, хранящихся в музее А. М. Горького, пишет: «При отборе стихов для «Простое как мычание» Маяковский советовался с Алексеем Максимовичем и много. По нашему совету он много выбросил из своего первого варианта и много добавил».

Естественно, что когда эта книга вышла из печати,— один из первых ее экземпляров был тут же преподнесен Горькому с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский».

В феврале 1918 года Маяковский получил возможность издать «Облако в штанах» в полном виде, восстановив страницы, прежде изъятые цензурой. Это издание мы тоже находим в личной библиотеке Горького. На титульном листе читаем: «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский».

Тогда же, в феврале 1918 года, увидела свет отдельным изданием поэма Маяковского «Человек».

Надо думать, не случайно назвал Маяковский свою поэму так же, как Горький свою раннюю философскую новеллу. Та же идея прославления человеческой личности, Человека с большой буквы, противопоставленного мерзости капиталистического общества, явилась центром всей поэмы Маяковского.

На книге надпись: «Алексею Максимовичу Маяковский со всей нежностью».

Таковы три новых автографа Маяковского, копии с которых предоставлены Н. А. Пешковой для экспонирования в музее А. М. Горького.

Г. ЛЕВИН,
научный сотрудник
музея А. М. Горького

Судьи регистрируют результат Щеголеевой в беге на 1000 метров на высокогорном катке близ Алма-Аты.

Фото А. Бурдукова.

Халида Щеголеева вышла на старт

Мастер спорта А. ПИСКАРЕВ

Произошло это два года назад. В январский день на каток общества «Медик» в Москве пришли две девушки. Одна из них уже занималась в юношеской спортивной школе, другая, что повыше ростом, пришла сюда впервые.

В центре катка стоял тренер Михаил Петрович Соколов. Он внимательно следил за конькобежцами, которые плавно скользили по ледяной дорожке.

Девушка, что повыше ростом, подошла к Соколову. Тренер выслушал ее и предложил пробежать два круга.

Она охотно сделала это. Коньки у нее были не беговые, а самые обычные. Зато посадку она приняла такую же, как самые заправские скоростники. Прошла не два круга, а четыре.

— Как вас зовут? — спросил Соколов.

— Щеголеева Халида.

Тренеры К. Кудрявцев (слева) и М. Соколов беседуют с Халидой Щеголеевой.

— Придется основательно потрудиться... Коньки нужно сменить на беговые. Вы их получите в нашей школе. Приходите завтра, начнем заниматься.

Уменье разглядеть в неловких, угловатых движениях начинающего спортсмена шаги будущего мастера — одно из самых драгоценных качеств тренера. Соколов не ошибся в своих предположениях. Он был уверен, что Щеголеева сумеет стать, и в короткий срок, хорошим мастером.

Откуда взялась такая уверенность?

Щеголеева обладала замечательным качеством — уменьем бежать на коньках в низкой посадке. Это для начинающих трудно. Не у всех хватает терпения и настойчивости бежать круг за кругом на сильно согнутых ногах и с наклоненным вперед корпусом. К тому же у Щеголеевой было замечательное чувство равновесия. Ей доставляло удовольствие возможно дольше катиться на одной ноге. А ведь это одна из основ техники скоростного бега на коньках.

Родители Халиды тревожились за будущее своей дочери. Она мечтала о таких профессиях, которые были почему-то не по душе ни отцу, ни матери. Ей хотелось быть скульптором, и она лепила из глины различные фигурки, потом увлеклась рисованием.

Любила она и спорт, особенно бег на коньках. Тут все нравилось Халиде: непередаваемое ощущение быстрого бега, согласованность и ритмичность движений.

К концу сезона Щеголеева опередила всех своих подруг по школе и выполнила норму второго разряда. Эти первые достижения пришли не сами собой. Пожалуй, Соколов «придирался» к ней больше, чем к другим своим ученикам. Он рассуждал правильно: кому многое дано, с того и много спросится.

Весной, когда солнечные лучи растопили ледяную дорожку, юношеская конькобежная школа общества «Медик» продолжала жить и работать.

Легкая атлетика, спортивные игры, велосипедные прогулки заменили теперь бег на коньках. Школа получила десять новеньких велосипедов «Турист». Соколов спросил, все ли умеют кататься на велосипеде. Оказалось, что все. И тогда решили покататься на велосипедах по Измайловскому парку.

Настала очередь Халиды сесть на машину. Велосипед толкнули — и через несколько секунд Щеголеева оказалась в канаве.

— Я не успела хорошенько сесть на седло,— оправдывалась смущенная Халида.— Сейчас увидите, как я поеду.

Она действительно поехала, но как-то странно. Велосипед двигался вперед зигзагами. Все же Щеголеева благополучно доехала до поворота и скрылась с глаз. Прошло несколько минут — Щеголеевой не было... Вскоре на другом конце аллеи появилась Халида. Она проехала более 3 километров... Тут выяснилось, что девушка впервые села на велосипед.

Зимой Халида снова стала на коньки. Теперь она уже выступала на соревнованиях. В начале 1952 года ее включили в состав сборной команды Москвы, и она уехала в Свердловск. Это было ее первое состязание вместе со взрослыми спортсменами, самыми сильными в Советском Союзе. Халида заняла тогда двенадцатое место. Не так уж плохо для начала.

С большим нетерпением ждала Щеголеева нынешнего сезона.

Она работала и училась в школе рабочей молодежи, много читала, продолжала готовиться к зиме.

Ее первый наставник, М. Соколов, не мог больше быть ее тренером: он стал заведующим кафедрой конькобежного спорта в институте физкультуры.

Новым тренером стал Константин Константинович Кудрявцев — замечательный скороход, знаток своего дела.

Теперь Щеголеева занималась вместе с Марией Исаковой. Ей нравился ее стиль и техника бега.

В канун Нового года на свердловском катке «Динамо» состоялись интереснейшие состязания — традиционная встреча пяти городов: Ленинграда, Горького, Москвы, Кирова и Омска. Щеголееву вновь включили в состав сборной команды столицы. Но имя ее потонуло в перечне фамилий известных всей стране чемпионок и рекордсменок. Это были заслуженные мастера спорта Римма Жукова, Лидия Селихова, Мария Аниканова, Ольга Акифьева.

Первая дистанция — 500 метров — самая короткая и самая трудная для Щеголеевой. Халида разделила седьмое, восьмое и девятое места с результатом 50,8 секунды. Заметим, что год назад она пробегала эту дистанцию за 65 секунд.

Зато бег на 3 тысячи метров принес ей успех. Она опередила Аниканову, Акифьеву, Селихову и уступила лишь Жуковой.

На другой день состязания продолжались. Женщины стартуют на тысячу метров — два с половиной круга. Акифьева пробежала эту дистанцию за 1 минуту 46,1 секунды, а чемпионка мира Селихова — за 1 минуту 44,2 секунды. Долго никому не удавалось побить этот результат. Наконец Жукова улучшает его на 2 секунды, но и этот результат оказался не лучшим. Тут-то и сказала свое слово Халида Щеголеева: она пробежала тысячу метров за 1 минуту 41,9 секунды. Это достижение осталось непревзойденным.

Наконец заключительная дистанция — 5 тысяч метров. Встречаются Жукова и Щеголеева: рекордсменка мира и начинающий конькобежец. Сначала они шли вместе, затем опыт Жуковой победил.

В итоге двухдневных состязаний первое место завоевала Римма Жукова, а второе Халида Щеголеева.

* * *

В конце января на высокогорном катке близ Алма-Аты Халида Щеголеева впервые выступила в числе сильнейших скороходок на первенстве страны. Впервые она бежала по этой удивительной дорожке. Она сумела показать превосходные результаты и заняла второе место. Первой и на этот раз была Римма Жукова.

Но на своей любимой километровой дистанции Халида оказалась победительницей и завоевала звание чемпиона Советского Союза.

Щеголеевой удалось побить старые мировые рекорды в беге на 3 и 5 тысяч метров и установить новый мировой рекорд в беге на полтора километра.

Все это достигнуто Халидой Щеголеевой в один зимний сезон. Это тоже своеобразный рекорд.

„Ошибка" проводника

Фельетон

Борис ПРИВАЛОВ

Может быть, об ошибке Мехмета Джемаля не стоило и вспоминать, но в последнее время опять замелькали в газетах сообщения о новой экспедиции американцев на гору, которая по-турецки называется Бююк-Агры, а в других странах более известна под именем Арарат.

События — если верить рассказчикам этой истории — развивались так: в одну из деревень, расположенных на склоне Бююк-Агры, примчался на мотоцикле Ибрагим эфенди и уединился со старостой для важного разговора. Кто такой Ибрагим эфенди, никто из жителей толком не знал. Зато хорошо было известно, что его визиты не приносят добра. За ними следовали обычно или опись чьего-нибудь имущества за долги, или сообщение об увеличении налогов, или прибытие гостей, которых деревня должна была бесплатно кормить и поить. Ибрагима называли в народе «черным эфенди». Пастух Мамо, случайно оказавшись в саду старосты, подслушал новости и сделал их достоянием односельчан.

— Опять американцы будут взбираться на Бююк-Агры! — произнес Мамо, вбегая в дом Мехмета, где собрались мужчины деревни.— Будут гости из самого Стамбула! Много гостей! Погибли наши бараны.

Все горестно вздохнули.

— А кто мешает нам,— сказал Мехмет,— угнать жалкие остатки наших стад подальше в горы?

Мамо и другие побежали готовить стадо к походу.

Когда дровосек Али остался наедине с Мехметом, он поплотнее прикрыл дверь и подсел поближе.

— Сосед,— сказал Али,— я несколько ночей провел на Бююк-Агры — на дальних порубках... И я видел многое, а меня не видел никто. Ночью по горе ходят неизвестные люди. На моих глазах одни пришли к старой пещере в Голубом ущелье с тюками и ящиками, а другие — в Зеленое ущелье. Они принесли какие-то доски и странные предметы...

— Что они делали, как ты думаешь, сосед? — спросил Мехмет Джемаль.

— А что они делали в прошлом году? И в позапрошлом? Целые недели будут лазать по тому склону Бююк-Агры, с которого видна советская граница, а затем пойдут туда, где заранее закопаны привезенные вещи, и выкопают их, будто экспедиция нашла древности, которые искала...

Мехмет сказал задумчиво:

— Значит, в Голубом и Зеленом ущельях прятали вещи разные люди... Они не встречались друг с другом!..

...Через двое суток, когда бараны под руководством Мамо уже достигли заоблачных высот, по дороге, ведущей из долины в деревню, двигалась колонна автомобилей экспедиции. Во главе колонны на длинной и зеленой, как гусеница, машине, ехал «янки-паша» — так прозвали жители американских генералов, частых гостей в пограничных районах.

Жители встретили приезжих спокойно, так как все съестное уже было спрятано в надежных местах. Когда же «черный эфенди» собрал всех мужчин деревни и спросил, нет ли желающих пойти проводником экспедиции на Бююк-Агры, ответом этому было молчание. И вдруг произошло неожиданное.

— Я поведу наших гостей! — раздался голос.

Крестьяне не поверили ушам своим: это был голос Мехмета Джемаля. Если бы Бююк-Агры обнажил голову, сбросив свою неизменную снежную феску, и то бы это не произвело такого впечатления.

— Что ты делаешь, сосед! — шепнули сзади Мехмету.— Вспомни о твоих сыновьях, убитых в Корее!

— Я помню о них! — так же тихо ответил Джемаль.

— И идешь с «янки-пашой»? С теми, кто отобрал нашу землю в долине и построил на ней аэродромы?

— Да, я пойду проводником! — повторил Мехмет Джемаль и вместе с «черным эфенди» зашагал к дому старосты, где отдыхали руководители экспедиции.

...На вторые сутки после выхода экспедиции в горы отряд разбился на две группы: одна, до зубов вооруженная оптическими приборами и фотоаппаратами, под водительством «янки-паши» отправилась, как и следовало ожидать, на тот склон Бююк-Агры, с которого видна была советская территория. Другая, к которой присоединились корреспонденты, фоторепортеры, а также французы, швейцарцы и прочие гости, под руководством «профессора» Генри Додсона принялась за раскопки. Мехмет шел с группой Додсона.

«Профессор» был человеком эксцентричным: он не протестовал, когда его называли полковником, и часто путал в разговоре научные термины с военными.

— У нас в лаборатории был такой случай. Лейтенант... то есть я хотел сказать, лаборант...

Корреспонденты перемигивались между собой и, делая серьезные лица, в десятый раз спрашивали:

— А что, собственно, вы ищете на этой горе, профессор?

— В одном старинном альманахе,— важно говорил Додсон,— именуемом «Библия», в свое время был напечатан фельетон о некоем мистере Ное, который во время наводнения проявил незаурядную смекалку и нашел убежище на горе Арарат. Так вот остатки этой самой лодки, на которой мистер Ной причалил к Арарату, мы и продолжаем разыскивать. Ясно?.. Вольно! Можете идти!

Журналисты сделали «направо кругом» и, смеясь, разошлись в поисках других развлечений.

Однажды вечером полковник вызвал к себе проводника.

— Слушай, турок,— сказал он,— ты знаешь самую короткую дорогу к Зеленому ущелью? Олрайт! Завтра утром мы выступаем. Надо быть там днем, чтобы газетчики сумели сфотографировать кое-что...

Проходя мимо носильщиков, Мехмет отозвал в сторону одного из них и шепнул:

— Беги в деревню и скажи Али, что я хочу его видеть завтра. И передай, что утром мы по приказу мистера Додсона выступаем к Зеленому ущелью. Не перепутай ничего! Беги!

...Солнце еще было высоко, когда экспедиция остановилась.

— Мы пришли! — сказал Мехмет, внимательно осматриваясь. Он заметил улыбающегося носильщика, того самого, который бегал в деревню.

Радиопередатчик экспедиции был захвачен корреспондентами: они передавали в город, а оттуда транслировали на весь мир информацию о раскопках.

— Сейчас мы стоим на пороге крупных открытий,— ораторствовал Додсон.— Мы докажем всему миру подлинно научный характер наших экспедиций на Арарат... По данным разведки, то есть наших научных исследований, остатки ноева ковчега должны находиться где-то поблизости... К извлечению их из земли мы и приступаем!..

Но тут речь мистера Додсона была прервана криками гостей.

Из пещеры показались измазанные глиной французы, которые несли какие-то ящики, затем швейцарцы с небольшимч аккуратными свертками. Последним вышел Мехмет, дующий в какой-то странный инструмент, похожий одновременно на воловий пузырь и чехол от матраца.

— Это... что такое? — растерялся мистер Додсон.

— Нашли чей-то склад! — недоуменно сообщили участники экспедиции.— Целая база!

На поляне от щелканья фотоаппаратов стоял такой треск, словно дивизион саранчи давал хоровой концерт.

Носильщики начали разбивать ящики, и перед взорами присутствующих предстали пакеты со взрывчаткой, пистолеты, патроны, гранаты, ватные коробки с ампулами яда.

— Лодка! Лодка! — закричал восхищенный Мехмет и, таща за собой надувную лодку, подбежал к мистеру Додсону.— Я нашел ковчег мистера Ноя!

На резиновой лодке горели яркие буквы «USA».

— Черт знает что! — сказал «профессор» Додсон и вдруг произнес настолько образную фразу, что даже видавшие виды корреспонденты зажмурились от удовольствия.— Куда мы попали? Проводник! Где мы находимся?

Вдруг все вздрогнули: стоявший вокруг поляны лес захохотал. Дровосек Али от хохота даже свалился с дерева, откуда он наблюдал за «раскопками».

— Что это значит? — растерялся полковник.— Почему здесь столько народу?

— Население проявляет большой интерес к научным раскопкам,— сказал Мехмет.— Но ведь иногда корреспонденты не обо всем пишут в газеты...

— Я приказал тебе привести нас в Зеленое ущелье! — кричал полковник.— А где мы находимся сейчас?

— Простите неграмотного охотника,— сказал Мехмет.— Я спутал цвета... Это Голубое ущелье...

...Вот, собственно говоря, и вся история. Полковник сделал вид, что ничего особенного не произошло, и экспедиция,— правда, уже с другим проводником, выписанным из ближайшего гарнизона,— пошла к Зеленому ущелью... Но над резиновым ковчегом и прочим ноевым инвентарем долго еще смеялись крестьяне.

— Почему же вы пошли сюда? — спросил носильщик у дровосека Али.— Ведь Мехмет передал вам, что он идет к Зеленому ущелью?

— Мы знали,— сказал Али,— что в одном месте запрятаны «находки» для экспедиции, а в другом — оружие для диверсантов. Но где что — не знали. Но раз «профессор» дал приказ идти в Зеленое ущелье, то стало ясно, что оружие спрятано в Голубом ущелье...

Рисунки Б. Лео.

Из почты «Огонька»

«Кристалл Чернова»

Главный инженер завода имени А. К. Серова С. В. Нагорный читает лекцию для начальников цехов и отделов завода об открытом Д. К. Черновым законе кристаллизации стали.

Фото В. Коковихина.

Семьдесят пять лет назад гениальный русский ученый, отец металлографии, Дмитрий Константинович Чернов открыл, что жидкий металл — это сильно перенасыщенный раствор, способный кристаллизоваться. Ученый дал схематическую картину древовидной кристаллизации стали. Подобные образования в дальнейшем получили название «кристаллов Чернова».

...Литейщики Уральского металлургического завода имени А. К. Серова отлили стальной прокатный вал. Его перевезли для механической обработки в ремонтно-механический цех и установили в станок. Токарь, нарезая усадочную раковину, заметил внутри нее огромный иссиня-черный металлический кристалл, напоминающий по форме дерево с разветвленной кроной. Это был «кристалл Чернова». Он имел высоту около 400 миллиметров. Токарь извлек кристалл из усадочной раковины вала и передал его дирекции завода.

Вскоре при обработке очередного вала был обнаружен второй кристалл, такой же красивый, но значительно меньшей высоты и совершенно черный.

Находка серовскими металлургами «кристалла Чернова» представляет большой интерес. Самим Д. К. Черновым был найден также в усадочной раковине всего один такой кристалл, высотой 390 миллиметров.

В. ЗАПРЕТИЛИН
Город Серов.

Стол из первой меди

В одном из залов краеведческого музея в Нижнем Тагиле стоит низкий овальный полированный стол медного оттенка на фигурных ножках. Это не обычный старинный стол. Он сделан из первой российской меди и отлит на старейшем металлургическом заводе города (предприятии, носящем ныне имя В. В. Куйбышева) в 1715 году. На средней крышке (она состоит из трех частей) имеется надпись:

«Сия первая в России медь от искана всибире бывшим комиссаром Никитою Демидовичем Демидовым по грамотам великого Государя Императора Петра Первого в 1702 и 1705 и 1709 годах, а из сей первовыплавленной меди сделан оный стол в 1715 году».

Н. РОЗИНА

Свердловск.

Фото Я. КУНИНА.

ОСТРОСЛОВЫ

Однажды перед «высочайшим» смотром Аракчеев обратился к генералу А. П. Ермолову с такою речью:

— Алексей Петрович, тебе надо подтянуть артиллерию. Смотри, чтобы и лошади были в порядке! От этого твоя судьба зависит.

— Знаю, ваше сиятельство, — отвечал Ермолов, ненавидевший временщика, — наша судьба часто зависит от скотов.

★

Во время пребывания в Одессе П. И. Чайковского в театре шли одна за другою его оперы. Однажды на репетиции оперный маэстро Эммануэль заявил композитору:

— А знаете, Петр Ильич, в «Мазепе» попадаются нюансы из «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы».

— А знаете, маэстро, — ответил ему в тон Чайковский, — и «Мазепа», и «Евгений Онегин», и «Пиковая дама» — мои оперы.

В высотном доме открылось почтовое отделение.

(Из газет).

«АВИАПОЧТА».

Изошутка Ю. Черепанова.

РЕШЕНИЕ арифметической задачи (№ 5)

ОТВЕТ. От 643 по 649 (включительно).

РЕШЕНИЕ. Из условия задачи вытекает, что каждое последующее слагаемое больше предыдущего на единицу. Легко вычислить разницу между первым (наименьшим) слагаемым и последующими.

Для этого необходимо сложить: 1+2+3+4+5+6=21.

Отняв от заданной суммы, то есть от 4 522, общую разницу, то есть 21, получим число 4 501, которое теперь будет суммой семи равных чисел.

Поэтому: 4 501 : 7 = 643 — первое (наименьшее) слагаемое. Остальные определить нетрудно, так как они идут по порядку.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман Л. Н. Толстого. 8. Щит, предохраняющий от жара света. 9. Курорт. 11. Птица. 13. Народный артист СССР. 15. Род павианов. 16. Город в РСФСР. 17. Рыба. 18. Река в Эстонии. 19. Продукт неполного осахаривания крахмала. 22. Чувство. 23. Объявление. 24. Приятельница. 26. Неизменяемая часть речи. 28. Офицерское звание. 29. Залив в низовьях реки. 30. Столица государства в Азии. 31. Ступень общественного развития и материальной культуры.

По вертикали:

1. Героиня романа Флобера. 2. Подлинник. 3. Спрут. 4. Дословная выдержка из текста. 6. Профессия. 7. Догадка. 10. Растение со съедобным корнем. 12. Автор проекта первого воздухоплавательного ракетного прибора. 14. Название водопада. 15. Гора в Европе. 20. Род живописи. 21. Краткость и четкость изложения. 25. Минерал. 27. Наиболее удаленная от солнца точка орбиты планеты.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

6. Счастливцев. 9. Сектор. 10. Флейта. 12. Агент. 14. Пестель. 15. Полонез. 18. Старт. 20. Брезент. 21. Шасси. 22. Авианосец. 23. Багратион. 25. «Парус». 27. Пиренеи. 28. Арысь. 32. Филолог. 33. Функция. 34. Сурик. 36. Нокаут. 37. Орбита. 38. Эксперимент.

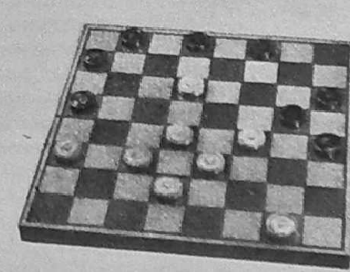
По вертикали:

1. Учитель. 2. Истра. 3. Планеризм. 4. Свифт. 5. Телефон. 7. Ректор. 8. Строфа. 11. Реставрация. 13. Верстовский. 16. Армения. 17. Антарес. 19. Тонус. 21. Шкала. 24. Фейерверк. 26. Удодов. 29. Ракита. 30. Ромашка. 31. «Журбины». 34. Степь. 35. Корма.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. ТОРЧИНСКОГО.

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Эта позиция получилась в партии Иванов (Москва) — Евсюков (Воронеж), игранной в XIV чемпионате СССР (Ленинград, 1952 год), после 18-го хода белых. Черные могли добиться ничьей, продолжая:

18. ...	a7—b6!
19. d4—e5	d8—e7
20. e5—f6	e7 : c5
21. f6—g7	b8—a7
22. g7—h8	f8—g7!
23. h8 : f6!	. . .

Нельзя 23. h8 : d4 из-за h4—g3 24. f4 : h2 g5—f4 и т. д.

23. ...	g5 : e7
24. g1—f2 и ничья.	

Евсюков не нашел этого продолжения и партию проиграл.

В этом номере помещены репродукции картин К. Ф. Юона «Зимний сон», П. П. Соколова-Скаля «Яйла» и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана

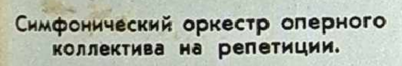
А 01420. Подп. к печ. 10/II 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 146. Заказ № 104. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОПЕРА В РАБОЧЕМ КЛУБЕ

В Доме культуры имени Пушкина при Ново-Краматорском заводе имени И. В. Сталина с успехом идет опера Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», поставленная оперным коллективом, в составе которого рабочие, служащие и инженерно-технические работники завода.

Симфонический оркестр оперного коллектива на репетиции.

Сцена из оперы «Запорожец за Дунаем».

В роли Оксаны — кассир жилищно-коммунального отдела завода Мария Самарская, в роли Андрия — табельщик механического цеха Владимир Новицкий.

Фото М. Озерского

Цена 3 руб.